

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОСВОЕНИЮ СИБИРИ
В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Сборник научных трудов

Вып. 2

НОВОСИБИРСК
Сибирское научное издательство
2010

ББК 63.3(2)64-2

ДЗ9

Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Сборник научных трудов. Вып. 2. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 2010. 230 с.

ISBN 978-5-91124-034-9

В сборнике продолжено изучение деятельности государственных организаций по индустриальному освоению Сибири, формированию и закреплению населения в районах её нового промышленного освоения в XX – начале XXI вв. Главный акцент сделан на исследовании процессов взаимосвязи и взаимодействия индустриального строительства и социально-демографического развития на территории по пути продвижения от традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому.

Сборник адресован специалистам, учащимся и всем интересующимся историей Сибири.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Рецензенты

д-р истор. наук *И.М. Савицкий*, д-р истор. наук *А.А. Николаев*,
д-р филос. наук *Ю.В. Попков*

Редакционная коллегия

канд. истор. наук *А.И. Тимошенко (отв. редактор)*,
д-р истор. наук *С.С. Букин*,
канд. истор. наук *А.А. Долголюк*,
д-р истор. наук *В.И. Исаев*

Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а «Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения Сибири в XX – начале XXI вв.».

Издание осуществлено в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8 «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе в XX столетии»

Без объявления
ISBN 978-5-91124-034-9

© Коллектив авторов, 2010
© Институт истории СО РАН, 2010

А.И. Тимошенко

**Проблемы формирования населения и индустриальных кадров
для районов нового промышленного освоения Сибири
в государственной политике СССР.**

Сибирь в советской государственной политике с самого начала рассматривалась как регион больших экономических возможностей. Перспективные наметки её индустриального развития были включены в план ГОЭЛРО и региональные народнохозяйственные планы, которые разрабатывались в 1920-х гг. Госпланом СССР и его местными отделениями. В процессе проведения реформы экономического районирования подразумевалось создание в Сибири крупных индустриальных областей, которые должны были получить стимулы для экономического развития в зависимости от своих энергетических и природно-сырьевых возможностей. В первых пятилетних планах развития народного хозяйства СССР индустриальное освоение восточных районов, в том числе и Сибири, являлось важной составляющей частью перспективного развития страны.

Попытки индустриального освоения Сибири начали предприниматься на рубеже XIX–XX столетий на фоне активного социально-экономического развития региона, вызванного строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и массовым переселением сюда людей из Европейской части страны. Несмотря на то, что государственная политика в этот период ориентировалась на аграрное развитие региона, индустриальные производства неизбежно становились частью хозяйственных планов. При наличии богатых природных возможностей рассматривались идеи создания предприятий угледобывающей, горнорудной, металлургической отраслей. Богатые традиции в Сибири имела золотодобыча. В первое десятилетие XX в. значительное развитие получила обрабатывающая сельскохозяйственное сырьё промышленность – мукомольная, маслодельная, кожевенная, обувная, текстильная. При этом наиболее промышленно развитыми, за исключением некоторых горнодобывающих районов, были места вдоль железной дороги или близко от неё.

Достаточно крупные по тем временам индустриальные проекты предполагалось реализовать в Сибири в годы Первой мировой войны, когда регион и в государственной политике, и в среде предпринимателей рассматривался в качестве глубокого тылового района, обладавшего многими необходимыми ресурсами и возможностями для создания военно-оборонной промышленности. Однако в последующие годы социально-политические и военные катаклизмы приостановили реализацию данных намерений. Они обозначились вновь примерно со второй половины 1920-х гг., когда в СССР стали разрабатываться пятилетние планы народнохозяйственного развития, нацеленные на индустриализацию страны.

После длительных и острых дискуссий курс на индустриальное развитие Урала и Сибири получил поддержку в государственной стратегии социально-экономического развития СССР. В первом все-союзном народнохозяйственном пятилетнем плане (1928–1932 гг.) намечалось создание в восточных районах страны сразу нескольких базовых отраслей экономики: топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии, тяжелого и транспортного машиностроения. Реальные действия государственного управления в этот период были связаны с созданием Урало-Кузбасского промышленного комбината, проект которого разрабатывался уже несколько десятилетий и основывался на стремлении достичь двух главных целей: с одной стороны обеспечить уральскую металлургию эффективным и полноценным топливом, а с другой – сибирское хозяйство металлом. Кроме того, советское политическое руководство стремилось в перспективе создать в восточных районах страны вторую после южноевропейской топливно-металлургическую базу с развитием комплекса предприятий машиностроения и химической промышленности.

В Сибири намечалось решение первоочередной задачи индустриального развития региона – создание восточной части Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Строительство первых его предприятий, в том числе и Кузнецкого металлургического завода и угледобывающих шахт, было включено в первый директивный пятилетний план СССР на 1928–1932 гг. Государственный статус решению Урало-Кузнецкой проблемы придало Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» 15 мая 1930 г. В нём твердо и бескомпромиссно намечались масштабные мероприятия по форсированному строи-

тельству на Урале и в Сибири новых заводов, рудников, угольных предприятий, транспортных коммуникаций и энергетических объектов, которые в короткие сроки должны были составить крупнейший индустриальный комплекс производств¹.

Государственные решения определили ускоренные темпы не только промышленного, но и в целом социально-экономического развития значительной территории восточной части страны. Они затем конкретизировались в последующих плановых разработках, директивах XVI–XVII съездов ВКП(б), которые в 1930-е гг. приобрели значимость законов, подлежащих неукоснительному выполнению.

В годы третьей пятилетки в государственной политике стала приобретать конкретные очертания уже давно существующая идея создания урало-сибирского тылового района. 31 января 1938 г. при Комитете Обороны СССР была создана военно-промышленная комиссия, которая должна была организовать в стране производство самых новейших средств вооружения и обеспечения армии. Одним из главных направлений работы нового государственного учреждения стало строительство предприятий – дублеров европейской промышленности в восточных районах страны.

Все эти стратегические устремления советского правительства тесно увязывались с решением социально-демографических проблем в восточных районах страны, которые по мере продвижения в восточном направлении становились всё менее населенными и хозяйственно не освоенными. Поэтому одновременно с планами строительства различных промышленных, транспортных и энергетических объектов рассматривались вопросы обеспечения их работниками.

С высоких трибун, обсуждая планы строительства индустриальных гигантов в Сибири, руководители государства декларативно заявляли, что индустриализация – дело каждого советского гражданина, промышленные предприятия будут возводить энтузиасты, сознательные строители социализма – коммунисты и комсомольцы, передовые рабочие и крестьяне, которые по зову сердца приедут в новые места. Однако, первые же месяцы строительства, например УКК, показали, что это не так. Идеалистов на стройку прибывало немного. Проблему обеспечения кадрами приходилось решать, в том числе и административно-принудительными методами.

Под государственной политикой формирования населения и индустриальных кадров мы понимаем, прежде всего, целевые мероприятия государства в данном направлении и разработку механизмов их реализации. После гражданской войны советское правительство попыталось восстановить систему государственных организаций по переселению в восточные районы, существующих ещё при царском правительстве. При этом, правда, преследовались уже иные цели и соответственно проводились другие законодательно-распорядительные и агитационно-пропагандистские мероприятия. Государство стремилось сдерживать интенсивность стихийных миграций населения, возросших в условиях голода и разрухи, как-то их направлять и в результате придать им плановый и регулируемый характер. Данное стремление увеличивалось по мере перехода к плано-директивному управлению экономикой. После объявления государственного курса на индустриализацию СССР, связанного с необходимостью ускорения темпов экономического развития, регулируемые миграции рассматривались в качестве наиболее приемлемого выхода из кадрового дефицита. Со второй половины 1920-х гг. переселенческая политика советского правительства стала преследовать главную и практически единственную цель – перераспределение трудовых ресурсов СССР в соответствии с планами территориального размещения производительных сил страны.

Согласно этой главной цели миграции населения в государственной политике стали рассматриваться не столько с точки зрения аграрного освоения всё более новых территорий СССР как ранее, сколько с позиции обеспечения кадрами планируемого в перспективе, для некоторых районов Сибири и Дальнего Востока достаточно отдаленной, промышленного строительства. Во второй половине 1920-х гг. были восстановлены дореволюционные переселенческие структуры, которые от имени теперь уже советского государства содействовали добровольному переселению преимущественно крестьян из европейских районов страны в восточные.

Большое значение в становлении принципов советской государственной переселенческой политики в восточном направлении имели решения Всероссийского совещания работников по переселению, которое проходило в Москве в феврале-марте 1927 г. На нем рассматривались возможности заселения восточных районов страны, улучшения организации переселений, особенно на территориях,

где планировалось в ближайшие годы крупное промышленное или транспортное строительство. Представители Госплана и других государственных структур экономического управления высказали мнение, которое затем было обозначено в директивных документах как стратегическое направление. Оно сводилось к тому, что планы переселенческого движения в стране должны реализовываться исключительно под контролем государства и тесно увязываться с перспективными народнохозяйственными планами, рассчитанными на одну или более пятилеток, являться их составными частями. В 1926–1936 гг. предусматривалось переселить из Европейской части РСФСР в Сибирь около 2 млн. человек².

При разработке пятилетнего плана на 1928–1932 гг. эти идеи были учтены и конкретно проработаны. Госпланом рекомендовалось определять районы крестьянского переселения к востоку от Урала с учетом планов их промышленного развития для того, чтобы обеспечить здесь продовольственное снабжение будущих индустриальных центров и создавать «запасы свободного труда». В решениях Наркомзема СССР говорилось, что сельскохозяйственное переселение в Сибирь и на Дальний Восток должно быть в конечном итоге подчинено проблемам индустриализации этих районов, «сопровождаться одновременно такой организацией рабочей силы, которая обеспечила бы необходимыми рабочими кадрами намеченное в этих районах транспортное, промышленное и промысловое строительство»³.

Рекомендации вышестоящих органов государственного управления воспринимались на местах как руководство к действию. В декабре 1929 г. в резолюции Сибкрайисполкома по поводу рассмотрения состояния дела по переселению в Сибирь говорилось совершенно определенно, что политика переселения должна содействовать не только заселению региона в целом, а в первую очередь районов, в которых намечается в ближайшее время промышленное и транспортное строительство. В постановлении Президиума Сибкрайисполкома по докладу районного переселенческого управления в духе времени было записано, что необходимо усилить работы по заселению районов предстоящих индустриальных новостроек: Кузнецкого округа, в том числе и Горной Шории, где планировались крупные горные разработки, Барнаульского округа в связи с перспективами развития здесь свеклосахарной промышленности, Нарымского и Туруханского краев с прилегающей северной частью Красноярского

и Канского округов, где проектировалось в ближайшее пятилетие создание сети лесоперерабатывающих заводов, увеличение золотодобычи и транспортное строительство⁴.

В 1930-е гг. в переселенческой политике государства оформляется особое промышленное направление, которое уже ставило не опосредованные, а прямые цели обеспечения кадрами промышленных предприятий и строек. Оно должно было обеспечить, с одной стороны, перевод значительной части рабочей силы из сферы сельскохозяйственного производства в промышленность, а с другой – территориально перераспределить трудовые ресурсы в пользу районов нового промышленного освоения.

Развитие процессов формирования населения и индустриальных кадров Сибири в условиях активного промышленного строительства в советский период хронологически можно разделить на три крупных этапа, которые хотя и имели свои внутренние противоречия, но, в то же время, составляли каждый единое целое, характеризовались как спецификой стратегических установок в государственной политике СССР, так и уровнем материально-технического и финансового обеспечения в зависимости от возможностей страны.

Первый этап можно условно определить со второй половины 1920-х по 1930-е гг. включительно. На XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. было объявлено о начале советской индустриализации, которая стала стержнем первых пятилетних планов СССР. В них восточным районам отводилась особая роль по причине богатства природных ресурсов и особенностей геополитического положения. В 1930-е гг. реализовывались намеченные программы, в результате чего восточные регионы страны и в частности Сибирь получили мощные стимулы для своего промышленного развития.

Второй этап связан с периодом войны и послевоенного восстановления, эвакуацией предприятий и населения в Сибирь, которая как тыловой район за счет роста военно-оборонной промышленности значительно увеличила свой индустриальный потенциал. Отношение в государственной политике к развитию различных отраслей промышленности в регионе в данный период не могло не сказаться на процессах формирования населения и индустриальных кадров. В государственном управлении в условиях военного времени ещё более жестко действовали мобилизационные механизмы обеспече-

ния рабочей силой предприятий и строек, заложенные в предыдущий период.

Третий этап начался в 1950-е гг. в условиях смягчения политического режима и продолжался до конца советского периода. Качественные изменения в государственной политике по отношению к Сибири начались после XX съезда КПСС (1956г.), в решениях которого был объявлен курс на ускоренное развитие её производительных сил, повышение роли региона в народнохозяйственном комплексе страны за счет высоких темпов здесь энергетического строительства, масштабного освоения сибирских природных богатств. В данный период проводилась активная разработка и реализация комплексных территориально-производственных программ в слабозаселенных и незначительно освоенных в хозяйственном отношении районах Сибири. В 1950–1980-е гг. на её территории обозначился сразу целый ряд районов нового промышленного освоения, где активно велось транспортное и энергетическое строительство, возводились крупные предприятия мирового значения, разрабатывались месторождения полезных ископаемых. Индустриальным планам соответствовали планы социального развития территорий новостроек, в основе которых находились преимущественно добровольные молодёжные миграции. В свою очередь индустриальное строительство коренным образом меняло экономический облик осваиваемых территорий, определяло основные черты социальных процессов, которые развивались в рамках государственной политики и предназначались в первую очередь для решения кадровых проблем.

Таким образом, в районах нового промышленного освоения Сибири появлялось население, ориентированное на индустриальный труд и соответственно формировались индустриальные кадры. Активное индустриальное строительство являлось основанием не только экономических, но и социальных процессов на территории региона. Оно определило особенности нового этапа российской модернизации, главными результатами которого стало превращение Сибири из преимущественно аграрно-промыслового в индустриальный район страны и становление здесь индустриально-урбанистического общества.

Вектор промышленного переселения в Сибирь в годы первых пятилеток был преимущественно направлен на юг Западной Сибири, где развернулось активное строительство в связи с созданием

восточного звена Урало-Кузнецкого комбината. В расположенных рядом с Кузбассом городах Барнауле, Омске, Новосибирске намечалось строительство целого ряда машиностроительных предприятий и заводов строительной индустрии.

На данной территории царское правительство, начиная с конца XIX в., проводило активную переселенческую политику, но ориентировало население в основном на аграрное освоение региона. Процент городского населения был невелик. Поэтому индустриальные кадры были немногочисленными. С началом разворота индустриального строительства вопрос об обеспечении его кадрами стоял достаточно остро. Если в европейских районах страны он решался часто за счет местного городского населения и отходничества из села, то в Сибири таких возможностей было гораздо меньше по объективным причинам: незначительной общей численности населения и в том числе городского. Сибирская территория обладала гораздо меньшими по сравнению с другими районами СССР резервами рабочих рук для обеспечения высоких темпов промышленного строительства.

Поэтому естественным образом в государственной политике обеспечения сибирских индустриальных новостроек кадрами возникла ориентация на привлечение людей из более населенных областей СССР. После XIV – XV съездов ВКП(б), наметивших перспективы промышленного развития СССР, в советском правительстве предпринимаются попытки организовать в широких масштабах промышленное переселение в восточные районы страны из западных. Вначале данные действия основывались в основном на добровольном движении населения, которое стремилось получить на промышленных новостройках высокооплачиваемую работу, лучшие, чем в деревне, условия труда и быта.

В 1925–1927 гг. в городах СССР на биржах труда регистрировалось ещё немало безработных. На селе широкое распространение имело так называемое «отходничество» сельского населения на заработки, которое усиливалось в связи с сезонными видами работ (лесозаготовки, лесосплав, торфоразработки, рыбная путина и т.п.) Многие крестьяне, промышленлявшие отходническим трудом, уже готовы были порвать связь с сельским хозяйством и переехать на постоянное место жительства с семьями в районы своего труда.

Государственное регулирование движения населения в поисках работы вначале выразилось в попытках трудоустройства безработных граждан, зарегистрировавшихся на биржах труда, которые в 1925 г. получили задание работать по заявкам промышленных предприятий и строек. В сельской местности создавалась сеть корреспондентских пунктов Наркомтруда СССР, которые могли организованно направлять крестьян-отходников в районы нового промышленного строительства, давать им нужную информацию о постоянной и сезонной работе, как местной локализации, так и в отдаленных районах. В положении «О корреспондентских пунктах» говорилось, что они в своей деятельности должны обеспечивать решение государственно важных задач: давать информацию едущим на заработки крестьянам о местах спроса на рабочую силу и предупреждать приток из сельской местности в города избыточной рабочей силы. По сути дела в стране создавалась государственная вербовочная сеть для обеспечения кадрами в первую очередь нового индустриального строительства. В 1926 г. по стране было создано 684 трудовых корреспондентских пункта, в 1927 г. их было уже 929⁵.

Однако данная система, работавшая на основе добровольного обращения граждан, желающих заработать, вскоре перестала соответствовать планам форсированного индустриального строительства в СССР. Она не обеспечивала гарантированного прибытия нужного количества работников на промышленные новостройки, тем более в отдаленных районах. В условиях разворота индустриального строительства и укрепления общесоюзного планирования требовались иные, более продуктивные и всеохватывающие организационные механизмы. Работники корреспондентских пунктов (трудкоры) часто сами были не в курсе быстро меняющихся индустриальных планов правительства, не могли четко и оперативно информировать население о районах спроса на рабочую силу, об условиях там жизни и труда, сроках развертывания работ и т.д.

Сами люди предпочитали находить работу по месту жительства. Оргнаборы или вербовка на индустриальное строительство в Сибири в трудоизбыточных районах Европейской части страны не давала большого эффекта. Планы Наркомата Труда СССР хронически не выполнялись. Кроме того, к месту работы прибывала только примерно 1/5 часть завербовавшихся. Многие просто пользовались нестыковками между различными ведомствами и представителями пред-

приятый, умудрялись завербоваться одновременно на несколько строек и получить подъемные⁶.

В государственном управлении пришли к необходимости более четкого регулирования процессов перераспределения рабочей силы, создания общесоюзного плана и единой системы мероприятий по обеспечению народного хозяйства рабочими кадрами и при этом определенных профессий и специальностей, в которых нуждались индустриальные новостройки и предприятия. При наличии значительного количества свободных рабочих рук в стране многие новые стройки и предприятия испытывали большой кадровый дефицит. Государственным организациям необходимо было обеспечивать не только поступление рабочей силы на предприятия и стройки, но и её профессиональную подготовку и закрепление в производственных коллективах.

В 1927–1930 гг. в СССР создается и отлаживается система централизованного контроля и регулирования всех видов поступления работников на промышленные предприятия и стройки. В операциях по вербовке и переселению в районы нового промышленного освоения Сибири участвовали сразу несколько крупных государственных управленческих структур СССР: Госплан, ВСНХ, Наркомтруд, Наркомзем и др. С 1930 г. главная ответственность в кадровом обеспечении новых предприятий и строек ложится на Наркомтруд и его местные отделения. Они стали нести главную ответственность за ход промышленного переселения и проводить наборы массовой рабочей силы по заявкам хозяйствующих субъектов. Вся территория страны делится между вербовочными командами, которые стремились вовлечь в промышленность и строительство определенные социальные слои сельского населения: одиночников, не активно вступающих в колхозы, а также незанятых самостоятельно в сельскохозяйственном производстве, безлошадных деревенских бедняков, батраков и прочих.

Корреспондентские пункты Наркомтруда СССР, созданные в 1926 г. как органы информации преимущественно сельского населения, о возможностях внеземледельческих заработков, уступили место широкой сети государственных вербовочных организаций, облеченных уже иными полномочиями. Они не только информировали население, но и проводили агитационно-разъяснительную работу, сообщали о льготах для завербовавшихся на промышленное или транспортное

строительство, организовывали выплату подъемных, бесплатную доставку завербовавшихся и членов их семей к месту работы и дальнейшего проживания и т.п. Разветвленный вербовочный аппарат, работавший под руководством Наркомтруда, стал важным механизмом в деле обеспечения индустриальными кадрами промышленности страны, в том числе и районов нового освоения. Данный механизм получил своё дальнейшее развитие и стал одним из мощных рычагов в работе советской государственной мобилизационной системы, обеспечивающей индустриальное строительство. Число вербовочных пунктов Наркомтруда СССР, которые осуществляли набор на промышленное строительство, очень быстро росло. Так, если в 1928/1929 гг. их было только 72 в РСФСР, то в 1930 г. уже 700 и на Украине примерно 200 ⁷.

С июля 1930 г. государственное управление процессами промышленного переселения стало осуществляться на основе специального постановления ЦИК и СНК СССР «О переселении», в котором были обозначены функции государственных учреждений и хозяйствующих субъектов в организации промышленного переселения и обеспечения предприятий и строек рабочими кадрами. В частности в постановлении говорилось, что финансирование вербовки и перевозки людей, а также их материально-бытового обустройства в новых местах жительства осуществляется за счет средств заинтересованных учреждений и предприятий, которые в плановом порядке готовят на этот счет соответствующие планы и сметы ⁸.

Органы Наркомтруда СССР осуществляли государственное регулирование процессов не только привлечения рабочей силы на индустриальные новостройки, но её подготовки по нужным специальностям. С 1924 г. в СССР действовало акционерное общество «Установка» по подготовке промышленных рабочих для государственных предприятий. Учредителями общества являлись ВЦСПС, Наркомтруд СССР и ВСНХ, которые активно участвовали в разработке планов индустриализации и включали в них соответственно вопросы о подготовке индустриальных кадров. В 1928–1930 гг. на профессиональных курсах общества «Установка» и курсах, организованных на средства Наркомтруда СССР при биржах труда, обучалась основная масса квалифицированных строителей: будущих плотников и каменщиков, столяров и бетонщиков, штукатуров и маляров. Обучающимся платилась даже небольшая стипендия.

В конкретных случаях производственное обучение не обходилось без проблем. Так, в 1929/1930 производственном году на курсах, организованных Западно-Сибирским краевым Отделом труда по подготовке строительных рабочих, обучалось свыше 20 тыс. человек, но примерно 1/4 часть из них оставила курсы в процессе обучения. Как говорилось в отчете Отдела труда, это произошло по причине «плохой обеспеченности курсантов общежитиями, плохих условий работы курсов, как-то: недостаток инструментария, стройматериалов и, как следствие этого, – простои курсантов. Занятия проводились в сырых подвальных помещениях, конюшнях... Недостаточно велась политико-воспитательная работа, плохой была материальная обеспеченность – стипендия 14 руб. 22 коп. в месяц»⁹.

Не все окончившие курсы при биржах труда стремились поехать по назначенному им распределению. Некоторые устраивались по полученным профессиям на уже действующие предприятия или стройки по месту жительства. Но, тем не менее, советское государственное управление пыталось в плановом порядке рационализировать территориальное и межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов в СССР. Индустриальные новостройки, а затем и предприятия в таких условиях могли иметь гарантированное обеспечение кадрами. Однако в планах всё было проще описать, чем осуществить в жизни. Излишняя заорганизованность и растянутость во времени не позволяли оперативно решать кадровые вопросы. Между заявками и фактическим прибытием работников на промышленное строительство проходило как минимум несколько месяцев. Качество подготовки не всегда было высоким, не хватало квалифицированных преподавателей. Не только сама система подготовки индустриальных кадров переживала период становления, но и государство недостаточно выделяло средств на её финансовое и в целом материально-техническое обеспечение.

В то же время предприятиям и стройкам необходимо было немедленно решать свои кадровые проблемы. Поэтому уполномоченным от предприятий по набору рабочей силы приходилось действовать иногда в обход государственных органов в лице представительств от Наркомтруда СССР, Всесоюзного переселенческого управления и действовать на свой страх и риск, набирать работников на месте по вольному найму. Профессиональное обучение и переподготовка рабочих по специальностям также осуществлялись на пред-

приятнях. Это позволяло более оперативно заполнять по потребности рабочие места, причем действовать, может быть, и не всегда рационально с точки зрения экономики и организации труда. Так, в мае 1931 г. в Кузнецкстрое, когда необходимо было обеспечить сезонный фронт земельных работ и не хватало более 4 тыс. землекопов, то на эти рабочие места в срочном порядке были отправлены служащие и квалифицированные специалисты: 500 плотников и 700 каменщиков, которые пока не были обеспечены работой по профессии ¹⁰.

По различным воспоминаниям и другим источникам можно установить, что в начальный период активного промышленного строительства в Кузбассе в 1929–1930 гг. основная масса рабочих прибывала на предприятия так называемым «самотеком», получив информацию от знакомых или вербовщиков предприятий. Это были в большинстве своем сельские жители ближайших районов Западной Сибири и северо-восточного Казахстана, которые уходили из своих сел и деревень на поиски лучшей жизни. Уже началась коллективизация и не известно было, чем может она закончиться. Нестабильность жизни на селе, неурожайные голодные годы заставляли значительную часть крестьянства искать удачи и счастья на промышленных новостройках.

Данные переписи в городах Кузбасса в 1931 г. зафиксировали, что среди новых жителей городов и рабочих поселков региона на долю прибывших из Сибирского края приходилось более 80 %, причем мигрантов из села – 74,9 %. Удельный вес новоселов, прибывших в городские поселения Западно-Сибирского края из районов самого края в 1931 г. составлял 87,6 %, а в 1932 г. – 82,4 % ¹¹. Таким образом, можно заключить, что формирование населения и индустриальных кадров районов нового промышленного освоения Западной Сибири в годы первой пятилетки происходило за счет местных ресурсов.

Многие крестьяне бежали от насильственного раскулачивания и конфискации имущества, закрепившись на стройке, перевозили свои семьи. Отделы кадров управлений строительством в свою очередь также не задавали лишних вопросов, так как были заинтересованы в том, чтобы в короткие сроки набрать нужное количество рабочих массовых профессий. На строительстве не требовалось особой квалификации, да и бежавшие по сути дела из деревень люди

были крайне не притязательными, старались всячески обосноваться на новом месте, зарекомендовать себя хорошим трудом.

В целом, на новое строительство в Кузбассе прибывали различные люди. В докладе IV партийной конференции Кузнецкстроя в июле 1931 г. первый секретарь Кузнецкого райкома ВКП(б) Хитаров Р.М. говорил, что основную массу строителей составляет совершенно неквалифицированная рабочая сила, «многих можно назвать просто отбросным элементом, людьми от которых наши фабрики и заводы в других частях страны постарались избавиться – рвачи, летуны, пьяницы, лодыри, искатели счастья и легкой наживы», «мы имеем дело с массой чрезвычайно разношерстной, чрезвычайно разнохарактерной, что сильно осложняет нашу работу, делает её особенно ответственной»¹².

Неустроенность жизни, тяжелый труд на строительстве многие прибывшие не выдерживали. Очень высокой была текучесть. Трудно формировались работоспособные коллективы. В 1931 г. прямая вербовка отдельных людей была заменена привлечением целых коллективов согласно разработанной в государственном масштабе системы договорных обязательств между колхозами и промышленными предприятиями и стройками на поставку рабочей силы. В результате таких договоров конкретный человек оказывался как бы в стороне от решения своей судьбы, он становился кадром, трудовым ресурсом, в административно-приказном порядке по особым нарядам направлялся на предприятия и стройки народного хозяйства. Согласно договорам колхозы направляли рабочих, которые должны были отработать без увольнения назначенный срок, а стройки и предприятия, в свою очередь, оказывали помощь колхозам в ремонте машин, обеспечении механизмами и материалами, организовывали подготовку из колхозной молодежи квалифицированных кадров.

С 1931 г. договора с колхозами заменили предыдущую довольно стихийную и неопределенную вербовку, стали обеспечивать самый большой процент притока рабочих на стройки УКК. В первом квартале из 16 тыс. рабочих, поступивших на строительство уральской части УКК, примерно 1/4 часть пришла по вербовке и 3/4 так называемым «самотеком». Однако уже в третьем квартале положение кардинально поменялось на противоположное. Из 170,5 тыс. человек, поступивших на строительство, 3/4 пришли по договорам с колхозами. В 1932 г. Западно-Сибирский краевой отдел труда док-

ладывал вышестоящей организации, что процент колхозников среди завербованных по договорам составил более 80 %¹³.

Договорная система с колхозами, работавшая на основе планов и разрядок, которые необходимо было выполнять, давала уже более стабильное и гарантированное поступление работников на индустриальные новостройки. Значительно улучшился и состав строителей. Начинала давать эффект государственная агитация и пропаганда необходимости индустриализации страны. Поступавшая бригадами крестьянская молодежь имела уже определенные цели, быстрее адаптировалась на строительстве, стремилась в короткий срок овладеть новыми для себя жизненными и трудовыми навыками, изучить технику, освоить элементарную грамоту.

30 июня 1931 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «Об отходничестве». В нем более четко, чем в ранее имевшихся государственных документах, регулировались отношения между предприятиями, принимающими рабочую силу, и колхозами, отправляющими её, между правлениями колхозов и представителями предприятий, организующими вербовку колхозников. С целью стимулирования отходничества колхозников для них устанавливался государством ряд льгот. Например, семьи отходников, остающиеся в колхозах, освобождались от сельхозналога, могли пользоваться колхозным имуществом и общественным инвентарем для обработки своих приусадебных участков. Если по количеству трудодней семья отходника не могла получить равного с другими семьями количества продовольствия и корма для скота, то колхоз обязан был её обеспечить в нужном количестве и по твердым колхозным ценам. Предприятия, принимающие колхозников, в свою очередь, должны были взять на себя расходы по переезду работников с места жительства к месту работы, обеспечить их жильем и продовольствием наравне с другими рабочими. В целях поощрения колхозов, отправлявших работников на промышленные новостройки, государство давало им преимущества в обеспечении сельхозмашинами, материалами и специалистами. В первую очередь строило для них школы, больницы, культурно-просветительные учреждения¹⁴.

В 1931–1932 гг. данный канал формирования кадров для индустриальных новостроек в стране работал достаточно активно. Применялся он и в Сибири. В литературе отмечалось, что бригады, работающие по договорам с колхозами, отличались слаженностью и

достаточно высокой производительностью. Они участвовали в набравшем силу социалистическом соревновании, имели своих передовиков. Многие из работавших по договорам колхозников приобретали рабочие профессии, в последствие перевозили семьи и оставались на построенных ими промышленных предприятиях.

Однако с разворотом промышленного строительства в Сибири кадровый дефицит постоянно присутствовал. В 1931 г. новостройки Западной Сибири нуждались примерно в 200 тыс. новых рабочих. Только Кузнецкстрой готов был принять на работу 40 тыс. строителей любой квалификации. На возведении Кузнецкого металлургического комбината было занято 11,5 тыс. чел. или треть потребной рабочей силы¹⁵.

В начале 1930-х гг. в СССР наблюдается переход к более жестким мобилизационным мерам в обеспечении предприятий и строек индустриальными кадрами. Кадровая проблема рассматривается как одна из самых острых. Только в высших государственных инстанциях СССР, среди которых можно обозначить ЦИК, СНК, ВСНХ СССР, высшие партийные органы ЦК ВКП(б) и Политбюро, в 1930–1931 гг. было принято по вопросам привлечения и подготовки кадров не менее 30 различных решений и постановлений. Своими директивами властные органы стремились мобилизовать не только свои подразделения на местах для выполнения поставленных задач, но и все общество в целом. Данным целям должны были служить и все без исключения средства массовой информации и пропаганды в стране¹⁶.

25 апреля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял широко разрекламированное в прессе постановление «О состоянии и подготовке кадров для обеспечения своевременного пуска Магнитогорского и Кузнецкого заводов». В нем ответственность за организацию труда и эффективное использование наличных кадров и механизмов возлагалась на руководство предприятий, их партийные, комсомольские и профсоюзные организации, которые обязывались любой ценой обеспечить своевременный пуск заводов и нормальную их работу. Кроме того постановление ЦК ВКП(б) обязывало участвовать в работе по подготовке квалифицированных рабочих и специалистов партийные организации не только Урала и Сибири, но и Украины, Ленинградской, Московской областей и др. Подготовка кадров для УМК была взята под контроль всеми центральными комсомольскими и проф-

союзными организациями, которые должны были в своей деятельности всемерно способствовать развитию массового движения за участие в создании Урало-Кузнецкого комбината.

К этой работе привлекались многие крупнейшие промышленные предприятия страны. В 1931 г. заводы Украины подготовили для Магнитостроя более 6 тыс. квалифицированных рабочих, Московский металлургический завод «Серп и Молот» – 62, завод «Красный Путиловец» – 78, Ленинградский металлургический завод – 42. Уральские заводы подготовили свыше 600 металлургов для будущих металлургических гигантов¹⁷.

Большая организационная работа разворачивалась на самих новостройках. В 1931 г. на Магнитострое работало 5 учебных баз, которые подготовили свыше 10 тыс. рабочих. В стационарной сети и на специальных производственно-технических курсах Кузнецкстроя было подготовлено в 1931 г. свыше 15 тыс., а в 1932 г. 20 тыс. чел.¹⁸.

Специалисты обязывались работать на промышленных предприятиях. Через мобилизационные призывы коммунисты и комсомольцы заполняли руководящие должности. Уже в процессе работы они могли быть направлены на дополнительное профессиональное обучение. Выпускники высших и средних профессиональных учреждений также всеми мерами привлекались работать по направлениям.

В 1930-е гг. государство стало откровенно использовать кроме добровольных насильственные методы для обеспечения предприятий и строек кадрами. Массовая рабочая сила формировалась за счет труда различного вида спецконтингентов: заключенных и спецпереселенцев, которые в целом ряде отраслей (строительстве, угольной и лесной промышленности) составляли значительную долю трудовых коллективов.

Одной из самых массовых категорий спецконтингентов в начале 1930-х гг. стали крестьяне, пострадавшие в ходе массовой коллективизации. Они были раскулачены и отправлены в Сибирь на стройки народного хозяйства, которые им заменили места каторги и ссылки. Данное воздействие государства было узаконено специальным постановлением СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», по которому становилось совершенно правомерной принудительная отправка несогласных с советской властью в малообжитые районы страны. ВСНХ РСФСР, НКТоргу и др. ор-

ганам хозяйственного управления по соглашению с НКТруда и НКЗемом, а также Наркоматом внутренних дел РСФСР поручалось максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, рыбных и иных промыслах в отдаленных и остро нуждающихся в рабочей силе районах. В сельском хозяйстве предписывалось использовать только тех, кто не сможет работать в промышленных отраслях¹⁹.

В Кузбассе принудительный труд в 1930-е гг. имел широкое распространение. Здесь спецпереселенцы концентрировались на крупных стройках, в угледобывающей и лесной промышленности. В качестве основных потребителей дешевой рабочей силы выступали Кузнецкстрой, тресты «Востокуголь», «Цветметзолото». По данным историка Бикметова Р.С. в августе 1931 г. на контрагентских работах «Кузнецкстроя» было задействовано 4617 семей спецпереселенцев или более 22 тыс. человек, в составе кадров «Востокуголь» соответственно 5306 и около 30 тыс. человек²⁰.

Основную часть спецпереселенцев составляли бывшие крестьяне, обозначенные как кулаки, но были среди них и казаки, вошедшие в конфликт с требованиями советской власти, священники, а также другие представители «нетрудовых, социально чуждых» слоев населения. Была ещё такая категория, как «тылоополченцы». В ранг последних попадали молодые мужчины, достигшие призывного возраста из репрессированных семей «несоветского образа жизни», лишенных права голоса и других политических и гражданских прав. Они не подлежали призыву в армию, а отправлялись на работу в строительство и промышленность.

Условия труда и быта спецпереселенцев были более тяжелыми и бесперспективными, чем у работающих по вербовке и договорам. Последние приравнивались к свободным людям, пришедшим по «вольному найму», могли попасть в ряды ударников, стахановцев, своеобразной «рабочей аристократии», представители которой лучше оплачивались, быстрее получали жилье в новых домах и другие социальные блага. Спецпереселенцы же чуть ли не пожизненно имели статус «лишенцев» и лишь редкие из них выходили за рамки своей социальной категории. Администрация в лучшем случае выделяла им какие-то стройматериалы и инструменты для строительства жилья. Первые спецпоселки вокруг строящихся промышленных объектов представляли собой массивы вообще малоприспособленных

для жилья помещений без окон и печей, сделанных наспех плетено-засыпных бараков, а то и просто шалашей и землянок. Снабжение спецпоселенцев по сравнению с вольнонаемными и договорными рабочими также было хуже. В условиях дефицита всего администрация строек и предприятий часто произвольно снижала нормы снабжения спецпереселенцев продуктами питания, спецодеждой, инструментом. Вместе с тем увеличивала нормы выработки, нарушая трудовое законодательство²¹.

Спецпереселенцы в 1930-е гг. в Кузбассе не только составляли значительную часть индустриальных кадров, но внесли свой вклад в формирование населения. Они хотя и находились на режимном положении, но прибывали семьями, проживали в спецпоселках, могли иметь индивидуальное жилье. Первоначально большинство из них трудилось на строительстве предприятий в качестве неквалифицированных рабочих, но со временем получали новые профессии, повышали уровень своей квалификации и после ввода в эксплуатацию предприятий, могли становиться их кадровыми рабочими, работая по ежегодно заключаемым договорам между местным руководством НКВД и администрацией предприятий.

Значительное количество спецпереселенцев работало в угольной промышленности Кузбасса. На некоторых участках работ их число составляло даже 65–77 % от общей численности рабочих. Как отмечала Западно-Сибирская краевая комиссия в 1933 г., роль спецпереселенцев в угледобыче была значительная, а на ряде предприятий – решающая. Они приобретали в процессе многолетнего труда в шахтах ведущие шахтерские специальности и являлись подчас наиболее высококвалифицированными рабочими, которые добросовестно трудились на тех предприятиях, к которым были прикреплены. Некоторые из них стали в последствие известны в Кузбассе как передовики производства, завоевывали призовые места в социалистическом соревновании и переходящие знамена Новосибирского обкома партии²².

По данным ОТПК УНКВД по Западной Сибири в 1936 г. доля спецпереселенцев среди постоянно работающих на комбинате «Кузбассуголь» составляла в среднем около 40 %, в тресте «Кузнецкстрой» – 48,3 %, в тресте «Запсибзолото» – 29,2 %. На 1 ноября 1938 г. в различных отраслях экономики Кузбасса было задействовано 16102 семьи спецпереселенцев общей численностью 73854 че-

ловека. Из них трудоспособное население составляло 35020 человек (17266 мужчин и 17540 женщин)²³.

В процессе своей подневольной работы и жизни на территории Кузбасса эти люди являлись частью его населения. Многочисленные спецпоселки, возведенные в ходе строительства промышленных объектов и шахт, стали основой инфраструктуры многих шахтерских городов: Прокопьевска, Киселевска, Осинников, Белово, Ленинска-Кузнецкого и др.

Самыми бесправными на индустриальных новостройках Сибири были заключенные. Их труд в Кузбассе в 1930-е гг. активно использовался в угольной, металлургической, горнорудной, лесной отраслях промышленности, на строительстве дорог и промышленных предприятий. В составе Кузнецкого лаготделения УНКВД по Новосибирской области был создан специальный лагпункт «КМК». В 1932–1933 гг. на строительство привлекалось ежедневно примерно 3,5 тыс. заключенных. Около 2 тыс. человек работали в цехах по выплавке чугуна, стали, сортового проката, а также в складских помещениях на погрузо-разгрузочных работах. Более 100 человек было задействовано на работах в известковом карьере КМК. При этом администрации предприятий и строек комбината обращались неоднократно в Краевое управление мест заключения и в партийные органы с просьбой увеличить прибытие контингентов заключенных²⁴.

Больше всего заключенных было задействовано в работе на шахтах и рудниках Кузбасса. Здесь тяжелые и опасные условия труда не позволяли набрать вольным наймом рабочих в нужном количестве. Поэтому использовался в основном спецконтингент. Себестоимость одной тонны угля, добытого заключенными, обходилась государству примерно в 6 раз дешевле, чем добытая вольнонаёмными работниками. На начало 1939 г. по отделу топливной промышленности ГУЛАГа числилось свыше 50 тыс. заключенных и большая часть из них работала в шахтах Кузбасса²⁵.

Отдельным направлением производственной деятельности заключенных на территории Кузбасса являлось железнодорожное строительство. В феврале 1934 г. ГУЛАГу НКВД СССР было передано проектирование и строительство Горно-Шорской железной дороги протяженностью около 100 км для соединения КМК с Таштагольским железорудным месторождением. Строительство дороги происходило в условиях таёжной и болотистой местности, слабозаселен-

ной, что само по себе являлось тяжелым испытанием для участвовавших в нем заключенных. Но в то же время участие в этом строительстве давало возможность им проявить себя и добиться хоть какого-то улучшения своего положения. За успешное выполнение планов строительства дороги в 1938 г. приказом НКВД СССР от 5 марта 1939 г. Горно-Шорский лагерь был награжден переходящим Красным Знаменем НКВД СССР, с вручением денежной премии 30 тыс. рублей для улучшения культурно-бытовых нужд лагеря. В лагере насчитывалось 468 человек, работавших по стахановским методам труда, 4528 ударников, которым выдавались дополнительные продовольственные пайки. В мае 1941 г. в лагерных отделениях Сиблага содержалось 63646 заключенных, из них 40601 чел. находилось непосредственно на территории Кузбасса и работали на промышленных предприятиях и стройках²⁶.

Заключенные, в больших масштабах привлекаемые в строительство и на промышленные предприятия районов нового промышленного освоения, безусловно, составляли весомую часть рабочих кадров, но на формирование населения они влияли опосредованно, так как были всё-таки временными поселенцами на территории. Их в процессе отбывания сроков заключения перебрасывали из региона в регион, на другие промышленные или транспортные новостройки. Хотя некоторые из заключенных гипотетически могли после освобождения остаться, например, в Кузбассе. За длительные сроки заключения они приобретали здесь рабочие профессии и достаточно высокую квалификацию, адаптировались на тех производствах, к которым были приписаны.

При отсутствии необходимых людских ресурсов для индустриального освоения новых районов государство в своей политике сделало упор на создание по всей стране сети многочисленных лагерных подразделений, поставлявших в плановом порядке рабочую силу промышленным предприятиям и строительным организациям. Сначала этот процесс осуществлялся на основе простых заявок на рабочую силу, затем обрел юридически обоснованный характер. Местные органы НКВД заключали взаимовыгодные договора со всеми хозяйствующими субъектами, которые нуждались в рабочей силе. Дешевизна её, низкие расходы на жилищно-бытовое обустройство и питание определяли выбор руководства предприятий в пользу применения труда заключенных. В свою очередь местные

органы НКВД также были заинтересованы в выделении на предприятия и стройки необходимого количества заключенных. Они получали от предприятий по договорам определенные денежные суммы и другие материальные средства на содержание лагерных пунктов. В случае невыполнения условий договоров руководство НКВД могло прекратить поставку трудовой силы. В итоге все государственные структуры были заинтересованы в работе заключенных на индустриальных новостройках.

И даже сами заключенные, несмотря на тяжелые условия труда и высокие производственные нормы, также имели свой интерес. Для повышения производительности труда заключенных активно использовалась система зачетов ударной работы и перевыполнения планов, которая могла обеспечить людям улучшение условий содержания в лагере и даже досрочное освобождение.

Район Кузбасса и юга Западной Сибири, где в годы довоенных пятилеток развивалось наиболее активное промышленное строительство в Зауралье, со всем основанием можно считать районом нового промышленного освоения. Здесь процессы индустриализации, строительства крупных промышленных предприятий сопровождалось ростом городского населения и увеличением работающих в строительстве и промышленности. В 1926 г. в Западной Сибири в городах проживала лишь десятая часть населения, в 1939 г. доля городского населения составила почти 30 %. Сравнение данных переписей 1926 и 1939 гг. показывает, что общее количество населения увеличилось на 21,8 %, городское – на 194,3 %, а сельское сократилось на 1,7 %. Среди городского населения наиболее высокими темпами росло количество рабочих. В 1926 г. их численность в городах Западной Сибири составляла в абсолютных числах 93,8 тыс. чел., в 1939 г. – 638,4 тыс. чел. Рост составил 680,6 %²⁷.

Особенно значительные изменения в численности и составе населения произошли в Кузбассе. Создание здесь комплекса крупных индустриальных предприятий предопределили ускоренный рост контингентов горожан. Если в 1916–1917 гг. на территории Кузбасса проживало в городах только 4 % населения, в 1926 г. – 15 %, то в 1939 г. – 55 %. Из 10 новых городов Новосибирской области, возникших в эти годы, 7 находилось в Кузбассе. Все они возникли на базе развития тяжелой промышленности, как центры угледобычи, черной и цветной металлургии, химии и коксохимии. За период с

1 января 1929 г. по 1 января 1933 г. число жителей Прокопьевска увеличилось в 6,8 раза, Кемерово – в 2,8, Ленинск-Кузнецкого – в 2,4 раза. Население нового города Новокузнецка выросло в течение первой пятилетки в 115 раз²⁸.

Север Западной Сибири в советской государственной стратегии в 1920–1930-е гг. был обозначен районом не первоочередного, а предпочтительного экономического освоения. Здесь находились богатейшие запасы земельных, лесных и рыбных ресурсов, необходимых для решения многих продовольственных и сырьевых проблем, как восточных районов страны, так и государства в целом. Попытки направить сюда потоки добровольного переселения не удались. Поэтому делалась ставка на принуждение. Уже на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в северо-западных районах Сибири существовала широкая сеть лагерных учреждений и спецпоселений, которые в зависимости от производственной направленности подразделялись на лесозаготовительные, рыбопромысловые и сельскохозяйственные. В 1931–1933 гг. сюда только крестьян, пострадавших в результате насильственной коллективизации, было сослано с семьями около 100 тыс. человек²⁹.

В Восточной Сибири формирование и рост населения, связанного с индустрией, в годы первых пятилеток был менее масштабен, чем в Западной. Здесь он происходил под влиянием транспортного строительства, ускорения темпов развития горной, золотодобывающей и лесоперерабатывающей промышленности, машиностроения. Больше импульсов для своего индустриального развития получили такие города, как Иркутск, Красноярск, Улан-Удэ, где строились крупные промышленные предприятия союзного значения. Поэтому в них наиболее значительно возросла численность населения и индустриальных рабочих. Новые города появились как центры моноотраслей: лесоперерабатывающей промышленности – Игарка, Абакан, Тайшет, Тулун; шахтерские города – Черногорск и Черемхово; центры золотодобывающей промышленности – Алдан, Артемовск, Бодайбо и др.

Первые городские поселения появились в арктических районах Сибири. В 1929 г. в устье Енисея началось строительство порта Игарки, который вскоре превратился в центр лесной переработки и перевалки. В 1935 г. началось строительство горно-металлургического комбината и города Норильска. По данным переписи населения

1939 г. здесь было зафиксировано около 14 тыс. жителей³⁰. Но в целом освоение северных районов Сибири в годы первых пятилеток носило пока ещё очень ограниченный «очаговый» характер и формирование кадров и населения здесь происходило чаще всего принудительно-административным путем.

Формирование населения и индустриальных кадров в Восточной Сибири в 1930-е гг. было тесно связано с особенностями государственной политики индустриализации в этот период. В целях наиболее рационального распределения средств и возможностей государства развитие Восточной Сибири рассматривалось во вторую очередь после Западной, а создание Урало-Кузнецкого комбината считалось плацдармом для наступления на восток. В рамках генеральных планов развития народного хозяйства СССР, рассчитанных на несколько пятилетий, намечались этапы крупных изыскательских и проектных работ для того, чтобы развернуть в последующем реализацию Ангаро-Енисейской программы, приступить к строительству Байкало-Амурской магистрали. Индустриальное строительство в Восточной части Сибири планировалось в крайне незаселенных районах с суровыми природно-климатическими условиями. Поэтому заранее строились планы переселения сюда значительных контингентов людей, независимо от их рода занятий и социального статуса.

Так, очень активно в 1934–1937 гг. на заседаниях Всесоюзного переселенческого комитета при СНК СССР, затем в Переселенческом отделе НКВД СССР, в ведении которого в 1936–1939 гг. находились вопросы государственного управления переселением в стране, рассматривались планы заселения районов будущей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Здесь в предвоенные годы на огромной территории примерно в 26 млн. га проживало всего около 30 тыс. человек, в среднем 0,1 чел. на один кв. км. Вместе с тем, намечались планы не только транспортного, но и общего хозяйственного развития: разработки месторождений полезных ископаемых, строительство лесоперерабатывающих заводов, разнообразных промысловых предприятий³¹.

В государственной политике СССР в годы третьей пятилетки принимаются дальнейшие после паспортизации населения административно-ограничительные меры для того, чтобы максимально уменьшить неконтролируемые государственными организациями перемещения из села в город, с предприятия на предприятие. В основу го-

государственной миграционной и кадровой политики закладываются принципы прямого и косвенного регулирования любых перемещений людей. В предвоенные годы принимается целый ряд постановлений СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС о повышении дисциплинарной ответственности на производстве на всех уровнях, о заинтересованности в повышении производительности труда и работе на одном предприятии. С 1938 г. вводятся трудовые книжки постоянных работников, отрабатывается система премирования и поощрения за труд на одном предприятии³².

26 июня 1940 г. принимается указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который юридически закреплял основы государственной политики в прикреплении работников к производству. Рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. Только в промышленности это составило прибавку примерно в миллион рабочих рук³³. На Кузнецком металлургическом комбинате в результате перехода на 8-часовой рабочий день и 7-дневную неделю удалось высвободить свыше 500 человек, что позволило укомплектовать работниками ряд участков завода, ранее нуждавшихся в рабочей силе³⁴.

Тем не менее, индустриальных кадров, особенно квалифицированных, хронически не хватало. Сказались репрессии второй половины 1930-х гг., исчерпались резервы свободных рук в стране. Аграрная сфера, ранее поставлявшая в больших масштабах кадры для индустрии, сама испытывала дефицит рабочих рук. Накануне Великой Отечественной войны в СССР была принята целая серия законодательных актов мобилизационного характера, которые по идее должны были стабилизировать кадровую ситуацию в индустрии.

2 октября 1940 г. были приняты указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» и постановление правительства «Об организации Главного управления трудовых резервов при Совнаркоме СССР»³⁵. Одновременно объявлялся призыв молодежи в трудовые резервы, который, как планировалось, ежегодно должен был составлять от 800 тыс. до 1 млн. человек. Создавалась широкая сеть различных видов профессионально-технических учебных заведений: ремесленных и железнодорожных училищ (РУ и ЖУ) со сроком обучения 2 года, в которые принима-

лись подростки 14–15 лет, школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) для молодежи 16–17 лет со сроком обучения 6 месяцев. Молодёжь в процессе ученичества находилась на полном государственном обеспечении. После приобретения профессии молодые люди согласно указам должны были проработать на государственных предприятиях не менее четырех лет. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР и его подразделения на местах проводили в жизнь государственную политику по формированию индустриальных кадров, которая особенно большое значение имела для районов нового промышленного строительства, как правило, малонаселенных и не обладающих нужным кадровым потенциалом.

Для формирования кадров руководителей и специалистов мобилизационный характер имел указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих с одних предприятий и учреждений в другие», который юридически определял право государственной власти и администрации предприятий и отраслей распоряжаться своими работниками независимо от их согласия, переводить их с одних предприятий на другие и даже посылать в другие населенные пункты. Отказавшиеся могли быть привлечены к судебной ответственности ³⁶.

Обозначенные мобилизационные мероприятия государственного управления по обеспечению кадрами предприятий истроек одновременно с ужесточением паспортного режима на территории СССР в принципе, наверное, могли на какой-то период смягчить кадровый дефицит, в том числе и в районах Сибири, в которой в предвоенные годы развернулось активное строительство предприятий-дублеров военно-оборонной промышленности. Однако война приостановила начавшиеся процессы и мероприятия государства не смогли в короткие сроки дать нужных результатов.

В Сибири на формирование индустриальных кадров и населения в военный период с одной стороны оказывали влияние мобилизации на фронт наиболее работоспособных и молодых рабочих и служащих, а с другой – эвакуация промышленных предприятий из Европейской части страны. Уже 24 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о создании Совета по эвакуации, в котором определили главными тыловыми районами Урал и Сибирь, где предполагалось разместить главные отрасли военно-оборонной промышлен-

ленности. Из 1523 предприятий, перебазированных в июле-ноябре 1941 г. в восточные районы, 244 прибыли в Западную и 78 – в Восточную Сибирь. В целом Сибирь приняла и разместила не менее 400 предприятий, которые вводились в строй через три-четыре месяца и начинали давать продукцию даже в больших объёмах, чем выпускали ранее. В Западной Сибири общий выпуск промышленной продукции в 1942 г. по сравнению с производством в 1940 г. возрос в 2,4 раза, производство машиностроения и металлообработки – в 7,9 раза, военной продукции – в 27 раз³⁷.

Эвакуация предприятий сопровождалась прибытием работников и членов их семей. Всего в Сибирь только во второй половине 1941 г. прибыло более 1 млн. человек, из которых почти 90 % разместились в Западной Сибири, примерно 440 тыс. в городах³⁸.

Однако эвакуированные не могли восполнить количества мобилизованных на фронт. В 1941–1942 гг. военкоматы призывали даже квалифицированных работников отраслей, имеющих оборонное значение. Так, с комбината «Кузбассуголь» во втором полугодии 1941 г. на фронт было отправлено 11 тыс. шахтеров, в 1941–1942 гг. – свыше 5 тыс. работников Кузнецкого металлургического комбината. Всего в 1941–1945 гг. в Западной Сибири в рамках Алтайского края, Новосибирской и Омской областей и Красноярского края было мобилизовано в армию 2621,3 тыс. чел. или 25 % всего населения³⁹.

26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»⁴⁰. Директора предприятий получали право устанавливать в случае надобности для рабочих и служащих сверхурочные работы продолжительностью до трех часов для взрослых и до двух часов – для подростков. Отменялись очередные и дополнительные отпуска. 30 июня 1941 г. при СНК СССР был образован Комитет по учету и распределению рабочей силы. Рабочие и служащие промышленности и транспорта объявлялись мобилизованными на весь период войны. Виновные в самовольном уходе считались дезертирами и предавались суду. Партийные и комсомольские организации, которые функционировали в СССР как часть государственной системы общественно-политического управления, всячески стремились привлечь для работы в промышленности женщин, рабочих-пенсионеров и молодежь допризывного возраста. Проходили многотысячные мобилиза-

ции молодежи в городах и сельской местности на производство, особенно имеющее оборонное значение.

В годы войны ещё в большей степени ужесточился сформированный в 1930-е гг. мобилизационный режим формирования промышленных кадров. Дополнительно было принято ряд новых государственных решений о прикреплении работников к предприятиям. Например, 13 февраля 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР принят указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве»⁴¹.

Для работы на предприятиях военной промышленности и связанных с ней отраслей народного хозяйства мобилизовывалось всё не работавшее ранее трудоспособное население в возрасте: мужчины от 16 до 55 лет, женщины от 16 до 45 лет, позднее до 50 лет. Освобождались от трудовой мобилизации юноши и девушки 16–18 лет, которые подлежали призыву в школы и училища системы трудовых резервов, а также многодетные матери, имевшие маленьких детей. С 1942 г. к работе на производстве стали привлекаться инвалиды третьей группы. Колхозники привлекались на сезонные работы в лесную промышленность, строительство и транспорт⁴².

Продолжалось активное использование труда заключенных и спецпереселенцев, количество которых с началом войны увеличилось. Ещё накануне войны в Сибирь стали прибывать новые спецпереселенцы: интернированные военнослужащие польской армии, советские граждане польской национальности, белорусы и украинцы из западных районов республик, жители Прибалтики. С началом войны из Поволжья были выселены немцы (444,1 тыс. чел.) и размещены в Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской и Омской областях. Уже в сентябре 1941 г. в район Кузбасса их прибыло около 100 тыс. чел. Многие были отправлены на работу в шахты, на стройки и лесную промышленность. Всего в Кемеровской области в 1945 г. спецпереселенцы составляли примерно 5,3 % всего населения⁴³.

По окончании войны проблема промышленных кадров в Сибири не стала менее острой. Ревэвакуация сказалась уже в 1944 г. Только в Кемеровской области к осени 1944 г. из 207086 эвакуированных осталось 81288 человек или менее 40 %. С фронта не вернулось 817,6 тыс. человек или 31,2 % от числа мобилизованных в Западной Сибири. Демобилизовалось и прибыло обратно 429,2 тыс. или 16,4 %⁴⁴.

После окончания войны многие мобилизованные на предприятия оборонного значения пенсионеры, женщины, дети стали постепенно уходить с предприятий, что ещё в большей степени обостряло проблему кадров.

Во второй половине 1940-х гг. дефицит индустриальных кадров продолжал восполняться заключенными и спецпереселенцами. Новыми категориями спецконтингента в послевоенный период стали иностранные военнопленные и интернированные лица, побывавшие в тылу врага окруженцы, репатрианты и другие спецпереселенцы из Крыма, Западной Украины, Молдавии. Только к концу 1940-х гг. рост численности работников по принуждению в Сибири приостановился. Началось постепенное снятие с учета отдельных категорий спецпереселенцев и депортируемых. В основном завершилась репатриация военнопленных. После 1953 г. начался распад ГУЛАГа. В 1955 г. режим спецпоселений был снят с немцев и других депортированных народов, но возвращение их на прежние места жительства было затруднено. Да многие и понимали, что им просто некуда было возвращаться. Таким образом, бывшие категории режимного населения становились свободными гражданами индустриальных городов Сибири.

После смерти Сталина в стране стала меняться политическая ситуация в сторону некоторой либерализации. С ликвидацией ГУЛАГа значительно уменьшилось количество заключенных, сократились возможности применения труда и других спецконтингентов. Особенно резко изменились события после XX съезда КПСС. Политика освоения богатых ресурсами сибирских районов стала получать иное количественное и качественное обеспечение: как в смысле научно-технических и финансово-экономических возможностей, так и организационных принципов. В индустриальном строительстве по-прежнему применялись мобилизационные методы, но они уже не основывались на прямом принуждении. В привлечении людей в районы нового промышленного освоения стали широко использоваться материальные и морально-психологические стимулы. Индустриальные новостройки получили более масштабную, чем ранее, экономическую и идеологическую поддержку. Они стали оцениваться как важнейшие задачи национального значения, решение которых необходимо для будущего советской страны, в частности для построения социалистического и коммунистического общества.

Если в довоенные годы советское государственное управление в решении вопросов формирования населения и индустриальных кадров в районах нового промышленного освоения ориентировалось в основном на крестьянство как социальный источник, то в послевоенное время главное внимание привлекает молодёжь. Так называемые общественные призывы молодых людей на стройки народного хозяйства по комсомольской линии проходили повсеместно как в сельской местности, так и в городах. Они, как способ обеспечения индустриального строительства кадрами, начали практиковаться ещё в годы довоенных пятилеток. 23 декабря 1929 г. вышло специальное постановление ЦК ВЛКСМ «Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве», где говорилось, что главной задачей комсомольцев в текущий момент является активное участие в индустриализации страны. Особое внимание следует уделить главным её проблемам: развитию базовых отраслей, связанных с производством металла, руды, угля, химических продуктов, активно участвовать в капитальном строительстве ⁴⁵.

ЦК ВЛКСМ принимал различные меры, чтобы привлечь молодёжь СССР к решению государственно важных проблем. До сих пор не забыты первые ударные комсомольские стройки: ДнепрогЭС, Магнитка, Турксиб. В апреле 1939 г., сразу же после XVIII съезда ВКП(б), ЦК ВЛКСМ на очередном пленуме принял постановление «О шефстве комсомола над крупными стройками, важными для народного хозяйства», где обратился с призывом к молодёжи принять участие в промышленном строительстве, в борьбе за выполнение заказов для новостроек, в подготовке кадров и т.д. Было принято решение направлять ежегодно в промышленность не менее 1,5 млн. колхозной молодёжи ⁴⁶.

В 1939 г. сразу же после партийного съезда на стройки страны удалось направить свыше 400 тыс. молодых рабочих. Однако затем намеченные планы набора выполнялись с трудом. Добровольно немногие молодые люди, несмотря на большую разъяснительную и агитационную работу комсомольских организаций, хотели поехать в отдаленные районы. Так, удалось только на 2/3 выполнить решение Бюро ЦК ВЛКСМ о посылке 20 тыс. комсомольцев и несоюзной молодёжи на стройки черной металлургии. Особенно не выполнялись планы набора для новостроек Сибири и Дальнего Востока. Через обкомы комсомола предпринимались попытки наладить взаи-

моотношения с администрацией строек, заключить договора, обязывающие руководство предприятий создавать нормальные условия труда и быта для прибывающих по комсомольскому призыву, что не всегда выполнялось. В предвоенные годы государственные средства направлялись в основном на развитие производства. Решение социальных вопросов не считалось первостепенным⁴⁷.

Молодёжные призывы на промышленные новостройки довоенного времени в материально-финансовом смысле мало чем отличались от трудовых мобилизаций. Весьма скудное обеспечение они имели и в послевоенные годы. В 1946–1948 гг. при строительстве первых угледобывающих разрезов КАТЭКа «Бородинского» и «Назаровского» через партийные и комсомольские организации городов Красноярска, Канска, Кемерово и других организовывались призывы комсомольцев и молодёжи на новое строительство, но социальные вопросы, связанные с их трудом и бытовым обустройством на новом месте, решались крайне ограниченно⁴⁸.

После XX съезда КПСС положение постепенно меняется. Индустриальные новостройки получают особый статус «ударных комсомольско-молодёжных», на которые привлечение молодёжи приобретает всё более масштабный характер. На этот счет принимаются специальные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в которых обращение к советским молодым людям проявить себя и поехать на промышленные и транспортные стройки в районы Урала, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока сопровождается предоставлением определенных государственных льгот и гарантий. Сами новостройки, как важные государственные объекты, получают приоритетное финансовое и материально-техническое обеспечение. Для участия в ударном комсомольском строительстве привлекаются многие сотни и тысячи молодых людей. Данное явление получило название общественного призыва, который был своеобразным видом оргнабора, но по масштабам и качеству поставляемых трудовых ресурсов значительно превосходил ранее существовавшие организованные формы комплектования кадров.

В формировании кадров для индустриальных новостроек стали участвовать не только уполномоченные ведомства чиновники, а вся система государственного и общественного управления, которая через механизмы пропаганды и агитации создавала в обществе соответствующий идеологический настрой. Общественно значимыми

стали оцениваться установки молодых людей на то, что жить и работать на индустриальных новостройках Сибири престижно и важно, необходимо для реализации активной жизненной позиции, выполнения гражданского долга и т.п. Отбор в строительные комсомольско-молодежные отряды стал производиться по определенным критериям, среди которых главными были положительные характеристики по месту прежней работы или учебы молодых людей, наличие нужных профессий и соответствующего образования.

Общественный призыв, как способ для пополнения трудовых ресурсов и населения, наиболее значимую роль играл в суровых северных районах, когда промышленное или транспортное строительство начиналось в совершенно необжитых человеком местах. Так, большую роль сыграли комсомольские десанты в 1950-е гг. в строительстве г. Норильска и развитии Норильского промышленного района. С ликвидацией ГУЛАГА предприятия буквально оставались без работников. В 1954 г. начались первые пересмотры дел и массовые реабилитации заключенных Норильлага. Многие, получив «вольную», уезжали «на материк». На 1000 норильчан регистрировалось 100 отъездов в год. Причем уезжали, как правило, квалифицированные и профессионально подготовленные для работы на севере работники. Вместе с тем, добровольно в Норильск никто не приезжал. Руководство Норильского никелевого комбината впервые за всю свою историю столкнулось с дефицитом рабочей силы. За два года уехало около 15 тыс. человек. Недостаток рабочих не давал возможности выполнять производственную программу, повлек рост производственного травматизма, различных нарушений трудовой и технологической дисциплины⁴⁹.

В мае 1955 г. участники Всесоюзного совещания строителей и ЦК ВЛКСМ призвали молодежь ехать осваивать Север. На призыв откликнулись молодые строители из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Уже летом этого же года в Дудинку прибыли пароходы с первыми посланцами комсомола. В 1955 г. в Норильск по комсомольским путевкам прибыло около 4 тыс. юношей и девушек, а через два года их насчитывалось уже более 30 тыс.⁵⁰

19 мая 1956 г. через газету «Правда» ЦК КПСС и Совет Министров СССР обратились к советской молодежи с призывом поехать на индустриальные новостройки. В обращении говорилось, что теперь в стране имеются все условия и средства для того, чтобы осваивать

восточные районы усиленными темпами, «поставить их несметные богатства на службу народу, великому делу коммунистического строительства». Комсомольские организации получили задание отправить на новые индустриальные стройки в Сибири 400–500 тыс. молодых людей⁵¹. Этот призыв положил начало массовому патриотическому движению молодёжи в Сибирь.

В июле 1956 г. на строительство Братской ГЭС прибыло два отряда в составе 4 тыс. человек, направленных ЦК ВЛКСМ из Москвы. Ещё ранее прибыли в Братск несколько отрядов комсомольцев и коммунистов из сибирских городов. Всего посредством общественного призыва в Братскгэсстрой за 1955–1980 гг. поступило на работу 22,1 тыс. чел. или 5,8 % от общего количества принятых в этот период⁵².

В 1956–1958 гг. на строительство Назаровской ГРЭС, объявленное Всесоюзной комсомольской стройкой, прибыло несколько отрядов молодых рабочих, которые составили 7–14 % от всех прибывших на стройку работников. Документы тех лет отмечали трудолюбие и высокую дисциплину рабочих, прибывших по комсомольским путевкам, и незначительную текучесть среди них⁵³.

В трестах Уренгойтрубопроводстрой и Севертрубопроводстрой, ведущих строительство трубопроводов на Крайнем Севере ЗСНГК, количество рабочих, прибывших по общественному призыву, достигало 20 и более процентов. Всего за двадцатипятилетие (1966–1986 гг.) на стройки и предприятия ЗСНГК прибыло примерно 150 тыс. молодых посланцев комсомола⁵⁴. Они осваивали Самотлорское нефтяное месторождение, Уренгойское и Медвежье газоконденсатные, строили нефтепроводы Усть-Балык–Омск, Нижневартовск–Альметьевск, Сургут–Полоцк, системы магистральных газопроводов Север Тюменской области – центральные районы Европейской части СССР, в том числе экспортного газопровода Уренгой–Помары–Ужгород; соорудили первую очередь Сургутской ГРЭС, Тобольского нефтехимического комбината, железнодорожной линии Тюмень–Тобольск–Сургут, Сургут–Нижневартовск. Руками молодых построены и продолжают строиться новые северные города Урай, Нефтеюганск, Ноябрьск, Мегион, Нижневартовск, Сургут, Надым, Новый Уренгой и др.

Молодёжный состав прибывающих в районы нового промышленного освоения определял изменение параметров населения, которое росло за счет мигрантов трудоспособного возраста. Причём

большинство из них находилось в возрасте 18–39 лет. Образовательный и профессиональный состав населения районов нового промышленного освоения изменялся в сторону увеличения людей, занимающихся индустриальными видами квалифицированного труда. Существенно менялся и половозрастной состав. В новых городах и рабочих поселках в начальный период строительства среди жителей наблюдался мужской перевес. Если в целом по стране женщины составляли большинство уже в возрастных группах после 25–29 лет, то в Тюменской области в 1980-е гг. данное явление наблюдалось только в более старших возрастных группах после 45–50 лет⁵⁵.

Молодёжные десанты, несомненно, имели решающее влияние на численность и состав индустриальных кадров в зонах индустриальных новостроек Сибири и соответственно влияли на формирование населения. В 1970-е гг. ЦК ВЛКСМ через систему комсомольских организаций предпринимал всевозможные попытки повысить значимость комсомольско-молодежных строительных отрядов в освоении новых территорий страны, в строительстве крупных народнохозяйственных объектов. Штабы формирования комсомольско-молодежных отрядов стремились улучшить их не только количественные и качественные характеристики, но и повысить информированность добровольцев, желающих поехать на новое строительство, часто в отдаленные от их местожительства места с более суровыми природно-климатическими условиями для того, чтобы люди представляли, что их ожидает в новых местах, могли рассчитать свои возможности.

Изменились принципы организации общественных призывов, которые стали основываться на привлечении в конкретные комсомольско-молодежные отряды не случайных людей, желающих поехать за романтическими впечатлениями в новые места, а представителей соответствующих потребности индустриальныхстроек профессий, осознанно готовых к испытаниям и трудностям, которые могут ожидать их в новых местах. Для этого штабами комсомольско-молодежных строительных отрядов проводилась большая предварительная работа, которая иногда сопровождалась профессиональной подготовкой новых рабочих прямо на месте комплектования отрядов. В результате отряды представляли собой уже слаженные трудовые коллективы, объединенные общими целями и по прибытии на места своего назначения способные решать необходимые производственные задачи. Данная ситуация позволяла молодым строителям быст-

рее адаптироваться не только на производстве, но и в новых для них населенных пунктах, оставаться здесь на длительный период, а возможно и на постоянное место жительства.

Успешному закреплению прибывших по общественному призыву людей способствовало и то, что администрации и общественные организации строек специально готовились к приему комсомольско-молодежных отрядов, стремились поместить их в лучшие производственные и бытовые условия. Молодые люди в отрядах чувствовали поддержку и защищенность в новых жизненных условиях, ощущали социальный и психологический комфорт, имея возможности не только для интересного и значимого для себя труда, но и проведения досуга, общения с друзьями и единомышленниками. В 1974–1980 гг. отмечалось, что в целом ряде коллективов западного участка строительства БАМА текучесть среди прибывших по общественному призыву была более низкой и составляла 23,7 %. В то время как у прибывших по свободному найму и через прочие формы комплектования рабочих кадров она достигала 76,4 %⁵⁶. И для других ТПК неоднократно отмечалось, что показатели приживаемости прибывших по комсомольским путевкам были значительно выше, чем у тех, кто приехал самостоятельно или по оргнабору в трудоизбыточных областях страны⁵⁷.

Общественный призыв обеспечивал оптимальные социально-демографические характеристики населения районов нового промышленного освоения Сибири, так как через эту форму поступало в основном молодое, трудоспособное население, имеющее уже определенный профессиональный опыт, и образование не ниже среднего общего или средне специального. Кроме того, в составе комсомольско-молодежных отрядов находились не только юноши, но и девушки, что также было положительным явлением, так как способствовало тому, чтобы население новых городов и поселков имело более естественный состав. Общественный призыв поставлял не только квалифицированные кадры в районы нового промышленного освоения со сравнительно высоким уровнем образования, но и влиял на демографическую структуру населения, его социальный состав и показатели культурного уровня.

В 1950–1960-е гг. значительная часть молодежных мобилизаций происходила в Советской Армии, в которой в этот период в течение трёх лет находились весьма значительные контингенты молодых

трудоспособных мужчин. Они представляли в основном подготовленные к труду и дисциплинированные кадры. После агитационно-пропагандистской подготовки в комсомольских организациях демобилизованные воины могли поехать готовыми бригадами на индустриальные новостройки.

Этот ценный вид социального источника имел большое значение сразу после войны во второй половине 1940-х гг. и затем во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., когда в Советской Армии происходили крупные демобилизации. В промышленность и строительство поступали значительные контингенты бывших воинов. В совокупности с ежегодными демобилизациями отслуживших свой срок молодых людей народное хозяйство страны получало хорошие кадровые вливания. Бывшие воины часто уже имели полученные в армии гражданские специальности шоферов, трактористов, бульдозеристов и других нужных новостройкам профессий, быстро адаптировались и закреплялись в трудовых коллективах. Они в рамках молодёжных призывов прибывали на строительство Новосибирской, Иркутской ГЭС, Братской ГЭС. Только за пятилетие (1959–1963 гг.) в подразделения Братскгэсстроя их прибыло около 17 тыс. человек⁵⁸.

В 1970-е гг. численность военнослужащих и их доля среди новых поступлений индустриальных кадров районов нового промышленного освоения значительно снизилась. Так, в 1980 г. в трест «Катэк-энергострой» трудоустроилось только 41 чел. из демобилизованных воинов. Не удавалось выполнить планы набора индустриальных кадров для новостройки в Советской Армии и в последующие годы. В 1981–1983 гг. планы осуществлялись примерно на 3–4 %⁵⁹.

По-видимому, дело было в том, что социальный источник, которым являлись отслужившие в Советской Армии молодые люди, изменился количественно и качественно. Сократились сроки службы, появились возможности у бывших военнослужащих для получения высшего образования на льготных основаниях. В итоге все меньше из них шли сразу на производство, тем более в отдаленные от постоянного их места жительства районы.

В послевоенные годы значительно увеличился в объеме и набрал силу другой социальный источник пополнения индустриальных кадров за счет молодёжи, представлявший выпускников различных профессиональных учебных заведений, которые пополняли в основном кадровый состав специалистов и квалифицированных рабочих.

Данный вид социального источника учитывался уже при разработке планов промышленного строительства. Они, как правило, сопровождалась разработкой мероприятий по созданию широкой сети профессиональных училищ, техникумов и вузов на месте. Кроме того, учитывались потребности в специалистах новых строек и предприятий в Сибири при распределении специалистов во всей системе профессионального образования страны. Наиболее значительные контингенты выпускников прибывали из вузов и техникумов региона, сеть которых в 1950–1980-е гг. постоянно росла, увеличивалось число обучающихся в них студентов, которые по окончании учебного заведения по законам СССР направлялись на предприятия и стройки народного хозяйства, в том числе и находящиеся в районах нового промышленного освоения. Молодые люди социально были защищены не только получением работы по специальности, но и предоставлением различных государственных гарантий и льгот в новых местах.

Третий этап формирования населения и индустриальных кадров в районах нового промышленного освоения Сибири был самым результативным с точки зрения социальных достижений. В 1950–1980-е гг. здесь происходил значительный рост городского населения, который влиял на общие по региону и стране показатели. За 1964–1985 гг. во время формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на территории северной части Западной Сибири появилось 15 новых городов и свыше 30 поселков городского типа. Развитие нефтегазового комплекса сопровождалось высоким приростом населения (с 1,2 млн. человек в начале освоения до 3,1 млн. к концу 1980-х гг.)⁶⁰. Тюменская область стала одним из самых урбанизированных районов СССР. В 1970–1980-е гг. прирост здесь городского населения превысил аналогичные показатели Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской областей и Алтайского края вместе взятых.

В Восточной Сибири количество городов и городских поселений также увеличилось под влиянием индустриального строительства. В 1950–1960-е гг. этот рост был связан с территориями формирования Иркутско-Черемховского и Братско-Усть-Илимского ТПК. Затем новые города и рабочие поселки стали образовываться на территориях КАТЭКа и Саянского ТПК. В 1970–1980-е гг. активный рост городского населения происходил в южной части Якутии и в зоне

строящейся Байкало-Амурской магистрали. Всего в сибирском регионе к 1990 г. городское население составляло более 70 %⁶¹. Значительная часть его проживала в районах, которые можно определить как территории нового промышленного освоения.

Принудительный труд постепенно утрачивал своё былое значение. Заключение продолжали работать на некоторых режимных объектах промышленного и транспортного строительства, но их труд был уже не массовым, а скорей эпизодическим явлением. Мощными факторами привлечения и закрепления населения в новых районах стало решение социальных вопросов, связанных с обеспечением благоприятных условий для жизни и труда. Буквально до конца советского периода работали и социально-психологические и патриотические стимулы привлечения людей на индустриальные новостройки. Об этом свидетельствуют многочисленные социологические опросы населения, которые проводились в районах нового промышленного освоения Сибири. Многие жители среди мотивов своего пребывания здесь называли патриотические. Так, среди строителей Усть-Илимской ГЭС желание участвовать в большом и важном деле отметили 63 % опрошенных и только 17,2 % – материальную заинтересованность⁶².

Трудно судить о степени искренности ответов, но сам факт их наличия может говорить уже о том, что в советском обществе присутствовала значительная доля молодёжи, которая поддерживала политику государства и считала, что неприлично игнорировать его призывы, в том числе и к участию в освоении новых территорий страны в интересах всего общества.

В 1950–1980-е гг. советское государственное управление стремилось преодолеть издержки и противоречия предшествующего периода, а также обеспечить благоприятные перспективы для жизни и труда в районах нового промышленного освоения. Из года в год происходило увеличение капитальных вложений не только в производственную сферу, но и социальную, предпринимались попытки создать и отладить эффективную систему управления их комплексным развитием, стимулировать рост интереса населения жить и работать в новых индустриальных городах и рабочих поселках.

В разработке государственной стратегии формирования индустриальных кадров и населения в районах нового промышленного освоения активно участвовали ученые. Ведущие экономисты и социологи

логи страны давали рекомендации государственному управлению по поводу того, как сделать труд в Сибири более производительным, а людей заинтересованными в получении высоких и качественных результатов. Например, академики Аганбегян А.Г. и Заславская Т.И., долгое время проработавшие в регионе, придерживались мнения, что в процессе хозяйственного освоения новых территорий региона важно создавать условия жизни и труда лучшие, чем в давно обжитых районах страны, способствовать привлечению сюда высококвалифицированных специалистов и ориентировать их на достаточно длительное проживание⁶³.

Другие считали, что в районах с суровыми природно-климатическими условиями не следует стремиться к формированию постоянного населения, а ориентироваться в основном на кратковременные работы по эксплуатации природных богатств, использовать экспедиционно-вахтовые методы освоения новых территорий и не создавать там дорогостоящей социальной и производственной инфраструктуры, а также транспортных коммуникаций⁶⁴.

На практике же на сибирских просторах использовались различные способы освоения природных ресурсов. Вахтовый метод широко применялся в Тюменской области и на Ямале при строительстве трубопроводов, освоении отдельных месторождений нефти и газа, а также на лесозаготовках, строительстве железной дороги Беркакит–Якутск и т.д. Такой метод для оперативного решения производственных проблем в условиях северных сибирских районов был неизбежен, хотя сразу же было замечено, что он не безупречен с точки зрения интересов самих работников: их здоровья, социально-психологического благополучия. Поэтому в государственном планировании и экономическом управлении, допускающем использование вахтово-экспедиционных методов в экстремальных условиях, всё-таки основные ориентиры были связаны с формированием в районах нового промышленного освоения базовых центров стабильного населения и постоянных кадров, способных жить и работать, в том числе и в суровых условиях севера.

Таким образом, анализируя процессы формирования населения и промышленных кадров в районах нового промышленного освоения Сибири за весь советский период, можно сделать вывод, что они происходили исключительно с участием государства. Опыт в этом отношении уникален, хотя и противоречив и не может быть оценен

однозначно. Государство, с одной стороны, стремилось к цели индустриального освоения новых территорий страны, богатых природными ресурсами, а с другой – не способствовало их полноценному социальному развитию, расставляя приоритеты в сторону производственного созидания любой ценой. Народонаселенческие и кадровые вопросы в районах нового промышленного освоения Сибири решались исключительно с целью обеспечения их трудовыми ресурсами. При этом широко использовались различные формы миграций, которые эволюционировали от добровольных к принудительно-насильственным и наоборот. Во всех случаях применялась единая схема воздействия государственной власти на социальные процессы, в которой на первом месте находились интересы государства, а не отдельных людей. Государство ставило цели перед обществом и давало приказы на их выполнение. Опыт советского государственного управления можно назвать мобилизационным.

Советские мобилизационные решения в государственной политике определили особенности процессов формирования населения и индустриальных кадров в районах нового промышленного освоения Сибири на пути перехода от преимущественно промыслово-аграрного общества в регионе к индустриально-урбанистическому. Государство в своей политике ориентировалось в основном на городские поселения, разрабатывало и реализовывало планы мероприятий в этом направлении, привлекая региональные власти, а также заинтересованные хозяйственные отрасли и предприятия. Главной в стратегии и практике советских государственных решений была реализация крупных народнохозяйственных программ общенационального значения, которые корректировались в зависимости от изменения социально-экономических и геополитических возможностей СССР.

¹ **Решение партии** и правительства по хозяйственным вопросам. (1917–1967). Т.2. 1929–1932. М., 1967. С. 202-207)

² **Тезисы** к докладам на Пленуме I Всероссийского совещания работников по переселенческому делу 28 февраля-5 марта 1927г. М., 1927. С.6-8.

³ **Восточный** вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Сборник документов. Новосибирск. 2007. С. 21,48.

⁴ Там же. С.41-43.

-
- ⁵ **Платунов Н.И.** Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР.(1917-июнь 1941г.). Томск, 1976. С.135-136.
- ⁶ См: **Индустриализация СССР. 1929–1932гг.** Документы и материалы. М., 1970. С.424-432; **История индустриализации Западной Сибири (1926–1941 гг.)** Новосибирск, 1967. С.158.
- ⁷ **Платунов Н.И.** Переселенческая политика... С. 138.
- ⁸ Там же. С.138-139.
- ⁹ **История индустриализации Западной Сибири.** С.133-134.
- ¹⁰ Там же. С. 159-161.
- ¹¹ **Волченко А.В.** Источники и формы комплектования рабочих кадров Кузнецкстроя-Кузнецкого металлургического комбината в 1929–1940 гг. // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С. 115; **Московский А.С. Исупов В.А.** Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.) Новосибирск, 1984. С.65.
- ¹² **Государственный архив Новосибирской области (ГАО).** Ф. П-74. Оп.2. Д.1. Л.191-192.
- ¹³ **История индустриализации Урала. 1926–1932.** Свердловск, 1967. С.178; **ГАО.** Ф.532. Оп.1. Д.640. Л.31.
- ¹⁴ **Платунов Н.И.** Переселенческая политика... С.142-146.
- ¹⁵ **Исупов В.А.** Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С.75.
- ¹⁶ **Индустриализация СССР. 1929–1932.** Документы и материалы. М., 1970. С.588-607.
- ¹⁷ **Матушкин П.Г.** Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966. С. 199.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ **Спецпереселенцы** в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. Новосибирск, 1992. С.33-34.
- ²⁰ **Бикметов Р.С.** Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929–1956. Кемерово, 2009. С.38.
- ²¹ **ГАО.** Ф. П-3. Оп. 2. Д.156. Л.65.
- ²² **Бикметов Р.С.** Использование спецконтингента... С.339-342.
- ²³ Там же. С.55,63.
- ²⁴ Там же. С.76.
- ²⁵ **Заболотская К.А.** Угольная промышленность Кузбасса.1721–1996. Кемерово, 1997. С.144.
- ²⁶ **Бикметов Р.С.** Использование спецконтингента... С.79-81, 88.
- ²⁷ **Московский А.С. Исупов В.А.** Формирование городского населения... С.98; **Население Западной Сибири в XX веке.** Новосибирск, 1997. С.25.

-
- ²⁸ **Московский А.С. Исупов В.А.** Формирование городского населения... С.33-34.
- ²⁹ **Боркова Е.В.** Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е – начале 1950-х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2005. С.18.
- ³⁰ **Итоги** Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С.37.
- ³¹ **Восточный** вектор переселенческой политики в СССР. С. 221-223; 276-283.
- ³² **Сборник** законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т.2. 1938–1967. М., 1968. С.5, 38-41.
- ³³ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С.44.
- ³⁴ **История индустриализации** Западной Сибири. С. 360.
- ³⁵ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. (1917-1967). Т.2. С.774-775.
- ³⁶ Там же. С.777-779.
- ³⁷ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С.64-67.
- ³⁸ **Население** Западной Сибири в XX в. С.97-98.
- ³⁹ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С.81; **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) Новосибирск, 2008. С.279-280.
- ⁴⁰ **Ведомости** Верховного Совета СССР. 1941. 2 июля.
- ⁴¹ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам (1941–1952). Т.3. М., 1968. С.164.
- ⁴² **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С.84.
- ⁴³ **Шуранов Н.П.** Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С.88,93.
- ⁴⁴ См: **Шуранов Н.П.** Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. С.92; **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы. С.279-280.
- ⁴⁵ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 2. С. 149-151.
- ⁴⁶ **Индустриализация** СССР. 1938-1941. Документы и материалы. М., 1973. С. 386.
- ⁴⁷ Там же. С. 247, 307, 386.
- ⁴⁸ **Ударник пятилетки.** Назаровская районная газета. 1948. 20 августа; **Текущий архив** разреза «Бородинский». Летопись предприятия (1950–1980гг.). С.17.
- ⁴⁹ **Толстов В.** Летопись Норильска. Норильск, 2001. С.12.
- ⁵⁰ Там же. С.20,28.

-
- ⁵¹ **Правда.** 19 мая 1956г.
- ⁵² **Долголюк А.А.** Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988. С.81; **Лукьяненко В.И.** Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973. С.80.
- ⁵³ **Текущий Архив** Управления строительством Назаровской ГРЭС. Годовые отчеты по кадрам за 1958–1960 гг.
- ⁵⁴ **Стецура Ю.А.** Комсомол страны – активный помощник партии в освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.// Тезисы сообщений IV областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири. Октябрь. 1987 г. Тюмень, 1987. С.89.
- ⁵⁵ **Ананьев А., Силин А.** Обеспечение предприятий и строек Западно-Сибирского нефтегазового комплекса рабочей силой. // Плановое хозяйство. 1984. №1. С.94.
- ⁵⁶ **Фролов А.Н.** К вопросу о формировании стабильных трудовых коллективов на БАМе.// Социально-экономическое развитие советской Сибири: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1984. С.73-74.
- ⁵⁷ См: **Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири.** Вып.1. Иркутск. 1971. С.51; **Куцев Г.Ф.** Новые города. М., 1982. С.74-75.
- ⁵⁸ **Долголюк А.А.** Формирование трудовых коллективов... С.74.
- ⁵⁹ **Текущий Архив** ПО КАТЭКЭнергопромстрой. Годовые отчеты отдела кадров за 1981–1983 гг.
- ⁶⁰ **Карпов В.П.** История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.). Тюмень, 2005. С.227-228.
- ⁶¹ **Численность** населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С.25.
- ⁶² **Куцев Г.Ф.** Новые города. С.89.
- ⁶³ **Коммунист.** 1985. №15. С. 44.
- ⁶⁴ **Формирование** населения и систем расселения в таёжных районах страны. Иркутск, 1987. С.5.

Вовлечение женщин в общественную жизнь и промышленное производство в условиях индустриального освоения Сибири (1920-е – 1930-е гг.).

По мере развития процессов индустриализации Сибири и промышленного освоения новых территорий перед руководящими и планирующими органами государства вставала все более острая потребность в расширенном пополнении состава рабочих и служащих предприятий и учреждений. Основным источником поступления рабочей силы для промышленности Сибири в период первых пятилеток являлось село. Под воздействием форсированной и во многом насильственной коллективизации значительная часть крестьян была сорвана со своих привычных мест, миграция в город и переход в ряды рабочих для многих из них казались более предпочтительным выходом из сложившейся тяжелой ситуации.

Однако не занятые в общественном производстве трудовые ресурсы, которые можно было использовать в процессе индустриального освоения Сибири, имелись и в составе городского населения. Прежде всего, это была та женская часть городского населения, которая была занята только в личном подсобном и домашнем хозяйстве. Например, по данным обследования 1931 г. в городах Восточной Сибири женщины в возрасте от 16 до 59 лет составляли 49,2 % несамодеятельного населения. Следовательно, при нехватке рабочих рук на промышленных предприятиях Сибири значительная часть трудоспособных женщин была занята только в домашнем хозяйстве¹.

Развернувшийся в стране процесс индустриализации безотлагательно требовал создания условий для вовлечения женщин в общественное производство. Однако традиционное распределение обязанностей между полами отводило женщине место хранительницы очага, домашней хозяйки. Поэтому на работу вне дома многие женщины по-прежнему смотрели как на вынужденное занятие для обеспечения существования, к которому следовало прибегать только в

том случае, если не было мужчины, способного содержать себя и семью.

Таким образом, дальнейшее развитие процесса индустриализации, а также и в целом формирование современного индустриального общества было невозможно без кардинального изменения представлений о роли женщины в обществе, без перестройки отношения мужчин к женщине, без формирования новых семейных отношений. При этом именно в городе, прежде всего, в жизнедеятельности рабочего класса нарождались и оформлялись отношения, свойственные индустриальному обществу, которые затем распространялись и на другие социальные группы.

В настоящей статье мы рассмотрим условия и тенденции вовлечения женщин Сибири в общественно-политическую жизнь и в промышленное производство в период форсированной индустриализации Сибири во второй половине 1920-х – 1930-е гг. Следует подчеркнуть, что формирование нового отношения к женщине, выработка новой модели распределения социальных ролей между полами происходили в ходе длительного и сложного процесса, в котором трудно зафиксировать какие-либо количественно-временные параметры. Поэтому речь в настоящей статье может идти только о наметившихся в этой области тенденциях, которым предстояло еще длительное время развиваться.

Революция 1917 г. в России открыла этап кардинальных преобразований в положении женщины в обществе, во взаимоотношениях мужчины и женщины. В числе первых декретов новой власти были решения об отмене всяческой дискриминации женщин, установлении юридического равноправия полов, ликвидации института так называемых «незаконнорожденных» детей, светском браке и свободе развода. Разумеется, реальная ситуация не могла измениться сразу после принятия таких решений, но начавшиеся перемены в общественном сознании подготавливали основу для формирования равноправных отношений между мужчиной и женщиной.

Для формирования нового отношения у мужчин к женщине и выработки активной жизненной позиции у самих женщин важное значение имело их вовлечение в общественно-политическую жизнь. Следует отметить, что в первые годы советской власти участие женщин Сибири в общественно-политической жизни было еще относительно слабым. Так, в выборах депутатов городского совета Иркут-

ска приняло участие в 1926 г. только 18 % всех женщин, имеющих право голоса, в 1927 – 21,1 %².

В целом по Сибирскому краю в выборах депутатов городских Советов в 1926 г. приняло участие 35,3 % женщин, имевших право голоса, в 1927 г. – 46,7 %. При этом на треть выше была активность работающих женщин по сравнению с домохозяйками³. По мере активизации жизненной позиции женщин, вовлечения их в общественную жизнь росло и их участие в выборах. Так, в Омске в 1928 г. в выборах приняли участие 33,7 %, а в 1929 г. – уже 51,6 % женщин⁴.

Вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь большое внимание уделяли правящая партия большевиков, государственные органы, общественные организации. В партийных, профсоюзных и советских органах были организованы специальные отделы и сектора, постоянно проводились совещания по работе среди женщин⁵.

Активизации внимания к этим проблемам в Сибири способствовало постановление краевого комитета ВКП(б) от 24 апреля 1926 г. о развертывании массовой работы по вовлечению женщин в социалистическое строительство. Значительную часть этой работы приняли на себя профсоюзы Сибири⁶. На предприятиях Сибири в 1926 г. прошли собрания, посвященные проблемам женщин-работниц и домохозяйек, состоялись конференции работниц⁷.

В середине 1927 г. в Сибири было проведено широкое обследование условий труда и быта работниц. По результатам обследования Сибкрайком ВКП(б) принял постановление, в котором обращалось внимание местных парторганизаций на активизацию работы среди женщин, в частности, было решено провести общегородские конференции работниц⁸.

Широкую работу среди занятых в общественном производстве женщин развернул краевой совет профсоюзов Сибири⁹. В преддверии Всесоюзного съезда работниц, намеченного на 11 октября 1927 г., по всей Сибири прошли местные съезды женщин¹⁰.

В постановлении от 20 января 1928 г., принятом по итогам краевого совещания женорганизаторов, Сибкрайком ВКП(б) поставил перед всеми парторганизациями, профсоюзными и советскими органами задачу усиления работы среди женщин¹¹.

25–28 июня 1928 г. ВЦСПС провел Всесоюзное совещание по работе среди женщин, на котором присутствовало также два делегата от Сибири. Интересна и в определенном смысле показательна формулировка, записанная в резолюции совещания: «Повернуть внимание на подготовку работницы к социалистическому строительству как человека, а не как женщины»¹². В данном случае само понятие «женщина» понимается как нечто устаревшее, соответственно ставилась задача изменить представление о содержании понятия.

Много внимания уделялось и вовлечению домохозяек в общественную жизнь. В рабочих клубах Сибири проводились так называемые «политсуды над домашней хозяйкой», показывающие узость интересов, ограниченность женщины-домохозяйки, мирящейся со старыми порядками в семейном быту, не интересующейся общественно-политической жизнью страны¹³.

Но следует учитывать, что придавленность женщин тяготами быта, нескончаемой домашней работой собственно и определяла подобную позицию. В резолюции женской конференции, состоявшейся 6 декабря 1927 г. в Иркутске, собравшиеся выразили эту мысль следующим образом: «Надо освободить женщину из-под власти кухонного горшка, в котором она сама кипит вместе с мясом... Борьба за показательный горшок – это разве не важный участок общей борьбы за новый быт»¹⁴.

Проблемой перестройки семейного быта, вовлечения домохозяек в общественную жизнь активно занимались профсоюзные организации Сибири. Омский городской совет профсоюзов, например, в начале 1930-х годов организовывал собрания семей рабочих, так называемые «красные посиделки» с обсуждением положения женщин в быту. В квартиры рабочих приходили культбригады, проводили лекции и беседы, помогали организовывать быт по-новому¹⁵.

Действенным средством пробуждения общественной активности женщин стала работа делегатских собраний. В делегатских собраниях Сибири большинство участниц – около 60 % – составляли работницы, около 10 % – домработницы. В работу делегатских собраний активно вовлекались и домохозяйки, на долю которых приходилась примерно четвертая часть общей их численности, 5 % составляли женщины из служащих¹⁶. Примерно таким же был социальный состав делегатских собраний и в целом по стране¹⁷.

По мере активизации работы среди женщин число делегатских собраний и количество их участниц возрастало. В 1925/26 г. в городах и рабочих поселках Сибири насчитывалось 115 делегатских собраний, а в 1928/29 г. – уже 199 собраний, в которых участвовало около 8,4 тыс. женщин¹⁸.

В 1929/30 г. число делегатских собраний возросло до 286, в них работало более 10,9 тыс. женщин¹⁹. Делегатские собрания организовывали культурные бригады, бригады быта работниц, производственные, рабочего снабжения и общественного питания. Деятельность делегатских собраний помогала улучшать быт рабочих и служащих, одновременно она способствовала утверждению равноправных товарищеских отношений между женщинами и мужчинами. В годы первой пятилетки постоянное внимание работе женщин на этом направлении уделяли партийные и профсоюзные органы Новосибирска, Иркутска и других городов Сибири²⁰.

Работа делегатских собраний постоянно находилась под контролем партийных и профсоюзных органов. Так, Омский окружком ВКП(б) в 1928 г. неоднократно включал в повестку своих заседаний вопрос о делегатских собраниях, разрабатывал меры по активизации их работы²¹. Иркутский окружком ВКП(б) в 1929 г. принял ряд решений по активизации работы с делегатками. В сентябре 1929 г. Иркутск вызвал Омск на соревнование по развертыванию работы делегатских собраний²².

Делегатские собрания активно боролись с традиционным отношением к женщине, помогали женщинам устанавливать равноправные отношения в семье, критиковали мужей, пытавшихся сохранять старые порядки. Так, в январе 1927 г. на Черемховском руднике на вечере, организованном делегатским собранием, прошел «показательный суд» над шахтером, не пускающим на собрание свою жену²³.

Большую активность проявляли делегатки в улучшении снабжения рабочих, а также и в вопросах организации домашнего быта. Так, в Красноярске в 1927 г. делегатки организовали более 450 «митингов на кухне», т.е. непосредственно по месту жительства, на которых обсуждались проблемы семейного быта. В них приняло участие около 4470 домохозяек города²⁴. Кассирша Семенова, работавшая в одном из банных учреждений Красноярска, была награждена дамскими часами за проявленную инициативу. Она стала организо-

вызвать такие митинги прямо в бане, в 29 митингах приняло участие около 300 женщин.

В уничтожении неравенства женщины с мужчиной большое значение имело преодоление психологических стереотипов и предрассудков мужчин по отношению к женщине. Даже в среде комсомольцев Сибири довольно часты были случаи пренебрежительного отношения к комсомолкам – своим товарищам по ячейке. По этому поводу не раз выступала газета «Молодой рабочий»²⁵. «Пустые обещания и трескучие фразы подменяют действительную заботу о женщинах» – так резко определяла газета ситуацию в этой области²⁶.

Необходимость борьбы со старым отношением мужчин к женщине в довольно резких выражениях отмечалась на женских конференциях. Состоявшаяся 1 марта 1927 г. в Иркутске межсоюзная конференция работниц записала в своей резолюции: «Надо драться за освобождение женщин, бороться с мужьями»²⁷. В решении районной женской конференции, состоявшейся в Барнауле в 1931 г., было записано следующее: «Конференция считает ненормальным взаимоотношения рабочих с работницами, на что обратить внимание профсоюзных и партийных организаций»²⁸.

Для ликвидации пренебрежительного отношения к женщине, утверждения в общественном сознании идеи о равных возможностях женщины и мужчины большую работу проводили профсоюзы Сибири. Так, 25 февраля 1931 г. в Иркутске состоялось краевое совещание профсоюзов по работе среди женщин. Совещание рассмотрело вопрос о вовлечении женщин в производство и общественно-политическую жизнь. Было отмечено, что трудности здесь коренятся, с одной стороны, в недостаточной сети бытового обслуживания (мало яслей, столовых, прачечных), а с другой стороны, – в существующем еще пренебрежении у мужчин по отношению к женщинам. Совещание наметило меры по изживанию предрассудков у мужчин, активизации работы в этом направлении среди женщин²⁹.

Наметившиеся перемены в общественном сознании определяли сдвиги в перестройке семейного быта, подготавливали складывание новых отношений между супругами, членами семьи в целом. В начале первой пятилетки в Сибири был подхвачен почин ленинградских комсомольцев под девизом: «Работа в семье – работа на культурную революцию». В комсомольских ячейках Сибири активно обсуждались вопросы об отношениях комсомольцев к быту собст-

венной семьи. Отмечалось, что зачастую комсомольцы мирятся со старым бытом в своей семье, не занимаются просвещением собственных родственников. Перед комсомольцами Сибири была поставлена задача – начинать работу по социалистической перестройке быта, прежде всего, с отношений в собственной семье.

Обсуждался также вопрос о распределении домашнего труда в комсомольской семье, необходимости помощи женам со стороны мужчин. Газета «Молодой рабочий», подводя итоги дискуссии, обращала внимание своих читателей на необходимость большей помощи жене со стороны мужа при рождении ребенка³⁰. Иначе получалось, что замужние комсомолки, загруженные домашней работой, отдаляются от общественной жизни. Дать жизнь ребенку для матери часто означало согласиться на собственную «гражданскую смерть». Чтобы этого не случилось, мужчины должны были изменить свое отношение к распределению домашнего труда.

На преодоление отставания женщин, вовлечения их в активное участие в общественно-политической жизни была направлена деятельность женских кружков, всей системы культурно-просветительной работы. Так, при клубах создавались бытовые кружки, целью которых была пропаганда новых представлений и моральных норм среди женщин. Такие кружки были созданы, например, в Омске, Иркутске и других городах Сибири³¹.

Борьба за новые отношения в рабочей семье особенно широко развернулась в годы первой пятилетки в рамках культурно-бытового похода, соревнования за культурную квартиру, семью. В семьях, включавшихся в это соревнование, менялась не только обстановка и внешний вид жилья, но и улучшались отношения между членами семьи, социально-психологический климат. Иногда в работе по перестройке семейного быта довольно прямолинейно перенимались формы, принятые в это время в общественно-политических кампаниях. Вряд ли это могло сразу и всерьез изменить отношения в семье, но как толчок к переоценке своего быта это могло подействовать.

В годы второй пятилетки часто созывались бытовые конференции, слеты домохозяек, на которых женщины могли обменяться опытом, обсудить пути дальнейшей активизации жизненной позиции женщин. Так, в Новосибирске в 1935 г. в ходе культурно-бытового похода в качестве одной из форм активизации общественной деятельности женщин повсеместно проводились слеты домохозяек. 15

июля 1936 г. в Новосибирске прошла общегородская конференция домохозяек, обсудившая проблемы перестройки семейного быта, вовлечения домохозяек в общественно-политическую жизнь³². Все эти формы работы способствовали росту самосознания женщин.

В числе главных условий, обеспечивавших фактическое равенство мужчины и женщины, ведущее место занимало обеспечение экономической независимости женщины, предоставление ей возможности своим трудом зарабатывать себе на жизнь. Отметим, что в первое десятилетие Советской власти в составе трудовых коллективов преобладали мужчины, женщины далеко не всегда могли получить рабочее место. В составе работавших по найму в городах Сибири процент женщин в 1924–1926 гг. составлял всего 17,5–18 %, фактическое же число работавших женщин за эти годы возросло с 38 тыс. до 63 тыс. чел. Однако найти работу женщине по-прежнему было гораздо сложнее, чем мужчине. Среди безработных в Сибири во второй половине 1920-х гг. женщины составляли более половины³³.

В трудовых коллективах, в которых традиционно первенствовали мужчины, женщинам зачастую приходилось отстаивать свое право на равный труд и равную оплату, на уважительное товарищеское отношение. Нередко женщин, бравшихся за «мужскую» работу, мужчины пытались высмеивать, высказывали недоверие к их способностям достойно справиться с порученным делом. Например, на одном из стройучастков Иркутска в 1930 г. была организована бригада каменщиц. Мужчины постоянно преследовали их насмешками, произнося обидные фразы: «Стены упадут у таких каменщиков»³⁴.

На Кузнецкстрое в 1931 г. была создана бригада женщин-арматурщиц. Насмешки над ними со стороны мужчин-арматурщиков привели к тому, что бригада распалась, женщины, не выдержав насмешек, не захотели в такой атмосфере работать арматурщицами³⁵.

В такой ситуации важное значение имело подтягивание уровня зарплаты женщин до уровня зарплаты мужчин. Надо отметить, что этот разрыв постепенно сокращался. В 1926/27 г. в ценовой промышленности Сибири заработок женщин в среднем составлял 55,2 % от заработка мужчины, в 1927/28 г. – уже 63,2 %³⁶. Причем эта разница была обусловлена в основном более низкой квалификацией женщин.

К концу первой пятилетки разница в оплате труда мужчин и женщин существенно сгладилась, уровень женской зарплаты вплотную

приблизился к средней по отрасли. В годы второй пятилетки различия в оплате мужского и женского труда были вызваны в основном тем, что больше мужчин работало в ведущих отраслях промышленности, где соответственно и зарплата была выше.

Если же рассматривать оплату труда по профессиям, то разрыв в зарплате мужчин и женщин был незначительным. Специальное сравнительное обследование, проведенное ВЦСПС в октябре 1934 г., показало, что зарплата женщин составляет от 85 до 100 % зарплаты мужчин, причем по некоторым тарифным разрядам зарплата женщин даже выше на 5–8 %³⁷.

Сложной задачей, которую предстояло решить в процессе утверждения равенства полов, являлось раскрепощение женщин от чрезмерной занятости в домашнем хозяйстве. Неравномерную нагрузку на женщин выявляли часто проводившиеся в 1920-е гг. социологические обследования.

Так, по оценкам специалистов домашние хозяйки были заняты домашним трудом практически весь рабочий день, около 10 часов. Много времени на домашний труд тратили и работающие женщины. По имевшимся расчетам в среднем на каждые 100 часов работы на производстве у женщин-работниц приходилось 126 часов домашнего труда³⁸.

По данным опросов и самонаблюдений женщин в Томске, Красноярске, Новосибирске и других городах Сибири, проведенных в 1926/27 и в 1928/29 гг., работница была занята в домашнем хозяйстве ежедневно от 4 до 6 часов, т.е. практически для работающей женщины после трудового дня на производстве предстоял еще один рабочий день в домашнем хозяйстве³⁹.

В 1926 г. были обследованы условия труда и быта работниц кожевенного и полиграфического производства в Томске, женщин, работавших на Гурьевском заводе, работниц Анжеро-Судженского района и других предприятий Сибири. Материалы обследований показали, что в жизни работниц происходили значительные изменения, зарождались элементы нового быта. Более 40 % женщин посещали клубы, участвовали в работе кружков, 15–20 % постоянно читали газеты⁴⁰.

Вместе с тем в материалах обследований также отмечалось, что среди работниц довольно распространенной привычкой является пьянство. Одной из комиссий был даже сделан печальный вывод:

если по какому-то показателю и достигнуто равенство с мужчинами, то это, к сожалению, в такой неблагоприятной области как потребление спиртных напитков ⁴¹. Очевидно, что это был чисто мужской взгляд на проблему, в реальности женщины вряд ли могли соперничать в пьянстве с мужчинами.

В ходе обследований выявлялась очень большая неравномерность участия женщин в общественной работе. Если активные общественницы затрачивали на такие занятия от 10 до 15 часов в неделю, то основная масса женщин ограничивала свою общественно-политическую деятельность только участием в собраниях, на что у них уходило от 5 до 10 часов в месяц ⁴². Но нужно помнить, что это было обусловлено чрезмерной загрузкой женщин работой в домашнем хозяйстве. В ответах на вопрос анкет об использовании свободного времени большинство работниц отмечало, что работа в домашнем хозяйстве занимает свободное время почти целиком ⁴³.

Таблица 1

Распределение времени суток у рабочих СССР в 1931 г. в часах *

Затраты времени	Бюджеты времени мужчин-рабочих	Бюджеты времени женщин-работниц
Труд на производстве (при 7-часовом рабочем дне)	6,92	7,07
Домашний труд	1,42	4,70
Передвижение и покупки	1,40	1,67
Свободное время и общественная работа	2,86	1,29
Отдых и досуг	3,93	2,33
Сон	7,47	6,94
Итого	24	24

* Составлено по данным: Труд в СССР. Стат. Справочник. М., 1932. С.169.

Чрезмерная загруженность женщин домашним трудом, недостаток у них свободного времени служили одной из основных причин сохраняющегося отставания женщин от мужчин в политическом и культурном отношении. Так, по данным, полученным известной исследовательницей рабочего быта Е.О. Кабо, у рабочих-мужчин 48 % свободного времени посвящается самообразованию, техническому

творчеству и другим развивающим личность занятиям, у женщин-работниц – только 11 %, а у домохозяйек вообще минимальная доля – 3 % свободного времени отводилась подобным занятиям ⁴⁴.

Сохранявшееся неравенство между мужчиной и женщиной, неравномерное распределение домашнего труда показывали данные, полученные в ходе обследований бюджетов времени рабочих. ВЦСПС в начале 1930-х гг. провел ряд серьезных обследований, давших детальную картину распределения времени у рабочих (табл. 1)

Таким образом, женщине приходилось значительно больше времени отдавать домашнему труду, при этом они были вынуждены сокращать время на сон и отдых, на общественную работу. Вместе с тем в распределении домашнего труда, как и в целом в положении женщины в обществе, все же наметились положительные тенденции.

Изменения в общественном сознании и в реальных отношениях в семейно-бытовой сфере, в отношениях между полами приводили к постепенному возрастанию доли женщин в составе занятых в общественном производстве. В составе рабочего класса Сибири, как и по всей стране, доля женщин нарастала уверенными темпами. Особенно выросло число работающих женщин в начале 1930-х гг. Если в 1930 г. в промышленности Восточно-Сибирского края работало около 11550 женщин, то в 1931 г. это число возросло до 81320 чел. ⁴⁵.

В Омске в 1930 г. женщины составляли 13 % общей численности рабочих, а в 1932 г. – уже 29 % ⁴⁶. На 1 января 1931 г. в крупной промышленности Западной Сибири трудилось 12600 женщин (11,2 % общей численности рабочих), а уже к 1 октября 1931 г. их стало 31400, что составило 24 % ⁴⁷. В целом по стране доля женщин в составе рабочего класса увеличилась с 24,6 % в 1928 г. до 28,9 % в 1931 г., а в 1933 г. составила уже 33,7 % ⁴⁸.

За годы второй пятилетки доля женщин в составе рабочего класса Сибири серьезно выросла. Если в 1932 г. в составе рабочих Западной Сибири доля женщин составляла 26,2 %, а в Восточной Сибири – 25 %, то в 1936 г. эти показатели выросли до 30 % и 27,8 % соответственно ⁴⁹. В целом по стране по данным Всесоюзной переписи 1939 г. женщины составляли 36 % занятых в промышленности ⁵⁰.

Примерно такими же темпами росла доля женщин и в составе профсоюзов, так как почти все работающие женщины становились членами профсоюзов. К 1936 г. в целом по стране женщины составляли около 36 % членов профсоюзов.

Изменение отношения к женщине способствовало тому, что женщины чаще стали занимать руководящие посты в общественных организациях, на производстве. Так, в 1935 г. среди членов ФЗМК 26,1 % составляли женщины, в цеховых комитетах – 18,3 %, среди профгруппоргов – 22,8 %⁵¹.

Тенденция к утверждению фактического равенства с мужчинами, рост культурного уровня женской части населения проявлялись во многих направлениях, в том числе, в повышении доли женщин в составе студенчества. В 1930 г. среди поступивших в вузы женщины составляли 23,6 %, в 1932 г. – 31,5 %, а в 1935 г. – уже 38,3 %, среди поступивших в техникумы – соответственно 33,1, 45,9 и 45,2 %⁵².

Вовлечение женщин в активное участие в производственной и общественно-политической деятельности расширяло их кругозор, меняло прежнее отношение к своей роли в семье и обществе, способствовало отмиранию устаревших моральных норм. Прежде, например, занятия спортом были в основном мужским делом, а появление женщины в спортивной форме воспринималось как чуть ли не неприличное поведение. В течение 1920-х – 1930-х годов представления о приличиях изменились: в годы первой и второй пятилеток среди физкультурников женщины составляли уже около трети. Примерно такой же была доля женщин среди читателей библиотек. По данным профсоюзной переписи 1934 г. в профсоюзных библиотеках 36,3 % читателей составляли женщины⁵³.

Развертывание индустриализации и вовлечение женщин в общественное производство постепенно вело к созданию новой ситуации в семейно-бытовой сфере. Формировалась модель семьи нового типа, характерная для индустриального общества. В частности, наметилась тенденция перехода к семье с меньшим числом детей. Так, среднее число членов семьи у рабочих Сибири сократилось с 4 человек в 1930 г. до 3,8 человек в 1935 г.⁵⁴

В целом по стране рождаемость на одну тысячу населения с 44,7 в 1925 г. сократилась до 39,2 в 1930 г., а в 1940 г. еще понизилась – до 31,2 рождений на тысячу⁵⁵. Данные о естественном движении

населения городов Сибири, полученные исследователями демографического развития, также свидетельствовали о резком снижении рождаемости ⁵⁶.

Значительную часть труда и времени женщины тратили на воспитание детей и уход за ними. Здесь неравенство между полами проявлялось в большей мере. Рабочие-мужчины были заняты с детьми от 0,4 до 0,6 часа в день, работницы от 0,5 до 0,9 часа ⁵⁷. Важную роль в высвобождении женщины из сферы домашнего хозяйства играли общественные учреждения по дошкольному воспитанию детей, обеспечивая необходимые условия для вовлечения женщин в общественное производство.

По мере развития процесса индустриализации все большее значение приобретало вовлечение женщин в промышленность, что в свою очередь требовало соответствующего изменения сферы быта. Поэтому государство стало уделять развитию сети учреждений дошкольного воспитания особое внимание. Так, 29 июля 1927 г. СНК РСФСР принял постановление о необходимости обеспечения работниц детскими яслями. На эти цели предполагалось отчислять от 5 до 10 % из фондов улучшения быта рабочих ⁵⁸. В начале 1928 г. было принято аналогичное постановление ЦИК и СНК СССР ⁵⁹.

Имевшаяся сеть детских учреждений в Сибири не могла удовлетворить растущие потребности. Так, в 1928/29 г. только 1,1 % детей ясельного возраста были обеспечены местами в детских яслях ⁶⁰. Учитывая возрастание потребностей населения и задачи хозяйственного строительства, Сибкрайком ВКП(б) 15 июля 1927 г. принял специальное постановление о развитии в крае сети учреждений дошкольного воспитания ⁶¹.

В целом в начале первой пятилетки по промышленности СССР на тысячу работниц приходилось 27 мест в детских учреждениях при минимальной норме в 280 мест ⁶². Необходимо было решительно изменить положение, этого требовали растущие потребности экономики в дополнительных резервах рабочей силы. С 1 июля 1929 г. по РСФСР был объявлен дошкольный поход, в ходе которого должны были открыться новые детские учреждения, проведена мобилизация всех средств на развитие сети дошкольного воспитания.

В Сибирском крае был создан штаб дошкольного похода, возглавивший эту работу. В рамках похода организовывались декадни-ки, месячники и т.п. В работу по развертыванию сети детских уч-

реждений включались все округа Сибирского края, особенно промышленные центры⁶³. Дошкольный поход способствовал ускоренному росту сети детских учреждений.

Вместе с тем, несмотря на наметившиеся изменения, Сибирь все же значительно отставала от центральной части страны. Так, в 1930 г. по охвату детей дошкольного возраста Западно-Сибирский край занимал последнее место в РСФСР⁶⁴. Западно-Сибирский крайисполком принял решение провести с 1 марта по 15 апреля 1931 г. шестинедельник по развертыванию сети дошкольных учреждений и улучшению обслуживания женщин. В округах и районах были созданы штабы по проведению шестинедельника, намечена широкая программа действий. Активизация внимания общественности к дошкольному воспитанию способствовала существенному улучшению положения⁶⁵.

В результате усилий государства и общественности по созданию детских учреждений состояние дел в области дошкольного воспитания улучшилось. В Западной Сибири сеть дошкольных учреждений в 1931 г. было охвачено 36 % детей дошкольного возраста против 4 % в 1928 г.⁶⁶ В городах и сельской местности детсады посещали около 60240 детей, другие детские учреждения – более 300 тыс. детей⁶⁷. В начале 1932 г. 20 % детей работниц промышленности Западной Сибири посещали детские учреждения⁶⁸.

В Восточной Сибири количество мест в городских детских яслях в 1931 г. составило более 6190, в 1932 г. это число должно было возрасти до 15330⁶⁹. Большое число детей посещало также детские сады и комнаты. В 1932 г. 37,3 % детей работающих женщин в Восточной Сибири было охвачено детскими учреждениями⁷⁰.

В 1934 г. общее число детей, посещавших дошкольные учреждения в Восточной Сибири, возросло до 109,6 тыс. против 31 тыс. в 1931 г., т.е. в 3,5 раза⁷¹. В Западной Сибири в 1934 г. детские дошкольные учреждения посещали 256,4 тыс. детей, что составляло около 27 % всех детей дошкольного возраста. Только в яслях число мест с 4 тыс. в 1930 г. возросло до 47,7 тыс. в 1934 г.⁷²

Таким образом, создание и расширение сети дошкольных детских учреждений и воспитание в них детей тех женщин, которые были вовлечены в общественное производство, стало неотъемлемой чертой городского быта. В 1935 г. в СССР на тысячу работающих женщин имелось 100 мест в дошкольных детских учреждениях, в том

числе 52 места в яслях, 48 – в детских садах. После известного постановления в 1936 г. о запрете аборт и развитии сети детских учреждений число мест в детских яслях Новосибирска к 1939 г. возросло вдвое по сравнению с 1936⁷³. Хотя потребности в детских учреждениях отставали даже от установленных минимальных норм, все же по сравнению с началом первой пятилетки в этом отношении был достигнут существенный сдвиг⁷⁴.

К концу 1930-х годов в Сибири была создана широкая сеть постоянно действующих и летних дошкольных учреждений. Это способствовало положительным изменениям быта, существенно сокращало затраты труда в семье, особенно у женщин, связанные с воспитанием и обслуживанием детей, позволяя им совмещать материнство с участием в общественном производстве.

Подводя некоторые итоги рассмотрения проблемы, мы можем констатировать, что процесс эмансипации женщины, сопутствующий утверждению нового типа семьи – семьи индустриально-урбанистического общества, проходивший во всем мире в XX веке, в России активно развернулся после революции 1917 г., а особенно форсированное развитие получил в ходе индустриализации в 1930-е гг. Вовлечение женщин в производство кардинально меняло весь семейно-бытовой уклад: менялись отношения и роли супругов, процесс воспитания детей, ведение домашнего хозяйства.

Эмансипации женщин, утверждению равноправия с мужчинами способствовало, прежде всего, их участие в общественном производстве, вовлечение женщин в общественно-политическую и культурную жизнь. Помогали развитию процесса, в частности, те элементы коммунистической идеологии, которые говорили о формировании новой семьи, товарищеских отношений между мужчиной и женщиной, о новой роли женщины в семье и обществе.

Утверждение новой роли женщин в обществе, развитие семейных отношений в городах Сибири, отношений между полами в исследуемый период отличалось сложным переплетением общецивилизационных тенденций с тенденциями, обусловленными своеобразной социально-политической обстановкой в советской России.

Даже иностранные наблюдатели отмечали, что женщины в советской России по сравнению с женщинами других стран Европы имели больше юридических прав и возможностей для реализации себя как личности⁷⁵. Советские женщины получили равенство с мужчи-

нами в политике, равную оплату за одинаковый труд, юридическое равенство в семье и браке. О таких правах в большинстве стран Европы в то время женщины могли только мечтать.

Конечно, мы должны отметить, что в СССР в целом, и в Сибири как в одном из окраинных регионов, реального равноправия мужчины и женщины в сфере быта и семьи, в общественно-политической и производственной сфере еще не было достигнуто, хотя и были сделаны серьезные шаги в этом направлении. Фактического равенства между полами предстояло добиваться долгой работой, повышением культурного уровня женщин, изживанием предрассудков у мужчин, радикальным изменением общественного сознания и перестройкой сферы быта.

¹ **Чураев А.** Население Восточной Сибири. М.-Иркутск, 1933. С.55.

² **Власть труда.** 1927. 23 дек.

³ **Климанская Н.Е.** Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению женщин в социалистическое строительство (1920 – 1925 гг.) Томск, 1976. С.83.

⁴ **Государственный архив Омской области (ГАОО).** Ф. Р-29. Оп.1. Д.317. Л.3.

⁵ На материалах России в целом эта тема освещалась в работах В.Л. Бильшай, П.М. Чиркова и других авторов; в историографии Сибири данная тема подробно раскрыта в работах Н.Е. Климанской, И.Н. Румянцевой и другими исследователями.

⁶ **ГАНО.** Ф. Р-627. Оп.1. Д.139. Л.125.

⁷ **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. А-390. Оп.21. Д.31. Л.16.

⁸ **Известия Сибкрайкома ВКП(б).** 1927. № 8-9. С.13.

⁹ **ГАНО.** Ф. Р-627. Оп.1. Д.248. Л.1-5.

¹⁰ **Советская Сибирь.** 1927. 4 окт.

¹¹ **Известия Сибкрайкома ВКП(б).** 1928. № 1-2. С.5.

¹² **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп.12. Д.164. Л.207.

¹³ **Красная сибирячка.** 1928. № 1. С.23; **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.2-1. Д.1686. Л.218-227.

¹⁴ **Власть труда.** 1927. 8 дек.

¹⁵ **ГАОО.** Ф. Р-749. Оп.1. Д.13. Л.320.

-
- ¹⁶ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.1. Д.1687. Л.136; Д.4036. Л.39; Д.4344. Л.19; **ГАОО.** Ф. Р-28. Оп.1. Д.246. Л.354.
- ¹⁷ **ГАРФ.** Ф. А-390. Оп.21. Д.40. Л.1.
- ¹⁸ **Агитатор.** 1929. № 1-2. С.94.
- ¹⁹ **Известия** Сибкрайкома ВКП(б). 1930. № 1-2. С.9.
- ²⁰ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.2-1. Д.3406. Л.8; Ф. П-2. Оп.1. Д.2453. Л.26; **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп.2. Д.271. Л.1.
- ²¹ **ГАОО.** Ф. Р-28. Оп.1. Д.246. Л.342.
- ²² Там же. Л. 353-355.
- ²³ **Власть** труда. 1927. 30 янв.
- ²⁴ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.1. Д.1687. Л.183-186.
- ²⁵ **Молодой рабочий.** 1928. 28 марта; 5 окт.; 1929. 28 марта, 15 сент.; и др.
- ²⁶ Там же. 1929. 2 марта.
- ²⁷ **Власть** труда. 1927. 4 марта.
- ²⁸ **Центр** хранения архивных фондов Алтайского края (**ЦХАФАК**). Ф. Р-78. Оп.2. Д.250. Л.4.
- ²⁹ **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп.2. Д.82. Л.50-53.
- ³⁰ **Молодой рабочий.** 1928. 21 нояб.
- ³¹ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.1. Д.1687. Л.93-95; Ф. р-627. Оп.1. Д.248.Л.7.
- ³² **ГАНО.** Ф. П-22. Оп.1. Д.98. Л.316; Ф. р-47. Оп.1. Д.1977. Л.52.
- ³³ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.1. Д.1687. Л. 51-63.
- ³⁴ **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп.2. Д.82. Л.52 об.
- ³⁵ Архив истории Кузнецкого металлургического комбината (**АИМКК**). Оп.2. Д.29. Л.13 Об.
- ³⁶ **Агитатор.** (Новосибирск), 1929, №1-2, с.96.
- ³⁷ Стат. справочник. М., 1936. Вып.1(3). С.18
- ³⁸ **Кожаный П.** Работница и быт. М., 1926. С.17.
- ³⁹ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.1. Д.2453. Л.26; Оп.2-1. Д.1672. Л.12-13;Ф. Р-627. Оп.1. Д.140. Л.25; Д.248. Л.57.
- ⁴⁰ **ГАРФ.** Ф. А-390. Оп.21. Д.41. Л.59.
- ⁴¹ **ГАНО.** Ф. П-2. Оп.1. Д.1687. Л.109.
- ⁴² **ГАНО.** Ф. Р-627. Оп.1. Д.250. Л.168. 172.
- ⁴³ **ГАРФ.** Ф. А-390. Оп.21. Д.30. Л.17-20.
- ⁴⁴ **Кабо Е.** Очерки рабочего быта. М., 1928. С.207.
- ⁴⁵ **Ударник.** 1932. № 5-6. С.3.
- ⁴⁶ **ГАОО.** Ф. Р-749. Оп.1. Д.11. Л.105.
- ⁴⁷ **На советском** посту. 1932. № 4. С.3.
- ⁴⁸ **Профсоюзная** перепись 1932-1933 гг. М., 1934. С.19.
- ⁴⁹ Стат. справочник. 1936. № 4. С.48.
- ⁵⁰ Всесоюзная перепись 1939 г. Основные итоги. М., 1992, с.97;
- ⁵¹ Стат. справочник. 1936. № 1. С.12.

-
- ⁵² Стат. справочник. 1936. № 1(3). С.12,23.
- ⁵³ Стат. справочник. 1936. № 1(3). С.29; № 3. С.7.
- ⁵⁴ **Московский А.С., Исупов В.А.** Формирование городского населения Сибири. (1926 – 1939 гг.). Новосибирск, 1984. С.45.
- ⁵⁵ **Народное хозяйство СССР в 1965 г.** М., 1966, с.42
- ⁵⁶ **Московский А.С., Исупов В.А.** Указ.соч. С.47.
- ⁵⁷ **Труд в СССР.** С.169, 172.
- ⁵⁸ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.11. Д.432. Л.16.
- ⁵⁹ Там же. Оп.12. Д.489. Л.47.
- ⁶⁰ **Материалы** к пятилетнему плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Гл.VII. С.10.
- ⁶¹ **Известия** Сибкрайкома ВКП(б). 1927. № 8-9. С.4.
- ⁶² **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.165. Л.204.
- ⁶³ **ГАОО.** Ф. Р-1152. Оп.1. Д.353. Л.4-17.
- ⁶⁴ **ГАОО.** Ф. Р-36. Оп.1. Д.2. Л.4.
- ⁶⁵ **Сибирский медицинский журнал.** 1930. № 9-10. С.109-130.
- ⁶⁶ **На советском посту.** 1931. № 24-25. С.9.
- ⁶⁷ **За социалистическое здравоохранение.** 1932. № 1. С.44.
- ⁶⁸ **Румянцева И.Н.** Деятельность партийной организации Западной Сибири по вовлечению женщин в социалистическое строительство в годы первой пятилетки: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Томск, 1969. С.11-12.
- ⁶⁹ **Будущая Сибирь.** 1932. № 1. С.79.
- ⁷⁰ **Ударник.** 1932. № 5-6. С.3.
- ⁷¹ **Народное хозяйство и культурное строительство Восточно-Сибирского края за 1931–1934 гг.** Иркутск, 1934. С.41.
- ⁷² **II Западно-Сибирский** краевой съезд Советов: Сб. материалов. Новосибирск, 1935. С.30-32.
- ⁷³ Там же. Д.380. Л.37.
- ⁷⁴ Стат. справочник. М., 1936. Вып.1. С.27.
- ⁷⁵ Uhlig Ch. Utopie oder Alptraum? Schweizer Reiseberichte uber die Sowjetunion. 1917-1941. Zurich, 1992, s.260-262.

**Деятельность КЕПС и СОПС в восточных регионах России
в первой половине XX в.**

Со времен создания в 1724 г. Петербургской академии наук среди ученых присутствовало понимание: судьбы Российской империи зависят от того, насколько гармонично удастся включить огромные территории на востоке и северо-востоке в структуру экономического потенциала и культурного влияния государства. Квинтэссенцией этого стала знаменитая формула М.В. Ломоносова: «... российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном ...», которая вновь и вновь доказывает свою актуальность ¹.

Усилиями Академии наук были осуществлены Камчатские экспедиции – первая (1725–1729 гг.) под руководством В. Беринга и вторая (1733–1743 гг.) во главе с академиком Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным, получившая также название Великой Северной экспедиции. Они положили начало систематическому экспедиционному изучению Сибири. Экспедиции носили комплексный характер, а их отличительной чертой были широкий территориальный охват и многообразие поставленных задач. Результатами экспедиций становились новые карты, описания минеральных богатств, флоры и фауны, этнографические исследования.

Широко известны научные изыскания С.П. Крашенинникова – основоположника сибирской этнографии; П.С. Палласа – основоположника сибирской геологии; Г.Ф. Миллера, заложившего основы комплексного изучения естественных производительных сил; декабристов; ученых-поляков, сосланных в Сибирь за участие в восстании 1863–1864 гг. На рубеже XIX–XX вв. осознанием важности научного изучения природных ресурсов и рационального размещения производительных сил проникнуты работы В.И. Вернадского, А.П. Карпинского, Н.С. Курнакова, других ученых.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Академия наук уступила пальму первенства в исследованиях Сибири Горному ведомству, отделениям Географического и Минералогического обществ и Об-

шеству любителей естествознания. Заметную роль собирателей материалов стали играть краеведческие и местные музеи. Первыми точками роста постоянной науки стали основанные в Сибири и на Дальнем Востоке университеты: Томский (1880 г.), Томский политехнический (1886 г.), Иркутский (1918 г.), Дальневосточный (1920)².

Новый этап в изучении естественных производительных сил России силами Академии наук начался с созданием в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Комиссия и возникший на ее основе в 1930 г. Совет по изучению производительных сил (СОПС) – формы организации и координации научных исследований ресурсного и экономического потенциала России на протяжении длительного исторического периода. Изучению их деятельности посвящены крупные работы обобщающего характера, среди которых – монография А.В. Кольцова, юбилейное издание о СОПС, подготовленное под руководством А.Г. Гранберга и Б.М. Штульберга³, статьи в научных журналах и энциклопедиях⁴.

Представление о деятельности КЕПС и СОПС можно составить на основе специальных библиографических указателей работ сотрудников этих старейших научных центров⁵. Значительный интерес представляют коллективные труды обобщающего характера, подготовленные сотрудниками СОПС⁶. Они отражают результаты комплексных региональных исследований производительных сил СССР через работу комиссий, совещаний, конференций, экспедиций, издания трудов и т.п.

Наиболее удачную периодизацию деятельности Комиссии и Совета, самым тесным образом связанной с историей страны, дал проф. А.А. Адамеску⁷ (Приложение 1). Изучение биографий руководителей КЕПС – СОПС показывает, что многие из них имели непосредственное отношение к организации научно-исследовательских учреждений на территории Сибири и развитию тематики по изучению этого региона (Приложение 2).

Несмотря на кажущуюся изученность темы, приходится констатировать, что работ, посвященных специальному изучению присутствия КЕПС и СОПС в регионе, от которого в значительной степени зависит мощь экономического потенциала страны, пока не существует. Поэтому цель данной статьи – показать, какие усилия предпринимали КЕПС и СОПС на протяжении первой половины XX в. для изучения производительных сил восточных регионов страны, и,

в частности, Сибири; изучить, какие факторы повлияли на возникновение новых организационных форм науки в годы Первой и Второй мировых войн.

В годы промышленного подъема 1909–1913 гг. пришло понимание, что наука сама может выступать одним из факторов развития производительных сил общества. Тогда и зародилась идея создания в Академии наук России нового научного центра, ориентированного на проблемы экономической практики – КЕПС. События, связанные с Первой мировой войной, ускорили перевод идей и замыслов в конкретное русло. Как оказалось, для обеспечения оборонных потребностей необходимы были данные о наличии стратегически важных природных ресурсов и возможностях их практического использования.

В 1915 г. по инициативе академиков В.И. Вернадского, Б.Б. Голицына, А.П. Карпинского, Н.С. Курнакова Академия наук приняла решение о создании КЕПС. В состав комиссии вошло более ста ученых Академии наук, ведущих университетов страны, работников министерств и ведомств, научных обществ. Первым председателем комиссии стал академик В.И. Вернадский.

Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) – крупнейший российский ученый, основатель таких научных направлений как геохимия, биогеохимия, радиогеология. Для его деятельности характерны широта интересов, постановка кардинальных научных проблем, научное предвидение. После окончания Петербургского университета (1885 г.) В.И. Вернадский преподавал в МГУ, заведовал минералогическим отделением Геологического музея в Петербурге, возглавлял радиевую лабораторию в составе КЕПС. В годы Советской власти был первым Президентом Академии наук Украины; основателем и руководителем Радиевого института; Биогеохимической лаборатории, на основе которой уже после его кончины организован Институт геохимии и аналитической химии АН СССР.

В первый год своего существования КЕПС организовала составление сводок по отдельным видам естественных производительных сил России, выполнила ряд важных работ для нужд обороны. Началось издание серии «Материалы для изучения производительных сил России», многотомного сборника «Естественные производительные силы России». Отчеты Комиссии содержали краткие записки о производительных силах страны⁸. Уже тогда был поставлен вопрос

о создании сети специализированных НИИ как формы организации исследований по отдельным направлениям научного поиска.

Ученые Академии наук – члены КЕПС возглавили комитеты различных ведомств, работающих на оборонные нужды. В.Н. Ипатьев руководил Химическим комитетом при Главном артиллерийском управлении, который занимался организацией производства взрывчатых веществ и фармацевтических препаратов, необходимых фронту. Академик Н.С. Курнаков возглавил Военно-химический комитет при Русском физико-химическом обществе, который занимался созданием средств военно-химической защиты и обеспечением фронта и тыла химическими препаратами. А.Е. Чичибабин создал Московский комитет содействия развитию фармацевтической промышленности. Позднее В.И. Вернадский, оценивая деятельность КЕПС, подчеркивал, что она сыграла «заметную роль в критическое время первой мировой войны»⁹.

Образование КЕПС, помимо решения оперативных задач, продиктованных войной, было вызвано также объективной потребностью в систематическом изучении и хозяйственном использовании природно-ресурсного потенциала страны. Как отмечал академик А.Г. Гранберг, в значительной мере благодаря усилиям КЕПС «была создана минерально-сырьевая база страны и выработаны научно-организационные подходы к изучению ресурсного потенциала регионов»¹⁰. При этом подход к изучению производительных сил базировался на принципе комплексности, включавшей как естественные, природные, так и социально-экономические и социокультурные аспекты.

Деятельность комиссии уже на начальном этапе сыграла определяющую роль в координации усилий Академии наук, министерств и ведомств по выработке научно-технической политики в области изучения производительных сил, а также в формировании и развитии сети научных учреждений. Одной из форм деятельности КЕПС были экспедиции и командировки ученых в различные регионы России. В 1916–1917 гг. комиссия организовала проведение полевых работ по изучению бокситов, бора, йода, серы в районах европейской части страны. Крупные геологические исследования выполнялись в содружестве с Геологическим комитетом.

За несколько «досоветских» лет КЕПС добилась значительных достижений в реализации намеченной ею программы исследований.

Это касалось учета естественных производительных сил, поисков новых источников стратегического сырья, выполнения заданий оборонных организаций, издания литературы о природных богатствах страны. Непосредственное участие в экспедициях по минералогическому и геохимическому изучению Сибири принимали В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман. В частности, В.И. Вернадский занимался изучением радиоактивных минералов в Забайкалье (1914 г.), бокситов на Алтае (1916 г.). А.Е. Ферсман провел минералогическую экспедицию в Селенгинскую Даурию (1915 г.)¹¹. Для деятельности КЕПС характерно было стремление не только подготовить возможно полную сводку о естественных производительных силах России, но и развернуть исследования по их рациональному использованию.

Политические лидеры новой России не могли не понимать, что восстановление и развитие экономического потенциала государства невозможно без развития технологического прогресса. Наркомпрос в документе «Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства» (1918 г.) возложил на Академию наук ответственность за проведение научных изысканий по освоению природных ресурсов для нужд промышленности.

В диалоге с властью руководители АН вырабатывали подходы, которые бы позволили сохранить главное ее богатство – ученых и их результаты. В записке для Наркомпроса ученый секретарь КЕПС А.Е. Ферсман обосновал ее деятельность «для широкой и планомерной работы по изучению русского сырья и созданию исследовательских центров». В дальнейшем руководители Академии наук и КЕПС дали развернутую программу действий по решению задач в области народного хозяйства и затронули принципиальные вопросы, касающиеся организации исследований и повышения роли науки в подъеме экономики и культуры страны¹².

Постепенно восстанавливались и расширялись связи КЕПС с государственными органами и промышленными предприятиями, нарушенные в годы социальных катаклизмов. Институты и отделы Комиссии поддерживали контакты с Госпланом, ВСНХ, наркоматами, хозяйственными организациями регионов. Члены КЕПС приняли активное участие в работе Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил в 1923 г. Информировав совет КЕПС об ее итогах, Н.С. Курнаков отмечал, что по харак-

теру и значению произведенных работ Комиссия занимала на конференции «первенствующее положение»¹³.

КЕПС внесла весомый вклад в разработку плана ГОЭЛРО – первого комплексного государственного плана, рассчитанного на перспективу. Этот план, как известно не был планом строительства и реконструкции одних лишь электростанций. На базе электроэнергетики, преимущественного роста тяжелой индустрии была разработана программа развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта.

В 1920 г. для проведения работ по плану ГОЭЛРО при КЕПС был создан Комитет порайонного описания во главе с академиком А.Е. Ферсманом, который выделил восемь экономических районов, в том числе Уральский и Западно-Сибирский. В территориальном разделе плана представлен подробный анализ особенностей отдельных районов, намечены перспективы их дальнейшего развития с учетом максимального использования внутрирайонных природных и экономических ресурсов¹⁴. В значительной мере этот анализ базировался на материалах КЕПС по природным ресурсам, систематизированным ранее.

В числе важнейших задач КЕПС стали учет энергетических ресурсов страны и разработка проблем их рационального использования. Этими проблемами занимался отдел энергетики КЕПС во главе с В.Г. Глушковым. По запросам ГОЭЛРО был составлен общий обзор «Водные силы России», в котором особое внимание уделялось оценке изученности гидроэнергоресурсов отдельных рек. Руководством для подобного рода работ служила разработанная отделом КЕПС «Инструкция для составления кадастра водных сил СССР». Составление кадастра водных ресурсов получило высокую оценку Всемирной энергетической конференции в Лондоне в 1924 г., где СССР оказался среди немногих стран, представивших исчерпывающие сведения о своих источниках водной энергии. Эта работа была выполнена в экспедиционных исследованиях, которые давали материал для кадастра.

В 1929 г. сотрудники отдела завершили составление кадастра водных сил Алтая. Решающий вклад в изучение водных ресурсов внесла Алтайская энергетическая экспедиция КЕПС под руководством А.Н. Копылова. Аналогичные кадастры были подготовлены также

для бассейнов рек Енисея и Лены¹⁵, которые оказались весьма полезны для разработки Ангаро-Енисейской программы в 1930-е гг.

В числе достижений почвоведов КЕПС следует назвать составление 100-верстной почвенной карты Западной и Восточной Сибири и Туркестана. Это была первая почвенная карта азиатской части СССР. В середине 1920-х годов в выросшем из КЕПС Почвенном институте им. В.В. Докучаева продолжались работы по составлению почвенной карты СССР. О высоком уровне проведения этих работ говорит такой факт. В 1927 г. в Вашингтоне состоялся I Международный конгресс почвоведов, в котором участвовала делегация АН СССР во главе с К.Д. Глинкой¹⁶.

В новых условиях деятельность КЕПС все сильнее координировал Госплан. В первой половине 1920-х гг. прошли съезды по экономическому районированию и изучению производительных сил Сибири – в Новосибирске (1923 г.), Чите (1924 г.), Томске (1925 г.). Важную роль в их подготовке сыграл Н.Н. Колосовский, впоследствии один из активных деятелей СОПС. Он определил восемь признаков (циклов) для выделения экономических районов и подрайонов, подчеркнув, что сочетание циклов, сырьевых и энергетических баз на данной территории образует территориально-производственное ядро экономического района. Концепция экономического районирования позволила определить основные приоритеты в развитии страны: освоение новых источников сырья и энергии в восточных районах страны; развитие тяжелой промышленности; создание национальной системы территориального планирования.

В середине десятилетия в Госплан был представлен доклад Н.Н. Колосовского о задачах развития Сибири и Дальнего Востока с анализом хозяйственных проблем этих регионов и предложением системы ведущих проектов освоения Сибири – Урало-Кузнецкого комбината, Транссибирской магистрали, Ангаростроя, освоения Сибирского Севера. В его докладе впервые сформулирована главная задача территориальной организации производительных сил в самом общем виде – сдвиг производства на восток СССР. В дальнейшем они были в основном приняты в первом пятилетнем плане и стали общепризнанными¹⁷.

Важнейшей формой проведения работ по изучению производительных сил были экспедиции. С 1922 г. развернула работу Западно-Сибирская (совместно с РГО) и Монголо-Урянхайская экспедиции.

В 1923–1925 гг. экспедиционные работы организованы на Урале. Силами КЕПС осуществлялось изучение сырьевой базы Урало-Кузнецкого металлургического комбината, в частности, Кузнецкого каменноугольного бассейна. Под руководством проф. А. А. Гапеева проведены изыскания, в ходе которых дана первая промышленная оценка каменных углей Кузнецкого бассейна. Именно на основе этой оценки принято решение о начале проектирования трех металлургических заводов на Урале и одного в Кузбассе с использованием кузбасских углей.

В 1924 г. под руководством А. Е. Ферсмана предпринята экспедиция в Саяны в составе сотрудников КЕПС Л. Н. Лабунцова, Б. М. Куплетского, Е. Е. Костылева, в ходе которой изучались месторождения графита, асбеста, нефрита, слюды и других полезных ископаемых и минералов.

Что касается изучения Севера, то можно сказать, что планомерные исследования начались в 1918 г. с создания при КЕПС специального отдела, который организовал серию экспедиций, положивших начало комплексному изучению производительных сил северных районов страны. Наиболее масштабной из них оказалась Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг., которую организовала специально созданная при КЕПС Комиссия по изучению Якутской АССР (КЯР)¹⁸. К разработке научных программ экспедиции были привлечены специалисты различного профиля, среди которых – крупнейшие ученые С. В. Обручев, А. П. Карпинский, Н. И. Вавилов, А. А. Борисьяк, В. Ю. Визе, Л. С. Берг, А. А. Григорьев, Б. Д. Греков и др.

В составе экспедиции действовали десять специализированных отрядов. В частности, Колымский геоморфологический отряд Якутской экспедиции под руководством С. В. Обручева известен как самостоятельная Колымско-Индигорская экспедиция, изучавшая гидрографическую сеть и геологическое строение этого обширного района. На основе съемок составлена карта Колымско-Индигорского края, открыт хребет Черского, решен ряд геологических вопросов. Важным результатом экспедиции явился прогноз о золотоносности обширной территории бассейнов верхних течений рек Колымы и Индигирки¹⁹.

В 1926–1929 гг. как ответвление Монгольской экспедиции работала Тувинская геологическая экспедиция под руководством И. П. Рачковского. Ее задачей было изучение маршрутных геологических

пересечений на всей территории Тувинской народной республики. Геохимический отряд Б.М. Куплетского составил геологическую карту бассейна р. Керулена и части Монголии, прилегающей к Забайкалью. Впоследствии отряд З.А. Лебедева опубликовал крупную обобщающую работу по геологии Тувы²⁰.

Постепенно в Академии наук формировалась организационно-управленческая инфраструктура для руководства экспедиционными исследованиями. В 1921 г. была образована Комиссия по научным экспедициям во главе с академиком С.Ф. Ольденбургом. В 1926 г. возник Особый комитет по изучению союзных и автономных республик (ОКИСАР) под председательством академика А.Е. Ферсмана для исследования естественных производительных сил и населения национальных республик СССР и согласования всех экспедиционных работ Академии наук. Через два года он был преобразован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ).

При всем многообразии тематики КЕПС основное внимание в ее исследованиях уделялось поискам полезных ископаемых, в первую очередь тех, которые обеспечивали экономическую независимость молодого Советского государства. Ввиду слабой геологической изученности территории страны такую поисковую задачу решали организованные КЕПС экспедиции, основной целью которых являлись геологические исследования. Основные результаты исследований передавались заинтересованным организациям.

Хотя в 1920-е годы КЕПС не располагала возможностями для всестороннего изучения производительных сил восточных регионов, подходы, которые она выработала, стали фундаментом для будущих изысканий. Комиссия подняла исследование и освоение природных ресурсов на новый уровень, придала им новый масштаб и сделала их более действенными в плане обеспечения экономики стратегическим сырьем, создания новых промышленных технологий, начала целенаправленную работу по созданию сети академических и отраслевых НИИ. Из ее тематических отделов и лабораторий возникло около двух десятков самостоятельных институтов.

К концу 1920-х гг. деятельность АН СССР протекала в условиях жесткой централизации управления и планирования научных исследований. Работа КЕПС во главе с В.И. Вернадским, отстаивающим незыблемость ее основного предназначения – изучения прикладных научных проблем, все чаще стала подвергаться критике тех

ученых, которые считали, что главная задача Академии наук – развитие в первую очередь фундаментальных исследований. Радикальную точку зрения, согласно которой КЕПС вообще была не нужна, высказывал А.Н. Крылов. Ученые А.Е. Ферсман, С.Ф. Ольденбург и др. выступали за разумную реорганизацию КЕПС и передачу некоторых отделов другим учреждениям.

Когда стало очевидным, что кардинальная реорганизация КЕПС неизбежна, В.И. Вернадский предложил вариант преобразования комиссии в Менделеевский НИИ по изучению естественных производительных сил, однако его мнение не было принято во внимание. В 1930 г. на базе КЕПС и КЭИ Академия наук организовала СОПС в составе отраслевого и территориального секторов и планово-экономического бюро. В составе СОПС были созданы Уральская, Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская и Дальневосточная секции. Первым председателем СОПС избран академик И.М. Губкин.

Иван Михайлович Губкин (1871–1939) – известный российский геолог, основатель отечественной нефтяной геологии. При его непосредственном участии решались наиболее важные вопросы формирования минерально-сырьевой базы восточных регионов страны, проблемы индустриализации развития Урала, Сибири и Дальнего Востока. После окончания Петербургского горного института (1910 г.) он работал в Геологическом комитете. В годы Советской власти продолжил деятельность в Главном нефтяном комитете, возглавлял исследования Курской магнитной аномалии. В 1930–1936 гг. был председателем СОПС, в последние годы жизни – вице-президентом АН СССР.

Под его руководством СОПС продолжил деятельность в условиях плановой экономики. С началом первых пятилеток чрезвычайно актуальной становится проблема оптимизации размещения производственного потенциала. Госплан настоятельно рекомендует Академии наук и СОПС сосредоточить усилия на обосновании рационального размещения производительных сил страны. По мнению академика А.Г. Гранберга, проблематика исследований Совета в довоенный период отвечала задачам индустриализации и экстенсивного экономического развития, требующих освоения природного потенциала новых регионов²¹.

Руководители Академии наук – президенты А.П. Карпинский, В.Л. Комаров – являлись в то же время членами СОПС и возглавля-

ли основные направления его работы²². Можно говорить, что в ряде случаев, когда речь шла о принятии решений по крупным проблемам, функции СОПС брал на себя Президиум АН СССР. Это касалось разработки и реализации плана Урало-Кузнецкой программы. Задачу создания мощной угольно-металлургической базы в виде Урало-Кузнецкого комбината (УКК) обозначил XVI съезд ВКП(б). Урало-Кузнецкая программа предусматривала формирование на востоке страны отраслей цветной и черной металлургии, а также угольной, химической и машиностроительной промышленности²³.

В 1931 г. в Академии наук СССР была создана Урало-Кузбасская комиссия во главе с Г.М. Кржижановским. В нее вошли И.М. Губкин, А.Ф. Иоффе, Н.С. Курнаков, А.Е. Ферсман, А.Д. Архангельский. В апреле 1932 г. на Всесоюзной конференции по этой проблеме были рассмотрены важнейшие вопросы территориальной организации народного хозяйства, обеспеченность топливно-энергетическими и минерально-сырьевыми ресурсами, географическое размещение тяжелой индустрии, проблемы УКК²⁴.

В июне 1932 г. АН СССР организовала чрезвычайную (выездную) сессию по проблемам Урало-Кузбасса, проходившую сначала в Свердловске, а затем в Новосибирске. На сессии в Новосибирске выступления участников звучали на четырех секциях: химической, химического использования растительного сырья, геологической и сельскохозяйственной. Значительный интерес сибиряков привлекли доклады: А.Е. Ферсмана – «Ископаемые Западной Сибири в свете геохимии»; А.А. Чернышева – «Электроэнергетические проблемы Урало-Кузбасского комбината»; И.П. Бардина – «О путях развития черной металлургии в Западной Сибири».

В заключительной речи академика В.П. Волгина отмечалось, что хотя Академия наук немало сделала в порядке экспедиционного обследования отдельных районов Западно-Сибирского края, настала пора «перейти от прежних методов экспедиционной работы к методу работы стационарному». Участники сессии приняли решение открыть филиал Академии наук в Новосибирске, а также организовать научно-исследовательские станции в Кулунде и Абакане²⁵.

Поскольку вопросы энергетики являлись ключевыми в Урало-Кузнецкой программе, сразу после завершения выездной сессии АН СССР в Новосибирске состоялся I краевой энергетический съезд. С докладами, наряду с маститыми академиками, выступили видные

сибирские специалисты – профессора М.А. Усов, Н.М. Караваев, В.Г. Болдырев, И.Н. Бутаков (будущий основатель Транспортно-энергетического института в составе Западно-Сибирского филиала АН СССР).

В 1930-е гг. экспедиции СОПС действовали на территориях, где предполагалось активное промышленное освоение. Экспедиционные работы существенно продвинули изучение природы, ресурсной базы и экономических проблем сибирских регионов. В Западной Сибири в первой половине 1930-х гг. поисками полезных ископаемых занимались около 40 геологических отрядов. Места их основной дислокации – Кузбасс, Кулунда, Хакасия.

Алтайско-Кузнецкая петрографо-геохимическая экспедиция под руководством П.И. Лебедева (1931–1934 гг.) выявила закономерности размещения железорудных месторождений Горной Шории и запасов марганца Северного Алтая. Открытию железорудных месторождений на севере Кузбасса и в Минусинской котловине способствовала работа Кузбасской геофизической экспедиции (1931 г.) под руководством П.П. Горшкова ²⁶.

Кулундинская экспедиция (1931–1934 гг.) под научным руководством академика Н.С. Курнакова решала не только научные проблемы изучения соляных озер Кулунды, но и практическую задачу получения сульфата натрия, необходимого в металлургической, стекольной, химической, целлюлозной промышленности ²⁷. Начальник экспедиции А.В. Николаев уже тогда заявил о себе как талантливый ученый, а впоследствии стал академиком и директором Новосибирского института неорганической химии СО АН СССР. Для работы экспедиции была организована Кулундинская научно-исследовательская станция.

Во второй половине 1930-х гг. количество экспедиций сократилось, направление их работы приобрело комплексный характер. В составе отрядов работали геохимики, биологи, гидрологи, другие специалисты. Количество отрядов СОПС, работавших на территории Сибири, составляло 22,5 % от их общего числа ²⁸.

Крупный вклад в изучение геологических представлений дала Мугоджарская комплексная экспедиция под руководством И.И. Малышева (1936–1940 гг.), которая показала, что Тянь-Шанская и Уральская складчатости разновозрастны и различны по строению. Экспедиция состояла из пяти отрядов, один из которых возглавлял

А.Л. Яншин – будущий академик и сотрудник Института геологии и геофизики СО АН СССР. В его задачу входило выяснение южного продолжения Урало-Мугоджарской складчатой системы. Работы А.Л. Яншина этого периода положили начало его фундаментальным, в основном стратиграфическим, исследованиям Северного Приаралья²⁹.

Хотя до войны филиал АН СССР в Новосибирске открыть не удалось, а Кулундинская научно-исследовательская станция с завершением работ экспедиции прекратила свое существование, можно говорить об устойчивой тенденции создания на базе экспедиционных отрядов СОПС сети НИУ в сибирском регионе – научных стационаров, станций, баз, территориальных комплексных институтов, а впоследствии филиалов АН СССР.

Вторым крупным проектом 1930-х гг. в восточных районах страны была реализация Ангаро-Енисейской программы, которую предполагалось осуществить в двух направлениях: использовать Ангару и Енисей в качестве транспортных магистралей и построить несколько гидроэлектростанций³⁰. Ангаро-Енисейский регион, обладая уникальными водными ресурсами и богатыми запасами полезных ископаемых, должен был стать важной составляющей компонентой производительных сил страны.

Вопросы индустриального освоения обсуждались на совещании ученых АН СССР по Ангаро-Енисейской проблеме (Москва, 1932 г.) с участием В.А. Обручева, А.Е. Ферсмана, В.Н. Сукачева, Г.Ю. Верещагина, М.И. Сумгина и др., на I краевом научно-исследовательском съезде Восточной Сибири (Иркутск, 1931 г.). На основе предложений ученых формировалась концепция долговременного развития региона, в которой отразилась идея комплексного развития территории.

Для координации действий, которые были намечены в Приангарье и бассейне Енисея, в 1931 г. было создано Ангарское бюро Гидроэнергопроекта. Бюро активно привлекало членов СОПС к научно-исследовательским, геолого-разведочным и проектным работам. Несмотря на то, что реализацию проектов Ангаро-Енисейской программы до войны осуществить не удалось, разработки тех лет оказались востребованными в конце 1940-х – 1950-е гг.

Проект первой очереди Ангаростроя предусматривал проведение в первой половине 1930-х гг. полевых и камеральных исследований

при участии СОПС, касающихся производительных сил Прибайкалья³¹. В 1931 г. здесь работала Байкальская геохимическая экспедиция в составе трех отрядов, в задачи которой входили геохимическое изучение района Прибайкалья и поиск пегматитов с редкоземельными минералами. Под руководством академика Ф.Ю. Левинсона-Лессинга положено начало изучению траппов, с которыми генетически связаны основные виды минеральных богатств Сибирской платформы. В 1934 г. изучением берегов Байкала на предмет их нефтеносности занималась Байкальская комплексная экспедиция СОПС под руководством В.А. Обручева³².

Концепцию исследований вечной мерзлоты на территории Приангарья формировал академик В.А. Обручев, а отрядами экспедиций руководил М.И. Сумгин – основоположник сибирского мерзлотоведения. На базе Братской мерзлотной станции удалось установить, что вечная мерзлота на территории к западу от Байкала имеет не сплошной, а островной характер, и это потребовало учета данного фактора в дальнейших разработках Ангаро-Енисейской проблемы³³.

В 1932–1934 гг. при участии СОПС были оценены возможные варианты трассы будущей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ). Проведение работ по изучению территорий в районе будущей трассы осуществлялось под руководством академиков В.Л. Комарова и В.А. Обручева. В рамках этих экспедиций организована мерзлотная группа под руководством М.И. Сумгина, выполнившая исследования по устойчивости постоянно мерзлых грунтов. На основе ее изысканий в 1941 г. основана мерзлотная станция в Якутске – «зародыш» Института мерзлотоведения СО РАН. В группе М.И. Сумгина участвовал П.И. Мельников, будущий академик и директор этого института³⁴.

Обобщая итоги экспедиционной деятельности СОПС в 1930-е гг., необходимо отметить, что экспедиции проводились в зоне Якутии, Бурят-Монголии, Ойротии (Горного Алтая). Наиболее удачной моделью комплексного изучения национально-территориальных субъектов в 1930-е гг., по мнению С.А. Красильникова, стала деятельность СОПС в Ойротии³⁵. Она включала несколько последовательных стадий: подготовительное совещание 1935 г. – комплексная экспедиция 1936–1937 гг. – конференция по развитию производительных сил 1936 г. – издание итоговых научных результатов в 1937 и 1941 гг.

Принятое в 1938 г. постановление СНК СССР о приоритетности изучения природных ресурсов Урала, Кавказа и Европейской равнины блокировало проведение целого ряда намеченных комплексных экспедиций в Сибири. Курс на организацию экспедиций СОПС накануне войны по преимуществу в европейской части СССР можно расценить как нецелесообразный. Продолжение активного изучения ресурсного потенциала восточных регионов страны могло бы смягчить последствия войны.

В 1937 г. Президиум Академии наук поставил вопрос о перестройке деятельности СОПС. Возглавил этот процесс новый руководитель СОПС академик Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945). После окончания Петербургского университета (1894 г.) он посвятил свою жизнь служению науке. Выдающийся ботаник-географ оставил ряд исчерпывающих описаний растительного покрова Монголии, Камчатки, Дальнего Востока, Саян, Прибайкалья, Якутии, создал новое учение о меридиональной зональности флор и растительного покрова. Будучи вице-президентом и президентом АН СССР, В.Л. Комаров сыграл огромную роль в организации филиалов Академии наук на периферии.

Перестройка СОПС была связана с необходимостью преодоления односторонней геологической направленности его работ и внедрения технико-экономического подхода ко всей проблематике исследований. Сотрудников Госплана интересовали анализ территориальных сдвигов в размещении отдельных отраслей народного хозяйства, изучение территориальных взаимоотношений и развития транспортной сети, оценка итогов изучения и формирования экономических районов.

В составе СОПС были созданы новые комиссии, в том числе по проблемам минерального сырья (А.И. Ферсман). Комиссия работала в сотрудничестве со специалистами академических институтов, филиалов и баз АН СССР. Были выполнены исследования по теории происхождения нефти, классификации ее залежей и закономерностей распределения (И.М. Губкин); по научным методам поисков полезных ископаемых, в том числе геохимического (А.Е. Ферсман) и картографического (А.П. Карпинский); процессов оледенения и вечной мерзлоты (В.А. Обручев); и др.³⁶

Для анализа итогов первых пятилеток, касающихся размещения отдельных отраслей производства и сложившихся транспортно-эконо-

мических связей, СОПС создала рабочие бригады под руководством С.Г. Струмилина, Л.Л. Никитина, Н.Н. Колосовского. В дальнейшем разработка проблем экономического районирования сосредоточилась в Институте экономики АН СССР³⁷.

Оценивая деятельность СОПС в первой половине XX века, можно прийти к следующим выводам. До середины 1920-х гг. усилия СОПС по изучению производительных сил восточных регионов страны, при осознании важности их потенциала для развития государства, не носили планомерного и всеобъемлющего характера и сводились к инициативе самих ученых. Первым крупномасштабным мероприятием на государственном уровне стала организация Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг., которая стала своеобразной моделью изучения производительных сил регионов в будущем.

В 1930-е гг. проблематика региональных исследований соответствовала требованиям расширяющейся экономики на стадии индустриализации с преобладанием экстенсивных факторов роста. В условиях командно-административной системы ученые СОПС не смогли противостоять чрезмерно узкой специализации регионов и отстают их экономическую самостоятельность. Выводы ученых по оптимальному сочетанию отраслевого и территориального управления регионов существенно корректировались министерствами и ведомствами³⁸. При определении приоритетов государственной политики последние, как правило, опирались не на экспертные заключения, а на высказывания политического руководства.

Однако необходимо отметить, что деятельность Академии наук и СОПС по изучению производительных сил способствовала скорейшему и комплексному освоению ресурсного потенциала восточных регионов, который сыграл решающую роль в деле победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

С началом войны деятельность СОПС была подчинена задачам всемерного повышения обороноспособности страны. Как и в годы Первой мировой войны, ученые не могли стоять в стороне от насущных задач. В составе СОПС были созданы комиссии: по противотанковым средствам; по военной географии; по аэро съемке и маскировке; по геолого-географическому обслуживанию; военно-санитарная; действовала морская гидрофизическая лаборатория (руководитель – И.В. Курчатov). В первые месяцы войны из прифрон-

товых районов было эвакуировано 85 учреждений Академии наук СССР. Они разместились на Урале, в Среднем Поволжье, Западной Сибири, Средней Азии, Казахстане³⁹.

Условия военного времени заставили по-новому осмыслить роль восточных регионов СССР, которые после размещения на их территории большого количества эвакуированных промышленных предприятий, КБ, институтов и вузов объективно превратились в главную экономическую зону страны. Огромный объем работ по изучению и эффективному использованию сырьевых ресурсов восточных районов в условиях военного времени выполняли проблемные и региональные комитеты и комиссии АН СССР.

В 1941 г. в составе СОПС была создана Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны во главе с академиком В.Л. Комаровым. Ее эффективная деятельность стала основанием для расширения географических рамок: с 1942 г. она получила название Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. Хотя Комиссию выделили из состава СОПС в самостоятельную организацию при Общем собрании АН СССР, в своей деятельности она использовала организационный опыт СОПС и результаты его экспедиций по разведке и описанию месторождений Сибири. Таким образом, деятельность Академии наук и деятельность СОПС тесно переплелись и были подчинены задаче повышения обороноспособности Советского государства. Комиссия АН СССР стала одним из проводников государственной политики в сфере управления и организации научно-технического и образовательного потенциала регионов в военных условиях.

В состав Комиссии АН СССР входили около 70 чел., которые курировали металлургическую, угольную, лесную, химическую промышленность, электроэнергетику, строительную отрасль, водообеспечение, транспорт. Основная задача Комиссии АН СССР заключалась в создании условий для максимального использования местных ресурсов и увеличения выпуска военной продукции, а главным направлением работы стало изучение новых ресурсов стратегического сырья. Для выполнения конкретных задач формировались временные исследовательские коллективы – комплексные бригады. В составе бригад десятки выдающихся ученых направлялись на за-

воды, фабрики, электростанции, спускались в шахты и рудники, вели поиски и разведку полезных ископаемых ⁴⁰.

Работа Комиссии АН СССР на территории Западной Сибири наиболее активно протекала в 1942–1943 гг. Она опиралась на потенциал региональных НИУ и вузов, эвакуированных в Сибирь научных коллективов. Проводником решений Комиссии АН СССР на местах выступали комитеты ученых Омска, Томска, Новосибирска, Кемерово, Прокопьевска, Сталинска-Кузнецка. В их составе были созданы секции транспорта, энергетики, химии, геологии, биологии, и т.п. Руководителями комитетов ученых были профессора местных вузов. Новосибирский комитет ученых возглавил академик С.А. Чаплыгин, который прибыл с целью организации филиала ЦАГИ и аэродинамической базы.

В рамках одной статьи невозможно осветить все направления деятельности Комиссии АН СССР, поэтому остановимся на тех, которые получили институциональное оформление в рамках созданного в 1943 г. Западно-Сибирского филиала АН СССР.

Одной из важнейших в годы войны стала транспортная проблема. Бригада Комиссии АН СССР по главе с профессором Н.Н. Колосовским при тесном контакте с преподавателями транспортных вузов (ТЭМИИТ, НИВИТ) разработала оптимальную транспортную схему для железных дорог региона, которая повысила их эффективность. На транспорте внедрялись лунинские методы, суть которых состояла в том, что ремонт паровоза осуществляла сама паровозная бригада, а не специальные группы ремонтников. В условиях дефицита человеческих ресурсов такое совмещение профессий обеспечивало бесперебойный график движения поездов. Ученые транспортных вузов организовали конференции для обобщения опыта лунинского движения ⁴¹.

Развертывание в Сибири новых промышленных мощностей делало неизбежным развитие энергетического потенциала региона. Бригада Комиссии АН СССР под руководством чл.-корр. АН СССР В.И. Вейца разработала рекомендации по расширению Кузнецкой и Новосибирской энергосистем, оказала помощь при прокладке новых линий электропередач т.п. В работе Комиссии АН СССР участвовали профессора сибирских вузов: И.Н. Бутаков ⁴², М.А. Розенберг, М.М. Хазен, В.К. Щербаков, и др. Энергетическая секция Томского комитета ученых во главе с профессором Томского индустриально-

го (политехнического) института И.Н. Бутаковым внесла решающий вклад в концепцию создания Транспортно-энергетического института в составе Западно-Сибирского филиала АН СССР⁴³.

Решением проблем металлургической промышленности и расширением ее ресурсной базы в Западной Сибири занималась бригада Комиссии АН СССР во главе с академиком И.П. Бардиным. При опоре, в основном, на томских ученых составлена карта прогнозов по редким металлам Кузнецкого Алатау, приняты меры по скорейшему расширению полиметаллической базы Рудного Алтая.

Ф.Н. Шахов дал прогноз золотодобычи на Центральном руднике Кузнецкого Алатау, который продлил жизнь рудника на десятки лет, руководил поисковыми работами на коренное золото в Горной Шории, спрогнозировал перспективные типы месторождений. Ю.А. Кузнецов открыл на Алтае крупное месторождение золота, сразу сданное в эксплуатацию. В.А. Кузнецов, обосновал закономерности образования и размещения месторождений Алтае-Саянской рудной провинции, по заданию СОПС исследовал тектонику Западной Тувы.

С участием ученых шла напряженная отработка технологий добычи и плавки руд, их обогащения, взаимозаменяемости сырья и топлива. Сибирский металлургический институт в г. Сталинске-Кузнецке выполнил ряд исследований, связанных с освоением новых производств на Кузнецком металлургическом комбинате. Профессор этого вуза и член Комитета ученых Ю.В. Грдина⁴⁴ возглавил экспертно-консультативную помощь КМК и оборонным заводам. Под его руководством на КМК была проведена опытная плавка и прокатка первого слитка броневой стали. Профессор И.Л. Миркин исследовал влияние термической обработки на качество тонкого стального листа.

Идеи академика И.П. Бардина и профессора Ю.В. Грдины, которые выступали с инициативой организации филиала Академии наук в Западной Сибири еще в середине 1930-х гг., были использованы в подготовке проекта Химико-металлургического института ЗСФ АН СССР⁴⁵.

В годы войны приобрела стратегическое значение горно-геологическая отрасль Сибири, которая объединяла множество направлений – от разведки новых ресурсов полезных ископаемых до оптимизации работы шахт Кузнецкого бассейна.

Широкое развитие приобрели поисковые работы нефти и газа в пределах Западно-Сибирской низменности и Кузнецкого бассейна. Особая заслуга в обосновании новых месторождений нефти и угля принадлежала представителям томской геологической школы во главе с профессором М.К. Коровиным⁴⁶, которые в годы войны объединились в горно-геологическое бюро Томского комитета ученых. Опираясь на теоретические концепции академика И.М. Губкина, М.К. Коровин выявил основные элементы геологии, геотектонические структуры и перспективы газонефтеносности Западной Сибири и определил области для добычи нефти и газа. Он принял активное участие в подготовке проекта Горно-геологического института ЗСФ АН СССР.

В годы войны благодаря координирующей деятельности СОПС в геологических изысканиях Сибири приняли участие сотрудники академических НИИ, вузов, геологических организаций. К примеру, сотрудник Арктического НИИ В.Н. Сакс⁴⁷ продолжил начатые ранее нефтепоисковые работы на севере Западной Сибири и обосновал геологические и гидрогеологические предпосылки нефтеносности этого региона.

В 1942 г. ГКО принял постановление «О мерах неотложной помощи шахтам Кузбасса по увеличению добычи и улучшению качества коксующихся углей». Комиссия АН СССР сформировала комплексную бригаду во главе с академиком А.А. Скочинским⁴⁸ в состав которой вошли А.Е. Пробст, Н.А. Чинакал и др. При обследовании шахт члены комиссии пришли к выводу о возможности увеличения добычи угля на 50 %. Профессор А.Е. Пробст, в дальнейшем один из сотрудников СОПС, опубликовал крупную работу «Пути увеличения добычи кузнецких углей в 1943–1944 гг.», в которой определил задачи трестов и отдельных шахт⁴⁹.

Профессор Томского индустриального (политехнического) института Н.А. Чинакал⁵⁰ еще до войны предложил новое устройство передвижной крепи — так называемый щит Чинакала, позволивший без закладки новых шахт увеличить добычу угля в 3–4 раза. В начале войны как член Томского комитета ученых он создал «бюро Чинакала» на Томском электромеханическом заводе с целью оказания технической помощи шахтам Кузбасса. Т.Ф. Горбачев⁵¹ в годы войны работал главным инженером на угледобывающих предприятиях Западной Сибири – в трестах «Кемеровоуголь» и «Осинники»

уголь». Благодаря его новаторской инженерной работе совместно с другими горняками удалось повысить добычу угля в 1,5 раза.

Работа в Комиссии АН СССР привела академика А.А. Скочинского и профессора Н.А. Чинакала к идее создания специализированного института, которая воплотилась в проекте Горно-геологического института ЗСФ АН СССР⁵².

Комиссия АН СССР и СОПС придавали важное значение развитию медико-биологических исследований. В годы войны томские ученые Н.В. Вершинин, В.В. Ревердатто⁵³, Д.Д. Яблоков и др. внесли большой вклад в изучение новых лекарственных растений Сибири, получение из них лекарственных препаратов и внедрение их в военно-полевых условиях. В практику отечественной медицины были введены пустырник, панцерия, синюха, пижма, володушка, сирени и другие лекарственные растения. Нарботанный потенциал профессор В.В. Ревердатто использовал для обоснования проекта Медико-биологического института ЗСФ АН СССР⁵⁴.

В условиях военного времени вопрос об организации филиала, неоднократно ставившийся перед директивными органами в течение 10 лет, разрешился с чрезвычайной оперативностью. 21 октября 1943 г. Совет Народных Комиссаров СССР постановил организовать в Новосибирске Западно-Сибирский филиал АН СССР в составе четырех институтов: Транспортно-энергетического; Химико-металлургического; Горно-геологического; Медико-биологического. Председателем Президиума ЗСФ АН СССР был назначен академик А.А. Скочинский, а первыми директорами институтов – соответственно профессор И.Н. Бутаков, Ю.В. Грдина, Н.А. Чинакал, В.В. Ревердатто⁵⁵.

Таким образом, деятельность Комиссии АН СССР под руководством Президента АН СССР и председателя СОПС В.Л. Комарова способствовала созданию первого филиала Академии наук на территории Сибири. Консолидированная условиями военного времени научная общественность стала основой формирования научных кадров Западно-Сибирского филиала. Деятельность Комиссии АН СССР и ее комитетов, непосредственное руководящее участие в исследовательской работе выдающихся ученых страны определили приоритетные направления научных исследований ЗСФ АН СССР, состав его первых институтов и конкретную структуру их подразделений.

Направления исследований, сформулированные для ЗСФ АН СССР, конечно, существенным образом определялись экстремальными ус-

ловиями военного времени, кадровыми и другими конкретными ограничениями. Однако, оценивая профилирующие направления исследований, заложенные в основание деятельности филиала с современных позиций, можно утверждать, что в них весьма точно обозначены приоритетные составляющие развития отечественной и мировой науки⁵⁶.

Деятельность Академии наук и СОПС по освоению ресурсного потенциала и развитию производительных сил Сибири в годы войны стала тем фундаментом, на основе которого в послевоенные годы развернулось широкомасштабное индустриальное освоение восточных районов страны. Стремление КЕПС и СОПС приблизить научную базу к объектам изучения воплотилось в создании научных центров Академии наук СССР, которые ныне объединяет Сибирское отделение РАН.

Рассматривая работу КЕПС и СОПС в годы Первой и Второй мировых войн, можно отметить целый ряд общих черт в их деятельности. Во-первых, это глубокий патриотизм российских ученых и их готовность участвовать в укреплении обороноспособности страны. Во-вторых, готовность взять на себя роль координирующего органа в решении насущных проблем военного времени как сугубо производственного, так и поискового характера. В-третьих, выход на властные структуры с аргументированными предложениями оформления наработанного потенциала в научные учреждения.

Деятельность КЕПС и СОПС в восточных регионах России нуждается в глубоком и всестороннем изучении. В дальнейшем на основе выявления широкого круга архивных источников предполагается исследовать экспедиционную деятельность СОПС в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период на территории Западной и Восточной Сибири, показать вклад отдельных ученых в развитие проблемы изучения производительных сил региона.

¹ **Российская** академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Отв. ред. Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2007. С. 5.

² **Добрецов Н.Л.** Академия наук и Сибирь // Науковедение. 1999. № 3. С. 78, 80.

-
- ³ **Кольцов А.В.** Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил. 1915-1930 гг. // СПб.: Наука, 1999; **Совет** по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005 / Гранберг А.Г., Штульберг Б.М. и др. М.: ЛЕНАНД, 2005.
- ⁴ **Гранберг А.Г.** Изучение производительных сил России // Вестник РАН. 1999. Т. 66. № 7. С. 579-584; **Гранберг А.Г.** Предмет исследования – производительные силы России: к 90-летию Совета по изучению производительных сил // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 6. С. 560-564; **Адамеску А.А.** Старейший научный центр России: 90-летний юбилей КЕПС – СОПС // http://www.rau.su/observer/N3_2005/3_13.NTM; **Пыстина Л.И.** Совет по изучению производительных сил (СОПС) // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2009. С.125-126; и др.
- ⁵ Академия наук СССР. Госплан СССР. Совет по изучению производительных сил. Библиография опубликованных работ Комиссии по изучению естественных производительных сил и Совета по изучению производительных сил (1915-1967). Т. I, II, III / Отв. ред. В.А. Адамчук. М., 1969, 1970, 1971.
- ⁶ **Планирование** размещения производительных сил СССР. Ч. I, II / Отв. ред. В.В. Кистанов. М.: Экономика, 1985, 1986; **Комплексные** региональные исследования производительных сил СССР (Научно-исторический очерк). Ч. I, II / Отв. ред. Л.А. Козлов. М.: СОПС, 1991; КЕПС – СОПС. Этапы становления и развития. 1915-1997 гг. М.: ЭКОС-информ, 1997.
- ⁷ **Адамеску А.А.** Указ. соч.
- ⁸ **Совет** по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. С. 7.
- ⁹ **Кольцов А.В.** Указ. соч. С. 51.
- ¹⁰ **Гранберг А.Г.** Изучение производительных сил России. С. 580.
- ¹¹ **Запорожченко А.А.** Организация геологических исследований в Сибири // Академия наук и Сибирь. 1917–1967 гг. / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1977. С. 73.
- ¹² **Кольцов А.В.** Указ. соч. С. 58-60.
- ¹³ Там же. С. 79-80.
- ¹⁴ **Комплексные** региональные исследования производительных сил СССР (Научно-исторический очерк). Ч. I. С. 31, 37.
- ¹⁵ **Кольцов А.В.** Указ. соч. С. 126.
- ¹⁶ Там же. С. 90, 123.
- ¹⁷ **Казанский Н.Н.** Поборник освоения восточных районов Сибири Николай Николаевич Колосовский // География и природные ресурсы. 2007. № 1. С. 158.

-
- ¹⁸ **Ермолаева Ю.Н.** Якутская комплексная экспедиция 1925-1930 гг.: Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 165 с.; **Водичев Е.Г., Куперштох Н.А., Ламин В.А.** Якутская экспедиция АН СССР и исследование производительных сил на северо-востоке России // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2005. № 2. С. 63-67.
- ¹⁹ **Комплексные** региональные исследования производительных сил СССР (Научно-исторический очерк). Ч. I. С. 67.
- ²⁰ Там же. С. 63-64.
- ²¹ **Гранберг А.Г.** Предмет исследования – производительные силы России: к 90-летию Совета по изучению производительных сил. С. 561.
- ²² **Комплексные** региональные исследования производительных сил СССР (Научно-исторический очерк). Ч. I. С. 76.
- ²³ **Тимошенко А.И.** Урало-Кузбасс // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 369-370.
- ²⁴ Планирование размещения производительных сил СССР. Ч. I. С. 45.
- ²⁵ **Кавцевич О.К., Познанский В.С.** 67 лет назад. Выездная сессия Академии наук СССР в Новосибирске 12-17 июня 1932 г. // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 10. С. 873, 876, 878.
- ²⁶ **Запорожченко А.А.** Указ. соч. С. 78-79.
- ²⁷ **Николаев А.В.** К истории исследования прииртышских и кулундинских соляных озер // Академия наук и Сибирь. С. 91.
- ²⁸ **Пыстина Л.И.** Указ. соч. С. 125.
- ²⁹ Ваш Яншин / Отв. ред. А.Э. Конторович. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2005. С. 58-60.
- ³⁰ **Долголюк А.А.** Ангаро-Енисейская программа // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 110-111.
- ³¹ **Казанский Н.Н.** Указ. соч. С. 159.
- ³² **Запорожченко А.А.** Указ. соч. С. 81-82.
- ³³ Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. С. 55.
- ³⁴ Академик Павел Иванович Мельников / Отв. ред. Р.В. Чжан, В.В. Шепелев. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2008. С. 11.
- ³⁵ **Красильников С.А.** Академия наук и Сибирь: динамика организации научных исследований в 30-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1999. № 2. С. 8.
- ³⁶ Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. С. 20-21.
- ³⁷ **Казанский Н.Н.** Указ. соч. С. 159-160.
- ³⁸ Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. С. 21-22.
- ³⁹ Там же. С. 22-23.

- ⁴⁰ **Левшин Б.В.** Работа Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны // Академия наук и Сибирь. С. 155.
- ⁴¹ **Осташко Т.Н.** Наука и ученые в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002. С. 90-91.
- ⁴² **Бутаков** Иннокентий Николаевич // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Т. 2. 1917–1945. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. С. 75-77.
- ⁴³ **Научный** архив Сибирского отделения РАН (**НАСО**). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
- ⁴⁴ Юрий Вячеславович Грдина: биобиблиографический указатель / сост. Л.Н. Бельтюкова. Новокузнецк, 1997. 59 с.
- ⁴⁵ **Архив РАН**. Ф. 188. Оп. 3. Д. 147. Л. 61, 62, 62 об.
- ⁴⁶ **Коровин** Михаил Калинович // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Т. 2. С. 198-202.
- ⁴⁷ В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики / Отв. ред. И.С. Грамберг, А.Э. Конторович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001. 202 с.
- ⁴⁸ **Трубцежкой К.Н.** Выдающийся ученый и педагог: К 125-летию со дня рождения академика А.А. Скочинского // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 7. С. 627-631.
- ⁴⁹ Комплексные региональные исследования производительных сил СССР (Научно-исторический очерк). Ч. 1. С. 126.
- ⁵⁰ **Курленя М.В., Зворыгин Л.В.** Николай Андреевич Чинакал. 1888-1979. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 397 с.
- ⁵¹ **Курленя М., Клишин В., Зворыгин Л.** Инженер, горняк, педагог, ученый: К 100-летию со дня рождения Тимофея Федоровича Горбачева // Наука в Сибири. 2000. № 24.
- ⁵² **НАСО**. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-8, 10.
- ⁵³ Виктор Владимирович Ревердатто – организатор ботанической науки в Сибири / А.В. Куминова, А.В. Положий, В.Г. Минаева и др. Новосибирск: Наука, 1992. 96 с.
- ⁵⁴ **НАСО**. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 20, 24.
- ⁵⁵ Там же. Д. 2. Л. 5, 5 об.
- ⁵⁶ **Осташко Т.Н.** Из истории организации Западно-Сибирского филиала АН СССР // Философия науки. 2000. № 1 (7). С. 46-51; **Ламин В.А., Куперштох Н.А.** История первого академического центра Западной Сибири (1944–1957 гг.) // Философия науки. Новосибирск, 2004. № 2 (21). С. 69-84.

Основные этапы деятельности КЕПС и СОПС

1915–1917 гг. – создание КЕПС и организация исследований, в значительной степени обусловленных Первой мировой войной;

1918–1930 гг. – участие в разработке плана ГОЭЛРО, первого пятилетнего плана с расширением исследований прикладного народнохозяйственного характера;

1930–1941 гг. – образование СОПС на базе КЕПС, исследования которого были направлены на изучение природно-ресурсного потенциала страны для коренного преобразования ее хозяйства, что нашло отражение в планах довоенных пятилеток;

1941–1960 гг. – организация работ, направленных на мобилизацию ресурсов восточных районов в условиях Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления и развития экономики;

1960–1991 гг. – переход СОПС в систему Госплана СССР, с приданием ему функций головной организации в территориально-экономических исследованиях и разработке Генеральных схем развития и размещения производительных сил;

1992–1997 гг. – преобразование СОПС в Совет по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству – СОПСиЭС Министерства экономики РФ и Госкомитета РФ по экономическому сотрудничеству с государствами – членами СНГ с сохранением ведущей роли в разработке региональных программ социально-экономического развития;

1997 г. – реорганизация в Совет по изучению производительных сил – СОПС в результате слияния СОПСиЭС и Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов (КЕПС РАН), воссозданной при Президиуме АН СССР в 1967 г.;

2001 г. – переход СОПС из Отделения экономики РАН в непосредственное подчинение Президиуму РАН в силу усиления междисциплинарного характера исследований;

2006 г. – определение современной ведомственной принадлежности СОПС: государственное научно-исследовательское учреждение «Совет по изучению производительных сил» находится в ведении Министерства экономического развития и торговли РФ (МЭРТ) и Российской академии наук (РАН).

Руководители КЕПС – СОПС

- В.И. Вернадский, председатель КЕПС в 1915–1930 гг.;
- И.М. Губкин, председатель СОПС в 1930–1936 гг.;
- В.Л. Комаров, председатель СОПС в 1937–1945 гг.;
- Л.Д. Шевяков, председатель СОПС в 1946–1949 гг.;
- В.С. Немчинов, председатель СОПС в 1949–1964 гг.;
- Н.Н. Некрасов, председатель СОПС в 1966–1979 гг.,
председатель КЕПС в 1980–1984 гг.;
- Н.В. Мельников, председатель КЕПС в 1967–1977 гг.;
- А.В. Сидоренко, председатель КЕПС в 1977–1982 гг.;
- Л.А. Мелентьев, председатель КЕПС в 1984 г.;
- А.Г. Аганбегян, председатель КЕПС в 1985–1990 гг.;
- В.П. Можин, председатель СОПС в 1981–1985 гг.,
председатель КЕПС в 1991–1996 гг.;
- Л.А. Козлов, председатель СОПС в 1986–1992 гг.;
- А.А. Арбатов, председатель КЕПС в 1996–1997 гг.;
- А.Г. Гранберг, председатель СОПС с 1992 г.

Деятельность государственных органов власти и организаций по мобилизации трудоспособного населения на предприятия сибирского тыла в начальный период Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 – 1942 г.).

В годы Великой Отечественной войны важным направлением деятельности государственных органов власти и организаций являлись мероприятия по интенсивному вовлечению трудовых ресурсов в ведущие отрасли народного хозяйства Сибирского региона. Социально-экономическая значимость данной политики заключалась в целенаправленном комплектовании производственного персонала в ключевых сферах военной экономики восточных районов СССР. Особую актуальность проблема формирования ее кадров за счет скоординированных действий различных институтов советского государства приобрела во второй половине 1941 – 1942 гг. В это время возникшие в годы довоенных пятилеток формы централизованного комплектования трудовых коллективов предприятий (оргнабор, общественный призыв) утратили значение в связи с резко возросшим дефицитом рабочей силы. Ее острая нехватка была вызвана наиболее масштабными армейскими призывами, введением в строй десятков новых и расширением действовавших предприятий на базе эвакуированного оборудования, развертыванием массового и бесперебойного выпуска оборонной продукции. В условиях войны представители партийно-государственной номенклатуры видели решение кадровой проблемы, прежде всего, в интенсивной трудовой мобилизации населения непосредственно в промышленность, строительство и транспорт, ставших основой военно-экономического потенциала тыловых регионов страны. В данной статье понятие «трудовая мобилизация» определяется как процесс внеэкономического привлечения жителей городов и сел к труду в отраслях индустриального производства, осуществлявшийся государственными органами власти и организациями. В связи с этим цель исследования заключается в том, чтобы выявить факторы, объекты, характер, методы и результаты деятельности высших властных инстанций, региональных и местных партийных организаций и исполкомов сове-

тов по проведению мобилизационных компаний в сибирском тылу в первые военные годы, когда ситуация с обеспечением народного хозяйства кадрами являлась наиболее критической.

Начавшаяся война кардинальным образом изменила условия деятельности различных институтов советского государства по поиску, распределению и набору рабочей силы для индустриальной экономики Сибири. Во втором полугодии 1941 г. в СССР были проведены несколько всеобщих и частичных мобилизаций военнообязанных в Красную Армию. В целом по стране они привели к оттоку в вооруженные силы 11,8 млн. чел., в том числе из Западной Сибири – более 1 млн. Всего из региона в армию ушли 67 % всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет¹. Несмотря на предоставление брони высококвалифицированным работникам, значительную часть этих пополнений РККА составляли рабочие и специалисты промышленного производства. С 22 июня по 10 октября 1941 г. в результате воинских призывов численность трудящихся на предприятиях Красноярска сократилась в среднем на 30,0 %². Интенсивное выкачивание из тыловых районов страны людских ресурсов для действовавшей армии являлось одним из факторов обострения нехватки рабочей силы, которая уже в начале войны охватила все сферы народного хозяйства.

Другой причиной существенного роста спроса на рабочие руки в промышленности, строительстве и транспорте стала эвакуация многих крупных производственных объектов из прифронтовой полосы в глубокий тыл. С июля по ноябрь 1941 г. восточные районы СССР приняли мощности 1523 предприятий, в том числе Сибирский регион – 322³. Вместе с оборудованием, в различные районы края прибыло от 14 до 39 % рабочих, ИТР и служащих эвакуированных заводов⁴. Размещение в Сибири сотен новых предприятий, не обеспеченных производственным персоналом, вело к значительному усилению дефицита индустриальных кадров. В июле 1941 г. в промышленности Новосибирской области не хватало 222,1 тыс. работников, в январе 1942 г. – 284,0 тыс.⁵. В начале 1942 г. предприятиям Омской области требовалось дополнительно 72 тыс. рабочих⁶. Наряду с уходом мужчин на фронт, возрастание потребностей сибирской индустрии в рабочей силе обуславливалось быстрым формированием в ее структуре многоотраслевого оборонно-промышленного комплекса.

В связи с резким обострением кадровой проблемы, в первые дни войны правительственные, партийные органы и советы приступили к созданию институтов и механизмов государственной политики по мобилизации широких масс неработающего населения на производство. 30 июня 1941 г. при Совете народных комиссаров СССР (СНК СССР) был учрежден Комитет по распределению рабочей силы (далее – Комитет). В неоккупированных районах страны, включая Сибирь, при исполкомах областных и краевых советов создавались его местные отделения (бюро), осуществлявшие плановое перераспределение трудовых ресурсов в пользу ведущих отраслей военной экономики. На основе мобилизационных планов, составленных с учетом данных о запасах рабочей силы и заявок предприятий, Государственный Комитет Оборона (ГКО), СНК СССР и его отдельные наркоматы, обкомы, крайкомы и горкомы ВКП(б), обл-, край- и горисполкомы принимали решения о проведении призывов горожан и колхозников на заводы и фабрики. Во втором полугодии 1941 г., непосредственно по разнарядкам Комитета, СНК СССР и местные органы власти мобилизовали в важнейшие сферы народного хозяйства страны около 121 тыс. чел. В составе строительных батальонов и рабочих колонн Наркомата обороны на производство было направлено 728 тыс. чел. Одновременно посредством широкой пропаганды партийные и комсомольские организации привлекли на предприятия 500 тыс. домохозяйек и 360 тыс. учащихся 8–10 классов⁷.

Неоднозначность характера и методов мобилизации рабочей силы в промышленность, строительство и транспорт в начале войны была вызвана тем, что часть трудового потенциала городских поселений СССР оставалась незадействованной в народном хозяйстве. В целом по стране численность незанятых горожан составляла примерно 7 млн. чел. (12,4 % жителей городов), в частности в Западной Сибири – свыше 800 тыс. (примерно 1/3)⁸. Их основную массу составляли домохозяйки, учащиеся старших классов школ, студенты техникумов и вузов. Наличие существенного резерва потенциальных работников, всплеск массового патриотизма летом 1941 г. позволяли партийным и комсомольским организациям, исполкомам советов широко использовать механизмы идейно-политической мобилизации для привлечения неработающего городского населения к трудовой деятельности. Например, патриотическая инициатива отдельных женщин, молодых людей, пенсионеров, заменявших у стан-

ка рабочих, ушедших на фронт, получала официальное оформление в виде лозунгов, обращений коммунистов и комсомольцев, призванных всколыхнуть широкие народные массы. В первые месяцы войны такая пропаганда оказывала значительное мобилизующее воздействие на незанятое население Западной Сибири. В это время в Омске на предприятия пришли 8,5 тыс. женщин, в Новосибирске – 13 тыс., Иркутске – 5 тыс.⁹. Их поступление на производство в основном обуславливалось личной мотивацией, усиленной партийной и комсомольской пропагандой.

Во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. партийные комитеты Восточной Сибири при организации набора новых рабочих на предприятия также часто применяли методы идейно-политической мобилизации. В первые дни войны Красноярский горком ВКП(б) поручил всем низовым партийным, комсомольским, профсоюзным и хозяйственным организациям *«развернуть широкую массово-разъяснительную работу»* (курсив мой – Р.Р.) среди населения за необходимость участия в труде каждого трудоспособного гражданина»¹⁰. Включение женщин, молодежи, пенсионеров в военное производство осуществлялось через сеть специальных агитационных пунктов. В них проводились собрания для ознакомления жителей города и эвакуантов с условиями трудовой деятельности, производственными достижениями стахановцев и ударников. Следовательно, в ходе кампании по привлечению неработающего населения на предприятия преобладали информационно-агитационные способы стимулирования его экономической активности, исключавшие административное давление «компетентных органов» на потенциальных работников. Серьезным недостатком мобилизации данного типа являлось слабое вовлечение свободных людских ресурсов в сферы военной экономики. Всего с 22 июня 1941 по 15 февраля 1942 г. на предприятия и в учреждения Красноярска поступило 2,3 тыс. чел. В то же время по данным на начало 1942 г. в городе оставалось еще 14,5 тыс. человек, незанятых в народном хозяйстве¹¹.

Невысокая результативность мобилизации, основанной на пропаганде самоотверженного труда, способствовала расширению практики призыва населения на предприятия по линии государственных организаций. 10 сентября 1941 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) постановило *«обязать Новосибирский обком ВЛКСМ направлять»* (курсив мой – Р.Р.) на завод им. Чкалова к 1 октября 1941 г.

1000 человек учащихся 8, 9 и 10 классов, главным образом за счет проживающих в городе Новосибирске»¹². Данная мобилизационная компания отличалась жесткой регламентацией порядка и сроков ее проведения, количественных и качественных характеристик призываемого контингента со стороны обкома партии. Однако активное использование административных рычагов в ходе трудовой мобилизации не всегда гарантировало выполнения плановых показателей. Согласно решениям Новосибирского облисполкома от 27 и 29 сентября 1941 г. на строительство комбината № 179 предполагалось направить 3120 чел. В действительности строительные тресты, обслуживавшие предприятие, получили лишь 2487 чел.¹³

В первые месяцы войны большое влияние на количественный и качественный состав рабочей силы, мобилизованной на производство региональными, местными органами власти и организациями Сибири, оказала первая волна массовой эвакуации населения в глубокий тыл. К началу 1942 г. из прифронтовой полосы в города и села края прибыло 682,8 тыс. чел.¹⁴. Более половины эвакуантов было размещено в Новосибирской области, включавшей Кузбасс и территорию Томской области. Всего регион принял 380,4 тыс. переселенцев¹⁵. В Омской области осело более 200 тыс. эвакуированных, в Алтайском крае – около 100 тыс.¹⁶. В этих условиях трудоспособные мигранты из европейской части страны стали основным объектом деятельности партийных и комсомольских организаций, исполкомов советов Западной Сибири по формированию кадров в ведущих отраслях военной экономики края. Во втором полугодии 1941 г., согласно данным бюро по распределению рабочей силы Новосибирской области в промышленность, строительство и транспорт было направлено 127,7 тыс. чел., в том числе эвакуированных – 114,6 тыс., местных жителей региона – 8,6, прочих – 4,7 тыс. Удельный вес эвакуантов в составе новых рабочих достигал 90 %¹⁷. Большую часть данного контингента работников составляли женщины, подростки и пенсионеры, сыгравшие важнейшую роль в размещении эвакуированных и расширении местных предприятий, в пополнении значительно сократившихся заводских коллективов. В Алтайском и Красноярском краях, Омской и Иркутской областях вовлечение эвакуированного населения в народное хозяйство также имело важное значение для восстановления его кадрового потенциала. Во втором полугодии 1941 г. заводы Иркутской области из числа эвакуирован-

ных получили 12,1 тыс. чел.¹⁸. По абсолютной численности эвакуантов, поступивших на производство, регионы Восточной Сибири существенно уступали западносибирскому региону, в частности Новосибирской области.

Трудовая мобилизация эвакуантов носила специфический характер, влиявший на особенности их вовлечения в производство. Распределение трудоспособных мигрантов из западных областей страны по заводам и фабрикам сибирского тыла осуществлялось на эвакупунктах, действовавших на железнодорожных станциях крупных городов. Нередко на предприятия поступали по нескольку вагонов, а иногда и целые эшелоны с эвакуированным населением. Например, в сентябре 1941 г. на комбинат № 179 был направлен эшелон с 1,5 тыс. подростков, прибывшими из Калининской и Брянской областей¹⁹. Одновременно города Сибири принимали рабочих, специалистов эвакуированных заводов и членов их семей, которые начинали или продолжали трудиться на этих производственных объектах. По сведениям на 15 декабря 1941 г. в Томск вместе с заводом № 355 прибыли 3621 чел., в том числе 1172 рабочих и 156 учеников ремесленного училища (РУ) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО)²⁰. При этом вынужденные переселенцы (как и все рабочие и служащие страны), участвовавшие в восстановлении и пуске предприятия, оказались на положении мобилизованных на время войны тружеников тыла. В тоже время основная масса эвакуантов и беженцев, не имевшая средств к существованию, была заинтересована в трудоустройстве, которое могло гарантировать получение места в заводском общежитии, нормированное продовольственное обеспечение. В данном случае интересы государственных органов власти и организаций, стремившихся обеспечить заводы, тресты, депо и прочие предприятия рабочей силой, совпадали с мотивацией эвакуированного населения к выживанию в условиях военного лихолетья.

Отдельные категории эвакуантов поступали на предприятия Сибири по решению правительственных органов. 16 августа 1941 г. начальник облтрудрезервов Бродшпиц сообщил в Новосибирский обком ВКП(б), что *«по указанию Главтрудрезерва и Наркомата боеприпасов (курсив мой – Р.Р.) на комбинат № 179 направляется 2500 учащихся Орловской области»*²¹. Данный пример свидетельствует об административно-мобилизационном характере эвакуации и трудо-

устройства в сибирском тылу учащихся РУ и школ ФЗО западных областей РСФСР.

В начале 1942 г. трудовая мобилизация превратилась в основной механизм политики государства по формированию рабочих кадров в масштабах всей страны. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г. (далее – указ ПВС СССР) призыву на промышленные предприятия и стройки подлежали неработающие мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. От привлечения на производство освобождались юноши и девушки от 16 до 18 лет, призывавшиеся в учебные заведения гострудрезервов, а также женщины с детьми до 8 лет. Остальные трудоспособные жители городов, в случае уклонения от призыва, подвергались по приговору суда принудительным работам по месту жительства на срок до 1 года²².

Данный законодательный акт юридически закрепил на государственном уровне административно-распределительный принцип трудовой мобилизации, получивший распространение в неоккупированных районах СССР еще во второй половине 1941 г. В правовом отношении мобилизационный набор на предприятия распространялся лишь на горожан. Тем не менее, в военных условиях, вопреки введенному законодательству, государственные органы власти и организации осуществляли призывы населения на производство, как в городах, так и в сельской местности. В ходе этих компаний постоянно нарушались установленные законом возрастные ограничения. Фактически нижняя граница трудоспособного возраста была снижена с 16 до 13 лет. В связи с этим на предприятия и учебные заведения гострудрезервов поступали также подростки.

Несмотря на несоответствие практики призывов отдельным нормам указа ПВС СССР, его принятие имело большое значение в плане завершения создания общегосударственной системы институтов и механизмов трудовой мобилизации. Комитет по распределению рабочей силы был реорганизован в Комитет по распределению и учету рабочей силы. Его сотрудники занимались анализом совокупного трудового и кадрового потенциала всех неоккупированных районов страны, определением плановой и реальной численности рабочих и служащих военной экономики, составлением разнарядок по призы-

ву горожан и сельчан на предприятия в тыловых районах страны. Окончательная численность рабочей силы, а также порядок и сроки ее мобилизации определялись постановлениями правительства. Всего за 1942 г. по решениям СНК СССР и местных органов власти в промышленность, строительство и транспорт было направлено 733,9 тыс. чел., в том числе 565,9 тыс. горожан и 168 тыс. сельчан²³.

В регионах, наряду с правительственными постановлениями, проведение мобилизационных компаний санкционировалось директивами областных, краевых, городских партийных комитетов и исполкомов советов. Непосредственное осуществление трудовых мобилизаций возлагалось на призывные комиссии или уполномоченных облисполкомов, райкомы партии и комсомола, исполкомы районных советов. В ходе призыва потенциальным работникам рассылались повестки с требованием явиться на пункты сбора мобилизованных. Трудоспособные жители городов и сел, пришедшие на эти пункты, направлялись к месту постоянной работы. Реализация мобилизационных планов контролировалась обкомами ВКП(б) и органами НКВД, которые следили за их исполнением как со стороны нижестоящих властных инстанций и должностных лиц, так и неработающим населением.

В районах сибирского тыла организация первой трудовой мобилизации в соответствии с общесоюзным законодательством началась в конце февраля 1942 г. Руководствуясь указом ПВС СССР, областные партийные комитеты и советы, в первую очередь, стремились задействовать в военной экономике края трудовой потенциал крупных городов. 25 февраля 1942 г. на основании решения Новосибирского обкома ВКП(б) бюро горкома партии и горисполком приняли постановление о проведении призыва городского трудоспособного населения на предприятия. По данным областного бюро по распределению и учету рабочей силы на 1 января 1942 г. в семи районах Новосибирска насчитывалось около 14 тыс. потенциальных работников. До конца первого квартала этого года в промышленность и строительство предполагалось направить 8600 чел., в том числе на оборонные заводы – 7250 чел.²⁴. Всего на заводы и стройки Новосибирска в порядке мобилизации должны были поступить 62 % трудоспособных горожан, незанятых в народном хозяйстве, в том числе на военное производство – 51,6 %.

Одновременно решения о призыве населения на оборонные предприятия Новосибирской области принимались правительственными органами. 14 марта 1942 г. облисполком получил телеграмму председателя Комитета по распределению и учету рабочей силы Н.М. Шверника о решении СНК СССР организовать первоочередной набор горожан на военные заводы Новосибирска и Бердска. На ее основе в облисполкоме подготовили план по мобилизации 5500 чел. на производственные объекты оборонного значения в срок до 13 апреля 1942 г.²⁵. Данный факт свидетельствуют о том, что централизованное распределение трудовых ресурсов городов сибирского тыла в пользу отраслей оборонно-промышленного комплекса являлось основным приоритетом кадровой политики высших органов власти.

Весной 1942 г. выполнение заданий правительства и обкомов ВКП(б) по мобилизационному набору рабочей силы на производство в крупных индустриальных центрах Сибири осуществлялось в условиях существенного сокращения численности неработающего населения и введения в строй многих эвакуированных заводов. В связи с этим, местные партийные органы и советы стремились охватить всю населенную территорию края, включая в разрядки жителей сельской местности. В ходе первых призывов 1942 г. промышленность Алтайского края и Новосибирской области получила 53 тыс. чел., Красноярского края и Иркутской области – 28 тыс.²⁶. Наиболее крупные контингенты мобилизованного населения направлялись на военные заводы. С 1 января по 5 мая 1942 г. в ходе трех компаний по набору новых рабочих из городов и районов Новосибирской области на комбинат № 179 поступили 9920 чел., в том числе по решению СНК СССР – 978 чел.²⁷. В среднем планы по призыву трудоспособных горожан и сельчан на комбинат были выполнены на 82,6 %. Следовательно, административно-распределительная мобилизация не всегда способствовала полнокровному кадровому обеспечению крупнейших оборонных предприятий Сибири.

Невыполнение планов призыва неработающего населения на военно-промышленное производство обуславливалось тем, что государственные органы власти и организации часто не могли установить полный контроль над сферой его трудоустройства. В феврале 1942 г. в Кагановичском, Сталинском и Кировском районах Красноярска было учтено 7266 трудоспособных горожан. В соответствии с планом трудовой мобилизации из этих трех районов предполагалось

лось привлечь в промышленность и транспорт 5725 чел. К 23 июня 1942 г. райсоветы направили на производство 1370 чел., из которых к работе приступили 967 чел. В целом предприятия Красноярска получили лишь около 17 % планового контингента рабочей силы. В тоже время из числа потенциальных работников от призыва были освобождены 1940 чел., самостоятельно устроились на заводы и в учреждения – 3430, покинули место жительства – 529, не явились на заводы после получения направления от призывных комиссий – 403 чел.²⁸. Следовательно, причинами срыва мобилизационной кампании являлись отсев значительной части призванных (по состоянию здоровья, из-за наличия детей до 8 лет и т.п.), их самовольное трудоустройство, переезд в другой городской или пригородный сельский район, дезертирство.

Несмотря на массовый приток населения в отрасли народного хозяйства, в первый год войны абсолютная численность производственного персонала предприятий сибирского тыла росла медленно. По данным В.А. Исупова, с октября 1941 по апрель 1942 г. число рабочих и служащих Западной Сибири выросло на 69 тыс. чел.²⁹. В этих условиях кадровая проблема в индустриальной экономике продолжала обостряться из-за дальнейшего сокращения трудового потенциала региона и нестабильного состава заводских коллективов. На 1 июня 1942 г. промышленности Новосибирской области не хватало 304 тыс. чел., на 1 августа 1942 г. – 336 тыс.³⁰. В Кемерово на 12 заводах дополнительно требовалось 6,3 тыс. чел, в Томске на 21 заводе – 8,9 тыс.³¹.

В первом полугодии 1942 г., наряду с продолжавшимися воинскими мобилизациями, одной из специфических причин увеличения дефицита кадров на предприятиях Сибири, стала первая частичная реэвакуация населения в центральные районы страны. Данный процесс оказал большое влияние на сокращение трудового потенциала западносибирского региона, в котором в начале войны основную роль в формировании производственного персонала играли эвакуированные. Зимой 1941 – 1942 гг. из 380 тыс. вынужденных переселенцев, сосредоточенных в Новосибирской области, в обратном направлении выбыло около 126 тыс.³². Из числа мигрантов уезжали те, кто не работал или не успел получить производственную квалификацию. После завершения реэвакуации (весна 1942 г.) в городских и сельских поселениях края осталось примерно 250 тыс. эвакуантов и

беженцев. К этому времени многие беженцы из европейской части страны трудились в индустриальной и аграрной экономике края. Данные тенденции в той или иной мере были характерны и для других регионов Сибири, в которых находились различные по численности контингенты эвакуированного населения.

В связи с уменьшением числа эвакуантов одним из основных объектов деятельности партийных и комсомольских организаций, исполкомов советов Сибири по централизованному набору рабочей силы на предприятия стали местные жители края. В первом полугодии 1942 г. в ведущие отрасли народного хозяйства Новосибирской области в порядке призыва поступили 148,0 тыс. чел. Среди мобилизованных доля выходцев из региона составляла 39,3 %, эвакуантов, включая прибывших в 1942 г. – 32,0, прочих – 28,7 %³³. В составе новых рабочих, набранных из числа местного и эвакуированного населения края, преобладали жители крупных городских поселений. За первый год войны в новых пополнениях рабочего класса выросла также прослойка уроженцев городов районного подчинения и сел Новосибирской области (с 3,1 до 10,5 %). В целом в сферу производства за первое полугодие 1942 г. было мобилизовано на 20 тыс. чел. больше, чем во втором полугодии 1941 г. Однако эффект от возросшего притока трудовых ресурсов существенно ослаблялся высокой текучестью кадров. За первые два квартала 1942 г. в промышленность Новосибирской области поступило 113,1 тыс. чел., выбыло – 84,0 тыс.³⁴. Доля работников, ушедших с предприятий, по отношению к числу всех лиц, привлеченных к производственной деятельности, достигла 74,3 %. Интенсивный отток рабочих и служащих с заводов и фабрик обуславливался чрезмерными армейскими мобилизациями, частичной реэвакуацией населения, невыносимо тяжелыми условиями труда, огромными материально-бытовыми лишениями.

Хаотичное движение рабочей силы, порождавшее постоянный и острейший дефицит кадров в народном хозяйстве, обусловило повышение внимания партийных органов отдельных регионов Сибири к осуществлению комплексного анализа местного демографического потенциала. Согласно постановлению Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома от 18 июля 1942 г., бюро по распределению и учету рабочей силы провело детальное статистическое обследование внутриобластных людских и трудовых ресурсов для оценки как использованных, так и неиспользованных резервов потенциальных работ-

ников. По его сведениям, с июля 1941 по июнь 1942 г. в промышленность, строительство и транспорт региона в порядке мобилизации поступило 275,7 тыс. чел., в том числе эвакуированных – 161,9 тыс. Одновременно по данным на 1 июля 1942 г. в 11 крупных городах области насчитывалось еще 116 тыс. незанятых трудоспособных горожан (в основном, домохозяйек), а также 43,3 тыс. подростков, которые не работали и не учились³⁵. Наличие больших запасов рабочей силы в промышленных центрах Новосибирской области обуславливалось тем, что в первый год войны из-за широкого притока эвакуированных в отрасли индустриального производства значительная часть местного неработающего населения оставалась не охваченной трудовыми мобилизациями.

Во втором полугодии 1942 г. существенное влияние на численность незанятых горожан Сибирского региона оказала вторая волна эвакуации населения, прибывавшего из северо-западных и юго-западных районов СССР. К началу 1943 г. в Сибири общая численность эвакуантов и беженцев достигла 1020,3 тыс. чел., в том числе трудоспособных – 456 тыс. В Новосибирской области находилось 504,3 тыс. переселенцев, в Красноярском крае и Иркутской области – 50,1 тыс.³⁶. Многие из мигрантов, осевших в районах Сибири, прибыли в край в 1942 г. В это время только Новосибирская область приняла 338,7 тыс. чел., Омская область – 20,2, Алтайский край – 25,9 тыс.³⁷. В данных условиях областные партийные комитеты и исполкомы советов края, как и в 1941 г., стремились направить эвакуированное население в важнейшие отрасли военной экономики. Во второй половине 1942 г. эвакуанты, очевидно, составляли более половины горожан, мобилизованных на предприятия Западной Сибири. Интенсивное вовлечение мигрантов из европейской части страны в сферу военно-промышленного производства привело к быстрому истощению данного резерва рабочей силы. На 1 марта 1943 г. в Новосибирске насчитывалось 87286 трудоспособных беженцев, в том числе занятых на производстве – 87219, в Томске – 32526 и 30210 чел. соответственно³⁸. В отличие от западносибирского региона, в Восточной Сибири малочисленное эвакуированное население не играло значительной роли в формировании кадрового потенциала народного хозяйства.

Во второй половине 1942 – начале 1943 г. включение эвакуированных в производственные коллективы предприятий сибирского

тыла происходило в условиях доминирования административно-распределительной мобилизации трудового потенциала в масштабах всей страны. Например, директор завода № 208 И.Н. Гуданис в письме, адресованном первому секретарю Новосибирского обкома М.В. Кулагину и председателю облисполкома И.Т. Гришину, сообщал: «*Решением Государственного Комитета Оборона от 8/VIII 1942 г. мне для работы на завод направляется* (курсив мой – Р.Р.) из города Ленинграда 915 человек и из Сталинградской области 500 человек, не считая их иждивенцев»³⁹. В данном случае рабочие и специалисты должны были прибыть в сибирский тыл не со своими предприятиями, а поступить в распоряжение других заводов, эвакуированных на восток еще в 1941 г. Наряду с использованием мобилизационных форм комплектования кадров, многие заводы принимали эвакуантов на работу по вольному найму. «В 1942 г. в ноябре месяце нас эвакуировали с Новой Ладogi Ленинградской области... Ехали мы до Новосибирска целый месяц. А когда прибыли то, *по эшелону ходили начальники отделов кадров и набирали рабочих на заводы. Вот мы и согласились всем вагоном поехать на Заводскую на 386-й завод* (курсив мой – Р.Р.)»⁴⁰ – вспоминала ветеран завода «Искра» А.М. Романова. Следовательно, привлечение вынужденных мигрантов к трудовой деятельности не всегда было связано с кампаниями по призыву населения на производство.

Наряду с эвакуированными, во второй половине 1942 г. высшие институты государственной власти, местные партийные организации и советы активно использовали в отраслях военной экономики Сибири внутрирегиональные трудовые ресурсы. Опираясь на оставшиеся в промышленных центрах резервы рабочей силы, особенно в западносибирском регионе, обкомы и горкомы ВКП(б), исполкомы советов, продолжали призывать на предприятия неработающее население крупных городов. Одновременно в центре внимания областных и местных органов власти оказались жители городов районного подчинения и сельской местности. Например, с июля по сентябрь 1942 г. из районов Новосибирской области на завод № 564 было мобилизовано около 1 тыс. чел. В ноябре 1942 г. предприятия и стройки Омской области, главным образом, из села получили 4,6 тыс. чел.⁴¹. По мере сокращения притока эвакуантов и количества местных неработающих горожан в процессе комплектования производственных коллективов предприятий сибирского тыла возросла роль жителей

сельских районов. Однако в целом в 1942 г. основным объектом деятельности региональных органов власти и организаций края по мобилизации трудового потенциала оставалось городское население, периодически пополнявшееся мигрантами из других районов страны. В Новосибирской области доля горожан среди мобилизованных составляла 91,4 %, в Красноярском крае – 92,9 %⁴². Основной характеристикой мобилизационных кампаний, как в городе, так и в деревне, являлось преобладание административных методов набора рабочей силы на предприятия.

Негативное влияние на организацию и проведение призыва горожан и сельчан оказывала сохранявшаяся проблема их неконтролируемого притока на производство, порой приводившая к функциональному сбою механизма трудовой мобилизации. Во втором полугодии 1942 г. на три военных заводаг. Красноярска поступили 5258 чел., в том числе по призыву – 415, по вольному найму – 4843 чел.⁴³. Преобладание стихийного набора новых работников вело к нерациональному распределению трудовых ресурсов между крупными оборонными предприятиями. В 1942 г. завод № 4 был обеспечен рабочей силой на 101,3 %, № 327 – 100,1, № 477 – 99,4, № 580 – 88,0, № 703 – 54,3 %. Среднегодовая численность рабочих по этим предприятиям составляла 88,6 % от плановой⁴⁴. При этом нехватка кадров в оборонном производстве сочеталась с переизбытком людских ресурсов, задействованных в городском хозяйстве. Всего за 1942 г. на предприятия Красноярска вместо 7115 чел. (согласно решениям ГКО и СНК СССР) прибыли 12704 чел., в том числе по призыву – 1750, по вольному найму – 10954 чел.⁴⁵. Следовательно, в отдельных случаях трудовая мобилизация не выполняла функцию по централизованному вовлечению широких масс неработающего населения в ведущие отрасли экономики из-за его хаотичного притока на заводы и в учреждения.

Несмотря на существенные недостатки, сформировавшаяся в первые полтора года войны система призыва потенциальных работников на предприятия сыграла важную роль в формировании производственных кадров народного хозяйства сибирского тыла. В условиях значительного сокращения местного трудового потенциала мобилизация являлась одним из основных факторов роста общей численности рабочих и служащих Сибири. В абсолютном отношении число трудящихся в регионе выросло с 2,5 млн. чел. в 1940 г. до 2,9 млн.

человек в 1943 г.⁴⁶. Основную массу новых пополнений сибирского рабочего класса составляли женщины, подростки и молодые люди, пенсионеры, включившиеся в производство во второй половине 1941 – 1942 г. Однако массовый приток неработающего населения в базовые отрасли экономики в начальный период войны не способствовал решению кадровой проблемы в оборонно-промышленном комплексе Сибири. Во втором полугодии 1941 г. численность производственного персонала оборонных заводов Новосибирска составляла 87,6 % от плановой, в 1942 г. – 95,9 %⁴⁷. В целом к концу первого крупного этапа войны появилась лишь тенденция к сокращению дефицита рабочей силы в ключевых сферах военной экономики сибирского тыла.

В начальный период Великой Отечественной войны трудовая мобилизация населения непосредственно на производство являлась одним из ведущих направлений деятельности государственных органов власти и организаций по формированию индустриальных кадров в неоккупированных районах СССР. Первый этап мобилизационной политики (с 30 июня 1941 по 12 февраля 1942 г.) характеризовался созданием центрального и региональных органов по учету и распределению рабочей силы, проведением первых крупных кампаний по привлечению неработающих жителей городов и сел к труду в условиях отсутствия его законодательного регулирования. Интенсивное проведение трудовых мобилизаций обуславливалось, прежде всего, всеобщим и постоянным дефицитом рабочей силы, вызванным уходом в РККА основной массы мужчин молодого и зрелого возраста. В Сибири зарождение данной практики комплектования производственного персонала было связано также и с широкомасштабной эвакуацией крупных предприятий на восток СССР. Важную роль в ее распространении сыграло наличие в восточных регионах страны, особенно в Западной Сибири, больших резервов незанятого населения и их интенсивное пополнение за счет внешних миграционных вливаний во второй половине 1941 г. В это время в районах сибирского тыла, особенно в Новосибирской области, объектом мобилизационных кампаний, осуществлявшихся партийными органами и советами, преимущественно являлись эвакуированные. В зависимости от конкретных условий трудовые мобилизации приобретали как идейно-политический, так административно-распределительный характер. В первом случае включение потенциальных работников в важнейшие сферы военной экономики происходило за счет партий-

ной и комсомольской пропаганды, во втором – директивных указаний высших органов власти и краевых, областных и городских комитетов ВКП(б). В первые месяцы войны основным результатом мобилизационной кадровой политики, проводившейся в индустриально развитых регионах Сибири, стало широкое использование мигрантов из западных районов страны в восстановлении производственного и кадрового потенциала эвакуированных предприятий.

На втором этапе деятельности государственных органов власти и организаций по трудовой мобилизации населения (с 13 февраля 1942 до начала 1943 г.) произошло ее законодательное оформление, способствовавшее усилению административно-распределительного характера данной формы комплектования индустриальных кадров. В районах сибирского тыла укрепление директивных начал мобилизационной политики осуществлялось в условиях продолжавшихся военных призывов, оттока эвакуированного населения в центральные районы страны, регулярного и хаотичного движения рабочей силы, которые негативно влияли на ее результаты и эффективность. В первом полугодии 1942 г., в связи со снижением динамики межрегиональных миграций, на предприятия преимущественно призывались местные жители Сибири (в основном горожане) и нетрудоустроенные ранее эвакуанты. Во втором полугодии 1942 г., в результате возросшего притока мигрантов, в пополнении рабочих кадров западносибирского тыла, особенно в Новосибирской области, вновь возросла роль эвакуированных. В тоже время одним из основных объектов мобилизационных кампаний, проводившихся в Сибирском регионе, оставались уроженцы городских поселений края. К концу первого периода войны наиболее важными результатами деятельности государственных органов и организаций по призыву населения на предприятия Сибири являлись увеличение общей численности рабочих и служащих, а также смягчение кадровой проблемы в оборонно-промышленном комплексе региона.

Таким образом, в начальный период Великой Отечественной войны трудовая мобилизация стала основным механизмом внеэкономического привлечения широких масс населения к производственной деятельности в стратегически важных отраслях народного хозяйства сибирского тыла. Его функционирование осуществлялось преимущественно с помощью мощного административного воздействия на потенциального работника, обусловленного как экстремальными

условиями военного времени, так и мобилизационным характером внутренней политики советского государства.

-
- ¹ **Исупов В.А.** Людские ресурсы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и использования // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2005. С. 85.
 - ² **Кузнецов И.И.** Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Иркутск, 1974. С. 112.
 - ³ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С.64.
 - ⁴ **Докучаев Г.А.** Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 315; **Шевченко В.Н.** Создание оборонной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Красноярск, 2005. С. 72.
 - ⁵ **ГАНО.** Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.
 - ⁶ **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008. С. 294.
 - ⁷ **Митрофанова А.В.** Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 186–188.
 - ⁸ **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы... С. 311; **Индустриализация в СССР. 1938–1941 г.** Документы и материалы. М., 1973. С. 249.
 - ⁹ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 82.
 - ¹⁰ **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. П-17. Оп. 1. Д. 646. Л. 7.
 - ¹¹ Там же. Д. 646. Л. 8; Д. 710. Л. 37–39.
 - ¹² **Оборонная промышленность** Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 140-141.
 - ¹³ Там же. С. 324.
 - ¹⁴ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 83.
 - ¹⁵ **Во имя Победы:** эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т.1. Томск, 2005. С. 35.
 - ¹⁶ **Снегирева Л.И.** Реэвакуация гражданского населения из Западно-Сибирского региона (конец 1941–1948 гг.) // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2009. С.133.
 - ¹⁷ **ГАНО.** Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 25.
 - ¹⁸ **Кузнецов И.И.** Восточная Сибирь... С. 111.

-
- ¹⁹ **Романов Р.Е.** Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 56.
- ²⁰ **Во имя Победы:** эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 171.
- ²¹ Там же. С. 62.
- ²² **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Сб. документов. Т.3. М., 1968. С.164.
- ²³ **Митрофанова А.В.** Рабочий класс СССР... С. 340.
- ²⁴ **Оборонная промышленность** Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 269–270.
- ²⁵ Там же. С. 293–295.
- ²⁶ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 84.
- ²⁷ **Оборонная промышленность** Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 324.
- ²⁸ **ГАКО.** Ф. П-17. Оп. 1. Д. 710. Л. 37–39.
- ²⁹ **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы... С. 294.
- ³⁰ **ГАНО.** Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.
- ³¹ **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы... С. 294–295.
- ³² **Во имя Победы:** эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 37.
- ³³ **ГАНО.** Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 25.
- ³⁴ Там же. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Л. 25, 42.
- ³⁶ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С.83;
Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 29.
- ³⁷ **Во имя Победы:** эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны С. 35; **Снегирева Л.И.** Реевакуация гражданского населения... С.133.
- ³⁸ Там же. С. 179.
- ³⁹ **Оборонная промышленность** Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 387.
- ⁴⁰ **Букин С.С.** Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 95.
- ⁴¹ **Докучаев Г.А.** Рабочий класс... С. 309.
- ⁴² **Митрофанова А.В.** Рабочий класс СССР... С. 342.
- ⁴³ **ГАКК.** Ф. П-17. Оп. 1. Д. 646. Л. 162.
- ⁴⁴ **Шевченко В.Н.** Создание оборонной промышленности... С. 85.
- ⁴⁵ **ГАКК.** Ф. П-17. Оп. 1. Д. 646. Л. 162.
- ⁴⁶ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 89-90.
- ⁴⁷ **ГАНО.** Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 67.

**Государственные социальные акции послевоенной эпохи
в сибирском измерении (1946–1953 гг.).**

После окончания тяжелейшей и кровопролитной войны одной из важнейших задач советского государства являлось преодоление её социальных последствий. Тяготы и лишения военных лет не могли быть преодолены в короткие сроки. Фашистская агрессия нанесла огромный ущерб нашей стране. Более 1700 городов и поселков оказались разрушенными, было уничтожено около 70 млн. кв. м жилплощади, свыше 25 млн. чел. полностью лишились крова ¹.

В отличие от европейской части страны, где прошли ожесточенные бои, населенные пункты Сибири не подвергались разрушению. Однако и здесь материально-бытовое положение трудящихся было тяжелым. Эвакуация промышленных предприятий и масштабное развитие производства в восточных районах обусловили быстрый рост городского населения, который значительно опережал увеличение жилого фонда, прираставшего в основном за счет барачного строительства. Жилищный кризис сопровождался развалом сферы коммунальных услуг. Социально-экономическое положение усугубила сильная засуха 1946 г., которая охватила большинство зерновых районов СССР и непосредственно отразилась на снабжении населения продовольствием.

Первоочередные меры государственной социальной политики направлялись на урегулирование правовых отношений. На заводах и в учреждениях восстанавливались восьмичасовой рабочий день, выходные и отпуска, отменялись жестокие законы военного времени, грозившие суровой карой за опоздание и другие нарушения трудовой дисциплины.

Окончание военных действий потребовало изменения производственного профиля оборонных заводов, которые определяли промышленный облик крупных сибирских городов. Многократно сократился государственный оборонный заказ. Послевоенная конверсия опиралась на материальные и финансовые ресурсы государства, осуществлялась в централизованном плановом порядке. Однако протекала

она болезненно. Цеха эвакуированных предприятий размещались в наспех построенных каркасно-засыпных бараках, различного рода приспособленных помещениях. По организации производства и условиям труда они не отвечали задачам мирного времени. Многие мобилизованные или эвакуированные рабочие и ИТР уехали из сибирских городов в родные места. Тем не менее, на ряде предприятий в первые послевоенные месяцы даже образовался излишек рабочей силы. Частично она направлялась на вспомогательные работы. В связи с отсутствием нарядов, перемещением с одного участка на другой многие рабочие не выполняли нормы выработки, что вело к снижению заработной платы.

На сибирских предприятиях предпринимались меры по закреплению кадров, обучению их новым профессиям. На производственных участках, куда переводилась значительная часть работающих, стала практиковаться прогрессивно-премиальная система оплаты труда. В централизованном порядке, через соответствующие наркоматы, выделялись дополнительные денежные фонды для поддержания в прежних размерах заработной платы рабочих, перешедших на освоение гражданской продукции.

В стране сохранялась карточная система обеспечения горожан продуктами питания. Действовали четыре группы карточек: для рабочих, служащих, иждивенцев и детей до 12 лет. Кроме того, преимущество в снабжении продовольствием имели трудящиеся ведущих отраслей народного хозяйства. Норма на хлеб была дневной, а на остальные продукты месячной. Рабочим, обеспечивавшимся по первой категории, ежедневно полагалось 800 г хлеба, а по второй – 600 г, служащим – соответственно 500 и 400 г. Каждый иждивенец и ребенок в возрасте до 12 лет имел право на получение 400 г хлеба.

Более резко дифференцировались нормы на другие продовольственные товары. Рабочим и ИТР в ведущих отраслях народного хозяйства полагалось в месяц 2200 г мясных и рыбных продуктов, а на остальных предприятиях – 1800 г, жиров – соответственно 600 и 400 г, крупы и макарон – 1500 и 1200 г. Нормы для иждивенцев и детей были несколько ниже². Однако и нормированное снабжение осуществлялось с перебоями. По карточкам реализовывалось значительно меньше продовольствия, чем в свободной продаже накануне войны. В Новосибирской области в 1945 г. розничный товароборот

в расчете на одного человека в сопоставимых ценах составлял 65 % к уровню 1940 г., в Алтайском крае 48 %³.

В условиях крайне напряженного положения с продовольствием правительство сократило контингенты населения, включенные в систему нормированного снабжения. Оставшиеся прикреплялись к определенным продовольственным магазинам. Карточки береглись как самое дорогое достояние. Они представляли своеобразный «мандат на жизнь», ибо давали возможность приобрести необходимый минимум продуктов, а значит выжить в те трудные годы. Отоваривание карточек нередко превращалось в болезненную житейскую проблему. С раннего утра у хлебных магазинов возникали длинные очереди. Происходили перебои с реализацией хлеба, иногда он не продавался по 3–4 дня подряд. Хлеб выпекался низкого качества, в целях экономии муки допускалось повышение его влажности, а также использование различных добавок.

Не менее сложной задачей, чем снабжение продуктами питания, было обеспечение населения непродовольственными товарами. В военное время производство предметов потребления резко сократилось. Если в первом полугодии 1941 г. удельный вес продукции легкой промышленности в общем объеме производства предприятий Новосибирска составлял 19,3 %, то в первом полугодии 1945 г. – 2 %, промысловой кооперации – соответственно 23,1 и 4,9 %. В целом за 1945 г. вся промышленность Новосибирской области выпустила товаров народного потребления на 200 млн. руб., или 6,6 % валовой продукции. При этом на предприятиях союзного подчинения данный показатель составил 0,7 %, республиканского 3,9, местного 43,7 %⁴.

Пленум Новосибирского обкома ВКП(б), состоявшийся в феврале 1946 г., отметил, что при перестройке промышленности на выпуск гражданской продукции задача развития производства товаров народного потребления не нашла должного решения. Руководители ряда предприятий рассматривали это производство как второстепенное дело. Вместо налаживания массового выпуска предметов потребления имело место изготовление их небольших партий для частичного удовлетворения неотложных нужд своих трудовых коллективов. Пленум потребовал от партийных, советских и хозяйственных организаций коренным образом изменить отношение к обеспечению насущных потребностей населения, с особым вниманием относиться к расширению производства товаров народного потребления⁵.

В период войны и первый послевоенный год пайковые цены на продукты питания и непродовольственные товары, распределявшиеся по карточкам и ордерам, сохранялись на сравнительно низком и стабильном уровне. Но 16 сентября 1946 г. по решению советского правительства произошло их многократное повышение, что официально объяснялось «подготовкой к отмене карточной системы». Нормированный паек очень сильно подорожал. Если ранее за один килограмм ржаного хлеба при покупке по карточке требовалось заплатить 1 руб., то теперь – 3 руб. 50 коп., пшеничного хлеба – 1 руб. 70 коп. и 5 руб., говядины – 12 руб. и 30 руб., сливочного масла – 24 и 62 руб., маргарина – 12 руб. 50 коп. и 33 руб., сахара – 5 руб. 30 коп. и 14 руб. 30 коп., литр молока 1 руб. 80 коп. и 3 руб. 30 коп. Одновременно в такой же пропорции выросли цены в системе общественного питания, что сразу же сделало его практически недоступным для большинства населения.

Правда, в качестве компенсации вводилась так называемая «хлебная надбавка» к зарплате. Трудящимся, получавшим менее 300, 500, 700 и 900 руб., ежемесячная доплата устанавливалась в размерах соответственно 110, 100, 90 и 80 руб.⁶, что позволило частично компенсировать рост пайковых цен для большинства работающих в городской местности. Однако это государственное мероприятие имело существенное неучтенное последствие: поскольку различные надбавки устанавливались к тарифным ставкам, их величины чрезмерно сблизились. Это усилило уравнилельные тенденции в оплате квалифицированного и низкоквалифицированного труда, сократило дифференциацию в заработной плате работников с нормальными и тяжелыми условиями трудовой деятельности. В целом повышение пайковых цен очень болезненно сказалось на бюджетах большинства городских семей.

Нормированное снабжение, дававшее хотя и скудный, но гарантированный паек, одновременно снижало значение заработной платы как материального стимула к труду. Выкупив в соответствии с установленными нормами определенное количество потребительских товаров, квалифицированные и сравнительно высоко оплачиваемые рабочие, ИТР, другие специалисты больше ничего не могли приобрести в государственной торговле. Денежные средства направлялись на стихийный, неорганизованный рынок, цены на котором стремительно росли и были многократно выше государственных пайковых

цен. Причем на рынках реализовывалась не только продукция, произведенная в личных подсобных хозяйствах, но и в широких размерах шла распродажа похищенных продуктов питания, одежды, обуви и других промышленных изделий. Процветала махровая спекуляция, объектом которой становились даже продовольственные карточки. Денежный поток проходил мимо государственного кармана, вызывая острое беспокойство у финансовых органов. Поэтому одним из «противовесов» стихийному рынку стало развитие государственной коммерческой торговли.

Первые коммерческие магазины открылись в апреле 1944 г. в Москве. Затем сеть коммерческой торговли быстро расширилась. В 1946 г. она действовала уже в 130 городах страны. Было открыто также много коммерческих ресторанов и чайных. В учреждениях коммерческой торговли без всяких ограничений продавались хлеб, мясо, колбасы, деликатесная рыба, паюсная и кетовая икра, сливочное масло, сыры, сахар, шоколад и конфеты, коньяк, водка, вино и даже свежие фрукты.

Однако коммерческие магазины и рестораны имели ограниченный круг постоянных посетителей. В них регулярно могли бывать высокооплачиваемые деятели науки и искусства, военные, хозяйственные руководители, а также разного рода спекулянты, взяточники и расхитители, представители уголовного мира. Для широких слоев населения посещение учреждения коммерческой торговли почти всегда становилось событием, ибо размеры оплаты труда находились в резком диссонансе с астрономически высокими ценами. В 1945 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих основных отраслей народного хозяйства СССР составляла 434 руб. в денежном исчислении того времени. В коммерческом магазине килограмм говядины второго сорта стоил 80 руб., сливочного масла – 210, голландского сыра тридцатипроцентной жирности – 80, сахара-песка – 60, риса – 38, ржаного хлеба – 8, а пшеничного из второсортной муки – 14 руб. Реализовывались и промышленные изделия. Уплатив 1200 руб., можно было приобрести мужские хромовые ботинки, а за 1450 руб. – метр бостона.

В сибирских городах, где для коммерческой торговли выделялось меньше ресурсов, цены были еще выше и нередко превосходили стоимость товаров на неорганизованном рынке. Оказались иллюзиями утверждения основателей этого вида торгового обслуживания, что

оно окажет понижающее влияние на рыночные цены. В Иркутске, например, килограмм говядины в коммерческом магазине стоил 90 руб., тогда как на рынке – 60, свинины – соответственно 130 и 85 руб., сливочного масла – 250 и 230 руб., десяток яиц – 80 и 65 руб.

Коммерческая торговля просуществовала до декабря 1947 г. и была упразднена в связи с отменой карточной системы. В целом ее роль в жизни страны была неоднозначной. Наибольший расцвет коммерческой торговли приходится на 1946 год, когда удельный вес Особторга – главка, созданного для управления всеми коммерческими торговыми учреждениями, достиг почти четверти общего товарооборота в СССР. Но произошло это, прежде всего, за счет высоких коммерческих цен, которые более чем в 10 раз превышали стоимость аналогичных товаров, распределявшихся по карточкам. Пожалуй, главное значение коммерческой торговли состояло в том, что она позволила влить в государственный бюджет поток дополнительных денежных средств. Ее воздействие на жизненный уровень широких народных масс все же нельзя признать значительным⁷.

Возрождение народного хозяйства, более благоприятные для сельского хозяйства погодные условия позволили Советскому правительству в декабре 1947 г. отменить карточную систему на товары народного потребления. В результате улучшилось продовольственное снабжение населения, особенно жизненно необходимыми продуктами. В Барнауле по хлебным карточкам ежедневно реализовывалось 75–80 т хлеба. После их упразднения продажа хлеба составила 153 т в день, т.е. увеличилась в 2 раза. Хлебопекарные предприятия города, ранее использовавшие свои производственные мощности наполовину, стали работать с максимальной нагрузкой⁸.

Жители городов Кузбасса в третьем квартале 1948 г. приобрели больше, чем за соответствующий период предыдущего года, хлеба на 56 %, сахара – на 92, кондитерских изделий – на 41, рыбных продуктов – на 20 %⁹. После отмены карточной системы и установления единых розничных цен товарооборот в Читинской области в 1948 г. возрос на 126 млн. руб. Продажа населению хлеба и хлебобулочных изделий по сравнению с 1947 г. увеличилась на 77 %, крупы и макарон – на 20, сахара на 63 %, кондитерских изделий – более чем в 3 раза, чая – в 5 раз¹⁰. В Бурятской АССР в 1948 г. реализация некоторых продуктов (мяса, рыбы, животных и растительных жиров) достигла уровня 1940 г.¹¹.

Отмена карточек производилась одновременно с денежной реформой. Обе государственные акции имели общее юридическое основание – опубликованное 14 декабря 1947 г. постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»¹².

Реформа предусматривала выпуск в обращение новых денег и изъятие старых. Причем этот обмен был непропорциональным. Находящиеся на руках у населения денежные средства менялись в соотношении 10:1, т.е. десять рублей в старых деньгах на один в новых. Денежные вклады в сберегательных кассах переоценивались на более льготных условиях (3:1), причем вклады до 3 тыс. руб. сохранялись в прежних размерах. Это означало, что интересы мелких вкладчиков не были затронуты.

Производился также обмен облигаций всех ранее выпущенных государственных займов, которые по подписке распространялись среди населения. Они объединялись в единый заем, причем за 3 руб. в старых облигациях давался 1 руб. в новых.

Важно отметить, что денежная реформа не коснулась заработной платы рабочих, ИТР, служащих, пенсий, стипендий и пособий. И в новых деньгах они продолжали выплачиваться в прежних размерах.

Для обмена денег устанавливался очень короткий срок – всего одна неделя (с 16 по 22 декабря 1947 г.). Денежные знаки, не предъявленные к обмену в течение этого периода, теряли свою платежную силу и аннулировались. В архивах сохранились довольно многочисленные документы, свидетельствующие о попытках, предпринимавшихся преимущественно представителями административно-управленческого аппарата по спасению своих денежных накоплений. В сибирских городах в основном они сводились к двум способам. Во-первых, поскольку сберегательные кассы денег не принимали, эти средства вкладывались на счета предприятий и учреждений, чтобы затем получить их обратно, но в новых купюрах. Во-вторых, раскупались мебель и другие предметы из служебных помещений. Так, некоторые чиновники полностью оголили свои кабинеты. При этом необходимо заметить, что в случае поступления информации о подобных проступках в областной, городской или районный комитет ВКП(б) строгое возмездие следовало незамедлительно. Исключение из партии, снятие с должности и предание суду являлись обычным наказанием.

Объективно денежная реформа 1947 г. была необходима. Она позволила преодолеть последствия войны в сфере денежного обращения, повысить покупательную силу рубля, обеспечить переход к торговле без карточек. Данная акция была четко организована, просчитаны ее основные последствия, а органы управления всех ступеней слаженно взаимодействовали между собой. Хотя реформа имела конфискационный характер, государство стремилось защитить малоимущие слои, т.е. основную массу населения страны¹³.

В последующее время наиболее значительной и длительной социальной акцией стало массовое снижение государственных розничных цен, получившее наименование «сталинское». После проведения денежной реформы и отмены карточной системы оно осуществлялось ежегодно вплоть до 1954 г. Огромный идеологический заряд вкладывался в это социальное мероприятие. Пропагандистские кампании, восхвалявшие «сталинскую заботу о людях», захлестывали всю страну, в том числе сибирские города. Однако умалчивалось о финансовой подоплеке этой акции. Ее суть состояла в том, что постепенно, в течение ряда лет, снижались цены, которые предварительно, в сентябре 1946 г. были повышены в несколько раз.

В декабре 1947 г. после отмены карточек стоимость хлеба и крупы в государственных магазинах уменьшилась на 10–12 %. А затем, обычно 1 марта или 1 апреля каждого года, звучало по радио и публиковалось в газетах правительственное сообщение об очередном снижении розничных цен. В итоге стоимость продовольствия в 1953 г. была в 1,5–2,5 раза ниже, чем в 1947 г. Особенно подешевели основные продовольственные товары: хлеб, мука, крупа, мясо, жиры, картофель. Цены на них вплотную приблизились к предвоенному уровню.

Значительным было снижение цен и на промышленные изделия, которые в основном уменьшились на 25–30 %. Стоимость непродовольственных товаров в 1953 г. заметнее отличалась от уровня 1940 г., чем цены на продукты питания. Некоторые изделия стоили в два раза дороже по сравнению с предвоенным временем.

В целом за период с 1947 г. по 1954 г. государственные розничные цены снизились в 2,3 раза, в том числе на продовольственные товары в 2,6, а на непродовольственные в 1,9 раза. Естественно, выросла покупательная способность рубля, но только по сравнению с декабрем 1947 г.

Почти в 4 раза снизились цены на неорганизованном рынке. При этом надо отметить, что данное снижение происходило в основном в 1947–1949 гг. В последующее время рыночные цены, при некоторых колебаниях, оставались относительно стабильными и даже обнаружили тенденцию к росту.

Сама практика массового снижения цен оправдала себя не в полной мере. От него в первую очередь выигрывали люди с высокими душевыми доходами, что усиливало дифференциацию в потреблении семей с различной степенью материальной обеспеченности. Нарушалось соответствие цен на некоторые товары и себестоимости их изготовления. Размеры снижения цен, особенно на отдельные виды продовольствия, не соответствовали экономическим возможностям государства, что обостряло товарный дефицит. Нередко случалось так, что товар, ставший дешевле, исчезал из продажи в государственных магазинах, но появлялся на рынке, где реализовывался совсем по другим ценам.

После завершения этой социальной акции розничные цены так и не достигли исходного уровня, существовавшего до 16 сентября 1946 г., превышая его более чем на треть. Однако сама тенденция позитивно воспринималась людьми, они чувствовали реальное облегчение жизни. В 1953 г. в государственной торговле килограмм ржаного хлеба стоил 1 руб. 40 коп., пшеничного – 1 руб. 60 коп., говядины в среднем – 12 руб. 60 коп., сливочного масла – 25 руб. 50 коп., маргарина – 14 руб. 80 коп., литр молока – 2 руб. 40 коп., десяток столовых яиц – 7 руб. 80 коп., килограмм сахара – 10 руб., пол-литра водки – 20 руб. Примечательно, что государственные розничные цены на хлеб и некоторые другие основные продукты питания сохранялись стабильными вплоть до начала рыночных реформ 1990-х годов (в 1961 г. в связи с обменом денег и десятикратной деноминацией рубля произошло их соответствующее изменение)¹⁴.

Рыночные цены заметно превышали государственные, причем эта дистанция увеличивалась. Тем не менее, новосибирец, зашедший летом 1953 г. на центральный рынок города, мог приобрести килограмм говядины за 21 руб., свинины или баранины – за 23 руб., капуста – 2 руб. 50 коп., картофеля – 50 коп., литр молока – за 4 руб.

Но было бы ошибочным утверждение о дешевизне продуктов в магазинах и на рынке, ибо доходы людей, живших и работавших в то время, были невысоки. В середине 1950-х гг. в народном хозяй-

стве Сибири заработная плата составляла в среднем 746 руб. в месяц. Не велики были и другие денежные выплаты. Средняя величина пенсии по старости равнялась 190 руб., по инвалидности – 160 руб., по случаю утраты кормильца – 150 руб.

Таблица 1

Прожиточный минимум одного рабочего средней квалификации с нормальными условиями труда, руб.- коп.*

Продукты	Дневной рацион, г	1940 г.		1950 г.	
		цена	сумма	цена	сумма
Хлеб ржаной	743	1-00	0-74,3	2-00	1-48,6
Хлеб пшеничный	266	2-90	0-77,1	5-10	1-32,6
Крупа	93	2-10	0-19,5	4-60	0-42,8
Картофель	513	0-90	0-46,2	0-90	0-46,2
Свекла	53	1-00	0-5,3	0-90	0-4,8
Капуста квашеная	107	1-50	0-16,1	1-53	0-16,4
Сахар	27	5-00	0-14,5	11-50	0-31,0
Масло растительное	23	14-50	0-33,4	28-80	0-66,2
Мясо	108	11-50	1-14,2	19-70	2-13,4
Рыба	40	5-40	0-21,6	9-70	0-38,8
Молоко	137	1-60	0-21,9	2-70	0-37,0
Масло сливочное	13	23-00	0-29,9	38-50	0-50
Яйцо, шт.	0,1	5-50	0-5,5	10-20	0-10,2
Итого в день			4-80		8-38
в месяц			144-00		251-40
в месяц затраты на питание и прочие расходы, равные затратам на питание (по методике стат. расчетов)			288-00		502-80

*ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1171. Л. 77.

И все же позитивные перемены ощущались повсеместно. Предваренный уровень материальной обеспеченности был превышен к концу четвертой пятилетки. Стоимость прожиточного минимума рабочего средней квалификации в 1950 г. по сравнению с 1940 г. увеличилась на 74 % (табл. 1) За это же время заработная плата в народном хозяйстве Сибири возросла с 376 до 675 руб., или в 1,8 раз. Если в

1940 г. средний заработок работника в сибирской экономике составлял 130 % к стоимости бюджетного набора, обеспечивающего удовлетворение настоятельных потребностей, то в 1950 г. – 134 %¹⁵.

Таким образом, в тяжелейшей обстановке первых послевоенных лет осуществлялись централизованные государственные мероприятия, направленные на преодоление социальных последствий Великой Отечественной войны. Несмотря на свою ограниченность и противоречивость, они способствовали облегчению повседневной жизни широких слоев населения. Однако степень удовлетворения жизненных потребностей оставалась крайне невысокой.

¹ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 355.

² **Любимов А.В.** Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С.28-30.

³ **Новосибирская область за 50 лет:** Стат. сб. Новосибирск, 1967. С. 131; **Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти:** Стат. сб. Барнаул, 1967. С.83; **ГАРФ.** Ф. 374. Оп.2. Д. 1200. Л.111.

⁴ **ГАНУ.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1142. Л. 179, 219; Советская Сибирь. 1946. 23 февр.

⁵ **ГАНУ.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1140. Л. 12.

⁶ **Правда.** 1946. 16 сент.

⁷ **Букин С.С.** Коммерческая торговля: ретроспектива и современность.// Россия нэповская: политика, экономика, культура. Тез. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1991. С. 271-273.

⁸ **Государственный архив Алтайского края (ГААК).** Ф.1037. Оп.1. Д.51. Л.209.

⁹ **Государственный архив Кемеровской области (ГАКО).** Ф.794. Оп.1. Д.2. Л.13.

¹⁰ **Государственный архив Читинской области (ГАЧО).** Ф. 6. Оп. 1. Д.1782. Л. 229; Д. 1788. Л.3.

¹¹ **Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ).** Ф.248. Оп.20. Д.338. Л.1.

¹² **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. М., 1968. С.460-467.

¹³ **Букин С.С.** Роль денежной реформы 1947 года в разрешении социально-экономического кризиса. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков. Материалы третьей регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 136-140.

¹⁴ **Букин С.С.** Было время – цены снижали. //Труд. 1990. № 149. 3 июля.

¹⁵ Рассчитано автором.

М.М. Ефимкин

**Государственное решение проблемы формирования
трудового потенциала Сибири: опыт и преемственность.**

В условиях острого, затяжного демографического кризиса в стране и практически бесперспективной народонаселенческой ситуации в Сибири, необходимо более пристально и антиидеологизировано обратиться к исторической практике «накачивания» трудовыми ресурсами данного, извечно демографически ущербного региона России, определяющего сегодня, как и зачастую ранее, ее судьбу. Пунктирно, по основным вехам проследить стратегии и практический опыт решения подобных проблем, встававших неоднократно перед центральными и региональными структурами власти во все времена существования в составе России. Возможно, удастся обнаружить какие-либо исторические конструкции, пригодные в сегодняшних условиях, соотнести их с современным опытом социально-демографической политики в сибирском регионе. И, в конце концов, еще раз утвердить данным материалом и выводами на его основе, уже не тезис, а аксиому о том, что надежды Сибири на внешние интеграционные источники рабочей силы себя не оправдали. Индустриальный трудовой потенциал создавался в основном за счет собственных демографических ресурсов Сибири, устойчиво формировавших мощные транспортные, строительные и промышленные кадровые корпуса, успешно осваивавшие экстремальные пространства Азиатской России, трансформируя их в индустриально-развитые территории.

Недостаток трудовых ресурсов в Сибири неуклонно возрастал по мере масштабов и энергии хозяйственного освоения региона. В XIX веке она, по-прежнему, оставалась малонаселенной территорией с огромным колонизационным ресурсом. К 1890 г. запас свободных и удобных земель на юге Западной Сибири значительно истощился при одновременно возрастании переселенческого движения в восточные районы Сибири, мощным импульсом для которого послужило строительство Транссибирской железной дороги, облегчившей путь потоку переселенцев.

В конце XIX – начале XX в. государственная переселенческая политика существенно изменилась в области формирования трудовых ресурсов в восточных районах России. Это явилось результатом существенного приращения объемов аграрного производства страны, освоения новых земель и территориального расширения границ государства в своей азиатской части. Решалась задача стратегического характера – закрепления за Россией дальневосточных окраин и противостояния возраставшему притоку сюда южных соседей – китайцев и корейцев. В XX веке Сибирь получила наиболее интенсивное развитие, превратившись из колониальной окраины в индустриально-аграрный регион, определявший геостратегическое и геополитическое положение страны. Радикальные изменения характера российского общества в XX в. обусловили особенности социально-демографических факторов индустриального освоения Сибири, подобных которым не наблюдалось в других регионах России. Это, прежде всего, гипертрофированная роль государства в процессе освоения, определявшая масштабное и долговременное планирование развития этого обширного края и регулируемое, в том числе и внеэкономическое привлечение людских ресурсов. На протяжении столетия происходили серьезные изменения в источниках и способах формирования населения в Сибири, наложившие свой отпечаток на процесс создания здесь крупных трудовых коллективов и формирования в целом трудового потенциала сибирского региона.

В начале XX в. основную роль играла народная колонизация, дополненная и подкреплённая государственной политикой переселения в Сибирь «избыточной» части аграрного населения России. Большевикам царское правительство «подготовило» значительно, по тогдашним меркам заселённую Сибирь, в которой проживало более 11 млн. человек. Важно отметить, что к этому времени наблюдалось медленное, но неуклонное сокращение смертности населения края и увеличение срока ожидаемой продолжительности жизни. Все это подкреплялось интенсивной рождаемостью, что позволяло именно естественному приросту населения Сибирского региона во многом определять существенные темпы роста численности его жителей. Правда, данная демографическая ситуация досталась большевикам с последующими катастрофическими результатами Первой мировой и Гражданской войн, а также голода 1921–1922 гг. в России¹. Но, восточные районы страны этот демографический обвал затронул в мень-

шей степени: сюда в годы голодного мора хлынули беженцы из других районов России, восполняя потери местного населения. В одном только 1919 г. общее количество пришлого населения в сибирскую губернию составило 432 тыс. чел.² По окончании гражданской войны демографическая ситуация в регионе медленно, но устойчиво стабилизировалась, что и было зафиксировано Всесоюзной переписью населения 1926 г. В Зауралье в данный период проживало 12,3 млн. человек, составивших вместе с Уралом (10,8 млн. чел.) почти четверть населения России³. Имеющаяся демографическая база Сибири позволяла решать важнейшие задачи формирования ее трудового потенциала, создания крупных производственных коллективов.

Мы уже подчеркивали в своих работах, что именно советская власть, большевики на практике приступили к осуществлению большого количества грандиозных народно-хозяйственных программ на востоке страны. Следует вспомнить, что едва утвердившись у власти, они в своей второй партийной программе (1919 г.) указывали на необходимость максимального использования рабочей силы, правильного ее распределения между областями и отраслями народного хозяйства. Эта программная установка стала определяющим фактором их региональной политики, подчинившей себе все другие сопутствующие процессы. Была определена доктринальная хозяйственная политика государства восточного направления. Идеология и практика социалистической индустриализации определялась двумя главными императивами: давно назревшей необходимостью преодоления технико-экономической отсталости, характерной для страны в целом, и подготовкой к неизбежной войне. Индустриализация носила тотальный характер. Решению ее проблем и задач подчинялось все. В том числе, конечно, и демографические процессы, направление которых в так называемое должное, необходимое для успешной реализации планов промышленного строительства русло, было особенно сложным.

Хотя социалистическое общество обладало возможностями рациональной организации и распределения общественного труда, в том числе и в территориальном аспекте, реализация этих возможностей требовала учета многочисленных факторов, в которых элементы, в принципе управляемые, соседствовали с элементами стихийными, обусловленными индивидуальными интересами (этот фактор сегодня возрос неизмеримо), целями, мотивами поведения отдельных людей,

принимающих участие в общественном производстве. Понятно, что все это требовало в советское время и еще больше требует сегодня, научного, разностороннего подхода к управлению трудовыми ресурсами, не ограниченного организованным предоставлением рабочего места. С развитием индустриализации возрастающее значение получает организованное переселение. Особую значимость (ценность) здесь имело то обстоятельство, что, наряду с органами, традиционно занятыми перемещением трудовых ресурсов, широкую возможность инициативы, определенную самостоятельность в выборе методов формирования контингентов участников индустриального освоения получали хозяйственные и общественные организации, которые имели возможность не только опробировать различные методы привлечения работников, но и оценивая результаты данной деятельности, совершенствовать ее формы. Конечно, подобное положение могло существовать только в условиях массового движения советских людей, стремившихся на многочисленные «эпохальные» стройки Сибири.

Практические работники, менеджеры по персоналу, обязаны учитывать и сегодня эту, на первый взгляд, отошедшую в прошлое не материальную сторону стремления российской молодежи туда, где «интересно и романтично». В советское время умелое использование патриотического движения советских людей, направление его в необходимое русло было залогом половинного успеха в решении труднейших вопросов кадрового обеспечения строек и предприятий Сибири и Дальнего Востока. Любой серьезный исследователь и практический работник, конечно же, скажет в ответ на это, что все благородные патриотические порывы хороши, если приложимы к месту работы и проживания, да еще поддержаны рядом льгот и стимулов материального содержания. Именно это – по определению специалистов и исторической практики лежит в основе всяких миграционных перемещений. В Сибири, начиная с периода интенсивной индустриализации постоянно шел активный процесс создания рабочих мест или точнее сказать – возникали многочисленные рабочие места, слабо оформленные производственно-инфраструктурным обеспечением.

И тем не менее, подобная объективно существующая основа создания трудовых коллективов удачно сочеталась на крупнейших стройках Сибири с возможностью оторваться от тяжелой деревенской действительности в годы индустриализации, а затем вызывала

все большее миграционные потоки, способствовавшие социальным перемещениям в советском обществе. Данный встречный процесс также способствовал успешному разрешению задач дефицита рабочей силы для грандиозных индустриальных строек Сибири. Этому же способствовала и коллективизация сибирской деревни. Изгой нового общества аскетов и проповедников социальной справедливости – зажиточное крестьянство, кулаки, далеко не все смиренно и недвижно ждали возмездия за свое прежнее материальное благополучие. Значительная их часть, правдами и неправдами двинулась подальше от местных исполнителей воли победившего пролетариата – в пролетарии, в города на промышленные новостройки. Индустриальный молох как губка всасывал в себя все новые и новые массы деревенского люда, способствуя ухудшению демографической ситуации в Сибирском регионе, первые черты которого отчетливо обозначились на переломе 1920–1930-х годов. Уровень рождаемости в городах Западной и Восточной Сибири понизился существенно, при одновременном возрастании тенденции к увеличению смертности и сокращению продолжительности жизни населения. Особо подчеркнем, что деревню в город в начале 1930-х гг. погнал голод, где он разразился в первую очередь. Иначе говоря, рубеж 1920–1930-х гг. был характерен началом сильного демографического возмущения, свидетельствовавшего об истощении сибирского демографического потенциала. Значительную роль сыграло в данной ситуации плановое сельскохозяйственное переселение в Сибирь, начавшееся во второй половине 1920-х гг. и существенно пополневшее реддеющую сельскую местность и индустриальные объекты.

За годы первых пятилеток были созданы мощные строительно-индустриальные рабочие коллективы, превратившие Сибирь в индустриально-аграрную часть Советского Союза и позволившие в опасные годы Великой Отечественной войны максимально быстро возвести объекты оборонного значения. Они явились затем основой формирования новых производственных объединений, трудившихся на транспортных, энергетических и других стройках страны. По сути дела, совместно с процессами создания территориально-производственных комплексов, шел процесс формирования трудовых коллективов, занятых общим делом, проживающих на одной обширной территории и объединяемых едиными производственно-

бытовыми целями. Государство в этот период уже имело другого рабочего человека, выварившегося поколениями в индустриальных котлах сибирских и другихстроек, патриотически настроенного и готового устремиться на новые стройки, земли, в районы нового освоения, где создавать новые города в надежде на не ограничивающую его инициативу жизнь.

В Сибирь и на Дальний Восток ехали и едут до сих пор люди молодых возрастов. Но широкие волны миграционных потоков состояли не только из них. В той или иной мере они охватывают разные слои населения. Надо сказать, что в советское время эти волны не всегда разгонял только ветер погони за «длинным рублем», хотя данный фактор имел существенное значение. Советские молодые люди ехали в Сибирь и на Дальний Восток за образованием, за романтикой, за впечатлениями от новых мест. Ехали, как мы уже упомянули, за самоутверждением, за более широкой возможностью самовыражения и еще за многим таким, что ищет и к чему стремиться каждое поколение, и что не всегда поддается количественным оценкам. Даже в наше другое время, время рыночных условий, подобные векторы производственных миграций должны учитываться при формировании производственно-трудовых коллективов уже иного типа. Нынешняя ситуация не дает надежды на эффективность в решении данной проблемы. Вспомним, как по всей России, более того – по СНГ, еще буквально вчера собирали специалистов на строительство и пуск Бурейской ГЭС.

Радикальные изменения и потрясения, произошедшие в российском обществе в последнее двадцатилетие, актуализируют предшествующий опыт социально-экономического и в частности, индустриального развития Сибири и Дальнего Востока. Вопросы о дальнейших перспективах народонаселения и о выходе из демографического кризиса, выработке четкой демографической политики в новой экономической ситуации приобрели сегодня практическую важность и государственное значение. Освещение наиболее общих закономерностей, выявление тенденций и особенностей региональной экономики во взаимосвязи с процессом формирования и развития трудового потенциала сибирского региона дают возможность воссоздать объективную историческую картину и установить причины негативных социально-экономических и демографических изменений в восточных районах России.

Изучение советского опыта формирования трудовых коллективов в данных регионах, наращивания их трудового потенциала, свидетельствует о том, что основным бичом этих процессов была высокая текучесть кадров, достигавшая порой величин, когда в первые 1–3 года менялось более половины первоначального состава. Следует помнить о том, что в Сибири 1960-х – 1980-х гг. резко возросли масштабы миграционного движения, особенно в районах нового индустриального освоения. Так, в нефтегазодобывающих регионах в миграционный оборот только за 1966–1989 гг. было вовлечено более 9 млн. человек, а через все административно-хозяйственные и производственные структуры строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в первые годы проходило свыше 2 млн. рабочих кадров⁴. Подобные масштабы текучести индустриальных кадров наблюдались и на других сибирских народнохозяйственных объектах и промышленных предприятиях⁵. Поэтому следует изучать и более эффективно использовать структуру побудительных мотивов движения кадров в районы нового промышленного освоения, усиливая данную сторону планового управления рабочей силой.

Необходимо проводить широкую и тщательную подготовку создания новых рабочих мест, включая в нее широкий спектр производственных и инфраструктурных составляющих, способствующих процессу создания и укрепления трудовых коллективов, как основы производственного потенциала Сибири. Необходимо также в новых условиях расширять и совершенствовать систему мер, направленную на привлечение рабочих кадров, обратив особое внимание, в первую очередь, на создание в суровом сибирско-дальневосточном краю более комфортных жилищно-бытовых условий, компенсирующих дефицит природно-климатического проживания. Большее значение следует отводить и возможностям общеобразовательного и профессионально-квалификационного роста, без чего невозможна никакая модернизация производства и инновационные подвиги в нем. Необходимо знать, что при формировании трудовых коллективов существует высокая степень зависимости квалификационного уровня привлекаемых кадров от их трудовой активности. Необходим такой уровень заработной платы, который бы давал возможность сибирякам и дальневосточникам свободно перемещаться как в пространстве своей страны, так и за рубежом без обременительных для семей-

ного бюджета затрат. Это было бы своеобразной компенсацией их проживания в суровой природно-климатической среде.

При решении кадровых проблем необходимо знать возможности зоны индустриального освоения: представить без ущерба для собственного роста часть своих трудовых ресурсов; совокупные потребности данной зоны в определенном количестве и качестве работников; уровень миграционной подвижности населения других районов страны, стремящихся участвовать в индустриальном преобразовании данной зоны. Надо формировать представление о национальном составе жителей тех районов, где будет разворачиваться промышленное строительство. Род занятий их, специфику быта национальные традиции, численность и современное положение. Не следует уповать (а подобные надежды высказываются) при создании постоянных трудовых коллективов на трудоизбыточные районы Средней Азии и Кавказа. Опыт показал их более эффективное использование в других формах, деятельность которых ограничивается небольшим сроком, а состав планомерно обновляется. Постоянно учитывать, что наиболее стабильное трудовое пополнение дают сами Сибирь и Дальний Восток.

Крайне необходимо возродить и усилить роль системы профессионально-технического образования, поставляющей на восток России молодые, уже в определенной степени профессионально определившиеся кадры. Возродить в этой связи институт наставничества. Усиливающаяся роль вольного найма требует широкой пропаганды об объективном положении индустриального объекта, четко налаженной оперативной информации об условиях труда и быта и заработной платы. Причем все это – в тесной связи с требующимися категориями персонала.

Хорошо известно, что развитие Сибири после распада СССР в 1990-е гг. характеризовалось деструктивными тенденциями. Ее регионы входили в число самых экономически депрессивных регионов страны, что негативно отражалось на воспроизводстве населения. Исторически сложившиеся условия в Сибири – обширность территории, удаленность от Центра, труднодоступность ряда районов, недостаточная плотность транспортных коммуникаций, суровые климатические условия, особенности расселенческой сети и ряд других факторов объективно затрудняют рост численности населения в крае и во многом предопределяют региональные особенности

миграционных процессов и формирования здесь трудовых ресурсов. Особое место в связи с этим, занимает проблема использования труда иностранных, в особенности восточноазиатских мигрантов. В России, как и во всем мире, сложился и в значительной степени сохранился до настоящего времени противоречивый стереотип отношения к иностранной рабочей силе. Наиболее резко это противоречие проявлялось между меркантильными расчетами высокой прибыльности от использования дешевой рабочей силы и одновременным неприятием самих трудовых мигрантов с их традициями образа жизни, духовно-культурными ценностями и прочими национальными особенностями. К этому добавляется социальная напряженность, возникающая от того, что иностранная рабочая сила, оплачивается ниже самой дешевой оплаты труда титульного населения. Данная ситуация формирует протестное отношение к иностранной рабочей силе.

Россия единственная европейская страна, находящаяся в непосредственном соседстве с демографическим массивом Восточной Азии: Монголией, Кореей, Японией, среднеазиатскими государствами и его основной демографической величиной – Китаем. Эти условия на протяжении всей истории являлись для России своеобразным постоянно беспокоящим хроническим недугом, который подчас прогрессировал в весьма тяжелые формы. Современная геополитическая ситуация, характеризующаяся повышением интереса к восточным рынкам страны с их богатейшими природными ресурсами, делает актуальным изучение исторического опыта промышленного освоения малозаселенных сибирских пространств. Создание и развитие транспортной инфраструктуры с учетом как положительного, так и отрицательного опыта может быть востребованным при выработке новой стратегии планирования и реализации крупных программ хозяйственного освоения. В российской и мировой науке в настоящее время интенсивно обсуждаются стратегические сценарии развития мира в третьем тысячелетии, в которых Сибири отводится одно из важных мест ⁶.

¹ **Ефимкин М.М.** Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск, 2009. С.229. Отметим, что В.А. Исупов, не считает

-
- данную ситуацию демографической катастрофой. – **Исупов В.А.** Население Сибири в XX столетии: безрадостное прошлое, смутные перспективы // Человек. Труд. Занятость. Новосибирск, 1998. Вып.2. С.69-72.
- ² Там же.
- ³ **Ефимкин М.М.** Сибирская Россия. С.229.
- ⁴ **Ефимкин М.М.** Региональные проблемы на востоке России // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. С.229.
- ⁵ **Ефимкин М.М.** Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. Новосибирск, 1989. С.81-99; **Долголюк А.А., Тимошенко А.И.** Комплектование рабочих кадров территориально-производственных комплексов Сибири (50–80-е гг.)// Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 1990-е гг.). Новосибирск, 1992. С. 35-48; **Долголюк А.А.** Кадровые проблемы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Там же. С.48-64; **Тимошенко А.И.** Проблемы стабилизации трудовых коллективов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса // Там же. С.89-118.
- ⁶ Данный вопрос был и остается в сфере научных интересов автора статьи. Он подробно освещен в монографии «Сибирская Россия. Социальная – индустриальная адаптация». С.275-305.

Н.Ю. Гаврилова

Особенности социальной политики освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири.

Одним из ведущих направлений социально-экономической политики советского государства в 1960–1980-е годы являлось развитие производительных сил Западной и Восточной Сибири, создание здесь территориально-производственных комплексов (ТПК) на базе сырьевых ресурсов. Особую значимость в этом плане приобретали северные территории Западной Сибири. Открытие во второй половине XX столетия на севере Западной Сибири уникальных по своим запасам месторождений углеводородного сырья превращало район в сферу не только экономических, но и геополитических интересов государства.

Формирование нефтегазового комплекса (ЗСНГК) на территории Тюменской области на базе крупнейших месторождений нефти и газа сопровождалось кардинальными изменениями не только в промышленном, но и социальном развитии региона. Особенностью этого процесса являлось то, что он осуществлялся на громадной территории, занимавшей почти полтора миллиона квадратных километров, но малонаселенной, с суровыми природно-климатическими условиями.

К началу разработки нефтяных и газовых месторождений относительно развитой в промышленном отношении являлась только южная зона Тюменской области, где в середине 1960-х годов проживало 80 % населения. Плотность населения в северных районах была в 5,5 раз ниже, чем в Западно-Сибирском регионе в целом и в 8,3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР¹. Практически отсутствовали городские поселения. Поэтому уже на начальном этапе наряду с промышленным освоением ставилась задача социального обживания и заселения территории, создания условий для привлечения трудоспособного населения.

Становление нефтегазодобывающей промышленности региона совпало с изменением модели освоения, провозглашением в государст-

венной политике идеи комплексного развития территорий, предполагавшей «наиболее полное рациональное использование природных богатств края с минимальными затратами живого труда»². Утверждение идеи комплексного развития новых территорий предполагало разработку такой социальной программы, которая, учитывая специфические социально-демографические, природно-климатические условия региона, должна была определять методы и формы привлечения трудоспособного населения, а также направления по созданию системы жизнеобеспечения, т.е. всего комплекса социальной инфраструктуры.

Предшествующая социальная политика, реализованная в практике «великих строек» 1930–50-х годов, базировалась на двух незыблемых принципах. Сущность первого определялась фразой «сначала» и «потом», т.е. утверждалось, что объектом первоочередного строительства являются промышленные предприятия, а сооружения социальной инфраструктуры должны возводиться после их завершения. Проповедь псевдореволюционного аскетизма, пренебрежительное отношение к социальной сфере были неотъемлемыми чертами социальной политики 30-х годов. По воспоминаниям начальника строительства Магнитогорского металлургического комбината Я.С. Гугеля, «считалось даже «неприличным», «несоциалистическим» уделять ... слишком много внимания личным удобствам»³. Другой принцип основывался на психологическом стереотипе, прочно утвердившемся в 50–60-е годы. Суть его заключалась в признании бытовой неустроенности своеобразным проявлением «романтики будней», считавшейся «спутником героизма». Поэтому отсутствие элементарных объектов социального обеспечения рассматривалось как неотъемлемый атрибут «новостроек».

Безусловно, эти элементы социальной политики были присущи и освоению Западно-Сибирского региона, особенно на начальном этапе его формирования. Но поставленная задача «уделять особое внимание наиболее комплексному развитию новых районов...»⁴ была попыткой преодоления сложившихся стереотипов хозяйственной деятельности.

За основу создания нефтегазодобывающего комплекса был взят принцип одновременного создания отраслей специализации, производственной и социальной инфраструктуры, строительства городов⁵. Специфические условия Севера: малоосвоенность, отдаленность от

промышленных центров, отсутствие транспортных магистралей круглогодичного действия – затрудняли реализацию предложенного варианта освоения. Процесс формирования комплекса осложняло и отсутствие научно-обоснованной программы размещения производительных сил, комплексной схемы застройки Тюменского нефтедобывающего района⁶. По утверждению большинства исследователей, причиной сложившейся ситуации являлась неопределенность геологических прогнозов промышленных запасов месторождений⁷. По свидетельству Б.Е. Щербины, бывшего в те годы первым секретарем Тюменского обкома КПСС, «масштабы, темпы, география добычи нефти и газа были неопределенными на всем протяжении 60-х годов»⁸. Эта неопределенность геологических прогнозов не могла не отразиться на социальной политике освоения региона.

Вместе с тем открытие в середине 1960-х годов в Средне-Обском нефтяном районе целого созвездия месторождений, крупнейшим из которых являлось Самотлорское, свидетельствовало о значительных перспективах региона. В 1968 году прогнозы запасов западно-сибирских нефтяных месторождений исчислялись десятками миллиардов тонн и по расчетам специалистов обеспечивали возможность создания крупнейшего в СССР нефтедобывающего района⁹. Это обстоятельство, по-видимому, сыграло решающую роль в выборе ускоренной модели развития комплекса. Необходимость форсированных темпов развития нефтегазодобывающей промышленности отстаивали партийные и хозяйственные руководители Тюменской области, считая, что этот вариант позволит достичь быстрой окупаемости капиталовложений. Прагматический подход к формированию комплекса явно прослеживался в выступлении Б.Е. Щербины, опубликованном в 1966 г. на страницах «Правды». «Опыт учит, – утверждал партийный руководитель края, – что медленное освоение новых районов, низкие темпы развития удлинняют сроки окупаемости. Капитальные вложения в новых районах быстрее окупаются, если сразу же задаются максимальные в данных условиях масштабы производства и соответственно определяются размеры городов, промыслов, предприятий»¹⁰.

Неизбежность ускоренных методов развития нефтегазодобывающей провинции, по мнению сибирских экономистов А.Г. Аганбегяна и Б.И. Орлова, диктовалась также потребностями внутреннего рынка¹¹. Падение темпов нефтедобычи в традиционных нефтяных рай-

онах обостряло топливно-энергетическую проблему. По некоторым данным, общий дефицит в топливе для европейских районов и Урала к 1970 г. составлял 100 млн. тонн¹². Решить эту проблему можно было, только используя ресурсы Севера.

Утверждение идеи о необходимости ускоренного варианта формирования нефтегазодобывающего комплекса ставило под сомнение возможность реализации другой идеи – «комплексного освоения», вело к появлению диспропорций в промышленном и социальном развитии ЗСНГК уже на начальном этапе его становления. То обстоятельство, что разработка концепции освоения и ее осуществление велись параллельно, неизбежно порождало просчеты и ошибки. Это в значительной мере отразилось на региональной градостроительной политике.

Градостроительная политика являлась частью социальной программы освоения региона. Основу ее составляла система расселения, т.е. выбор наиболее оптимальных вариантов для создания новых городов и поселений. Составными элементами градостроительства являлось также определение принципов и характера застройки осваиваемой территории с учетом типов поселений, их численности и функционального назначения.

Несмотря на наличие объективных условий, усложняющих градообразовательные факторы (высокая заболоченность территории, отсутствие транспортных коммуникаций и т.п.) и ориентирующих на использование нетрадиционных подходов к формированию системы расселения, за ее основу на пионерном этапе становления комплекса были выбраны традиционные методы – создание стационарных городов с постоянным населением.

Первоначально опорной базой эксплуатации нефтяных месторождений рассматривалась территория Ближнего Севера. Центром освоения становятся рабочие поселки Среднего Приобья – Урай, Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск. В 1964 г. была одобрена схема планировки новых городов, где определялась и расчетная численность населения: Урая – 33, Нижневартовска – 44, Нефтеюганска – 18 тыс.¹³. Эта явно заниженная численность населения будущих городов, по мнению большинства специалистов, была во многом обусловлена неопределенностью в оценке объемов нефтедобычи на начальном этапе освоения региона¹⁴. Поэтому неслучайно на всем протяжении 70-х годов шла корректировка генеральных планов го-

родов Среднего Приобья в сторону увеличения численности их населения.

На начальном этапе формирования комплекса определились и основные принципы застройки новых городов. По утверждению главного архитектора области В.А. Бешкельцева, сложность гидрогеологических условий – наличие плавунцов, торфяников разной глубины, большой процент заболоченности осваиваемой территории – ограничивали по площади территорию для размещения городских поселений. Поэтому плотность застройки, повышенная этажность строящихся объектов становились главными требованиями градостроительства¹⁵. По подсчетам экономистов, компактность застройки за счет повышения этажности зданий, сокращения инженерных коммуникаций, транспортных и пешеходных путей позволяла достичь значительного снижения сметной стоимости строительства¹⁶. Систему социального обслуживания населения предлагалось создавать путем «рационального использования принципа ступенчатости, сокращая ступени обслуживания и объединяя обслуживаемые учреждения»¹⁷. Эти принципы планировки должны были стать основой строительства северных городов.

Весомый вклад в разработку градостроительной концепции Севера Западной Сибири внесли научно-технические конференции по проблемам градостроительства (1966) и развитию и размещению производительных сил (1969), проходившие в Тюмени и собравшие не только представителей столичной и сибирской науки, но и партийных и хозяйственных руководителей, проектировщиков, строителей.

Конференции выработали основные принципы и рекомендации по комплексному проектированию и строительству городов и рабочих поселков в районах нового промышленного освоения (РНПО).

Освоение Севера Западной Сибири предлагалось осуществлять с использованием двух типов поселений: мобильных и традиционных, предполагавших строительство городов в радиусе 40–50 км от месторождений. Второй тип поселений предполагал использование вахтовой организации труда. Но преобладали сторонники традиционных методов. Приверженцев вахтового метода освоения нефтяных месторождений оказалось немного.

Неоднозначно был решен вопрос и о размерах поселений. Если конференция 1966 г. ориентировала на строительство в основном крупных городов, то на конференции 1969 г. было признано необ-

ходимым создание различных категорий городов: крупных, средних и малых в зависимости от конкретных условий и зоны освоения¹⁸.

Таким образом, к концу 1960-х годов определились основные принципы градостроительства в РНПО. В качестве основополагающей была принята идея создания крупных современных городов в наиболее благоприятных для проживания местах. Обслуживание отдаленных от центров поселения промыслов предлагалось осуществлять вахтовым методом.

Вместе с тем в теории градостроительства практически не нашла отражения концепция расселения с учетом перспектив развития региона, что свидетельствовало о незавершенности ее формирования. В 1970-е годы в ее содержание вносятся существенные коррективы, причиной которых становится новый этап в развитии ЗСНГК.

Новый этап в развитии нефтегазодобывающего комплекса был связан с постепенным продвижением процессов освоения на территорию Дальнего Севера за счет включения в промышленную разработку газовых месторождений. Это были малонаселенные районы с более суровыми природно-климатическими условиями. Уровень затрат на хозяйственную подготовку территории и гражданское строительство здесь определялся в 1,5–2 раза выше, чем в районах Среднего Приобья¹⁹. Кроме того, по мнению специалистов, по медико-биологическим показателям территория Крайнего Севера являлась малопригодной для постоянного проживания. Поэтому промышленное освоение в этой зоне предлагалось вести, «ориентируясь на периодическую смену пришлого населения»²⁰.

Новый этап в развитии региона был связан также с включением в разработку небольших по объему и запасам месторождений нефти. Неэффективность строительства постоянных поселений на каждом месторождении (срок эксплуатации которых мог быть ограничен 10–15 годами) являлась очевидной.

Эти факторы усложняли градостроительные задачи и предопределяли новый подход к дальнейшей разработке социальной концепции освоения региона. Она все в большей степени развивалась под влиянием необходимости перехода к системе расселения с учетом более широкого использования вахтовой организации труда. При этом основная ставка делалась на использование не столько межрайонной (как предлагалось ранее), сколько внутрирегиональной и межрегиональной вахты. Но главной причиной перехода к этой форме

организации труда являлось значительное увеличение объемов нефтегазодобычи с середины 1970-х годов. Неуклонный рост объемов работ в нефтегазодобывающей промышленности, требовавший большого притока квалифицированных кадров, привел к серьезному противоречию, связанному с невозможностью обеспечения нормальными условиями жизнедеятельности этого притока в самом регионе. Так был обозначен переход к новой социальной и градостроительной модели освоения Севера.

По свидетельству А.Н. Отраднова, бывшего в тот период главным архитектором Тюменской области, изменения в градостроительной политике были вызваны тем, что принятая до этого схема расселения «базовый город – вахтовый поселок» не оправдала себя. В базовых городах не хватало жилья, а вокруг базовых городов стихийно формировались крупные поселения, несмотря на жесткую линию по сдерживанию роста временных, вахтовых поселков непосредственно на месторождениях²¹. Так около Сургута разрастался поселок Фёдоровский, формально считавшийся вахтовым; около Нефтеюганска – пос. Пойковский; около Надыма – пос. Пангоды. Всего к середине 1980-х годов существовало, по одним данным, 1480 вахтовых поселков, по другим – около 200²². Такая разница в подсчетах не случайна и была во многом связана с отсутствием единого подхода в классификации поселений. По утверждению И.П. Варшавского, руководителя крупной строительной организации в Тюменской области – ГлавЗапСибжилстроя, до середины 80-х годов не существовало общепринятой терминологии и классификации в определении типов поселений, поэтому поселения одного и того же типа назывались по-разному: полевой городок, вахтовый поселок, вахтовый комплекс и т.п.²³.

Эта стихийно сказывающаяся ситуация диктовала необходимость разработки новой градостроительной политики, которая бы наиболее полно отвечала задачам эффективного освоения природных богатств региона. Основой ее стала «схема расселения кадров нефтегазодобывающих отраслей с учетом мест приложения труда»²⁴.

В связи с этим в области было принято решение о строительстве новых городов и рабочих поселков. Следствием этой политики становятся значительные изменения в системе расселения. Если в середине 1970-х годов в трех базовых городах Севера (Сургуте, Нижневартовске, Надыме) концентрировалось до 85 % населения, то к

началу 1980-х доля населения этих городов снизилась до 70 %²⁵. В этот период происходил быстрый рост поселков городского типа и образование городов на базе постоянных или вахтовых поселков. Так с начала 80-х гг. на карте Тюменской области появилось 7 новых городов: Лангепас, Когалым, Нягань, Радужный, Мегион – в Среднем Приобье. В Ямало-Ненецком округе статус городов получили Ноябрьск и Новый Уренгой.

Значительное увеличение объемов нефтегазодобычи во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов заставило вновь внести изменения в генеральные планы северных городов. Новые проекты предусматривали увеличение численности населения на расчетный срок до 2000 года: Сургута – до 300 тыс., Нефтеюганска – до 100 тыс., Нижневартовска – до 250 тыс., Надыма – до 50 тыс., Нового Уренгоя – до 60 тыс. человек²⁶.

Был пересмотрен и характер застройки в северных городах, ориентированный с середины 1960-х годов только на компактную, многоэтажную. Отныне предусматривалось выделение территории для индивидуального малоэтажного строительства, что позволяло снизить напряженность жилищной проблемы в районах освоения²⁷.

Вместе с тем интенсивный процесс градообразования был необходимым, но не всегда обоснованным. Градообразующей основой поселений, как появившихся в середине 1960-х – начале 70-х годов, так и возникших в начале 1980-х, являлась добывающая промышленность. Основным требованием при этом являлось максимальное приближение поселений к месту приложения труда. Это приводило подчас к появлению городов – «спутников». Свообразным городом с тремя «спутниками» – Мегионом, Лангепасом, Радужным, находящимся в радиусе 100–150 км, становится в Среднем Приобье Нижневартовск. Появление городов – «спутников» было вызвано сиюминутными интересами ведомств и было скорее порождением стихийности градостроительной политики.

Следствием ведомственной политики являлась также однобокость в развитии городов, учитывая их сырьевую ориентацию

Таким образом, градостроительная политика осуществлялась параллельно с процессом формирования нефтегазового комплекса. При освоении региона была выбрана модель, которая предусматривала как традиционную систему поселений с постоянным населением вблизи места приложения их сферы деятельности, так и новую фор-

му расселения, связанную с вахтовой организацией труда. Наряду с этим при строительстве нефте- и газопроводов, при сооружении железно- и автодорог использовались мобильные формы поселений.

В концепцию системы расселения районов нового промышленного освоения изначально было заложено ведомственное решение проблем, ибо градообразующей основой и градообразующими факторами являлись потребности ведомств в определении объемов производства и соответствующей им численности поселений. Это обращивалось для новых поселений и приоритетным решением производственных задач в ущерб комплексности, и архаичностью застройки.

Наряду с градостроительной концепцией нефтегазодобывающих районов Севера Западной Сибири, социальная программа включала также формы и методы привлечения трудовых ресурсов в РНПО.

Основной «костяк» специалистов нефтегазодобывающей промышленности с середины 1960-х годов стали составлять рабочие и инженерные кадры, прибывшие из традиционных районов нефтедобычи, – Поволжья, Татарии, Баку. Они приезжали, как правило, целыми бригадами. В качестве основного метода их привлечения использовался оргнабор (в том числе путем перевода). Он оставался и в 1970-е и первой половине 1980-х годов одним из ведущих каналов обеспечения трудовыми ресурсами нефтегазодобывающих отраслей.

Наряду с оргнабором широкое распространение с начала формирования ЗСНГК получил общественный призыв, обращенный прежде всего к молодежи. Значительные масштабы он приобретает после объявления в 1965 г. «комплекса работ по освоению нефтяных и газовых месторождений Тюменской области» Всесоюзной ударной стройкой. Если в 1964 г. в область по комсомольским путёвкам приехало более 2 тысяч воинов, уволенных в запас, то в 1969 г. число приехавших по общественному призыву достигло 15 тыс. География прибывающих по комсомольских путевкам была разнообразна: Татария, Башкирия, Украина, Азербайджан, Москва, Иваново, Краснодар²⁸.

Третьим каналом формирования трудовых ресурсов районов освоения являлся вольный найм. Он был одним из основных источников комплектования рабочих кадров, ИТР и служащих, как отраслей

специализации региона, так и обслуживающих, включая систему образования, здравоохранения, культуры.

Независимо от формы комплектования кадров в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири ведущим лейтмотивом их привлечения была общественная значимость региона в экономике страны, а также уникальность и масштабность сибирских новостроек. Пропаганда партией и правительством важности освоения северных территорий Западной Сибири выполняла роль одного из стимулов привлечения, особенно на начальном этапе формирования комплекса.

Наряду с этими способами формирования трудовых ресурсов, предполагающих традиционные методы освоения и организацию труда, во второй половине 1970-х – 1980-е годы широкое распространение получил вахтовый метод.

На Севере Западной Сибири вахтовый метод работ применялся уже в 1960-е годы при разработке Правдинского, Мамонтовского, Шаимского нефтяных месторождений, но значительное распространение он получил с середины 1970-х годов. Если в 60-е годы он занимал в нефтедобывающей промышленности незначительный удельный вес и использовался только внутри региона, то во второй половине 70-х – 80-е годы изменились не только его объемы, но и характер. В начале 1980-х годов этим методом в нефтяной промышленности выполнялось более 30 % всех буровых работ, 26 % – геологоразведочных, более 43 % – строительно-монтажных²⁹. В середине 1980-х годов вахтовым методом работало уже около 130 тыс. человек (т.е. население среднего по величине города), или 20 % численности производственных коллективов³⁰. Наряду с использованием межрайонной вахты в 70–80-е годы широко применялась внутрирегиональная и межрегиональная вахтово-экспедиционная организация труда.

Итак, в районах нового освоения Севера Западной Сибири сложились три основные формы организации работы с использованием вахтового метода: внутрирайонная (межрайонная), внутрирегиональная и межрегиональная вахта.

Внутрирайонная вахтовая форма предполагала организацию работ в пределах района постоянного проживания работников. Она предусматривала перемещение вахтового персонала от базового населенного пункта к месту работы в пределах одного или двух административных районов. Применялась она тогда, когда было нецеле-

сообразно или невозможно из-за транспортных условий осуществлять ежедневную доставку работников к месту их работы и обратно.

Внутрирегиональная вахтовая форма представляла собой организацию работ сменным составом в пределах региона постоянного проживания работников. Перемещение вахтового персонала происходило в пределах одной-двух областей, находящихся в регионе хозяйственного освоения. Действие этой формы организации труда ограничивалось административными рамками Томской и Тюменской областей. Здесь происходило перемещение работников, живущих в южных районах областей, а также в зоне Среднего Приобья, на вахту в районы Приполярья и Заполярья.

Межрегиональный экспедиционно-вахтовый метод был связан с организацией труда вахтового персонала, постоянно проживающего за пределами региона. Данная форма позволяла использовать кадры отраслей специализации из других краев, областей, а также союзных и автономных республик, обладающих подчас переизбыточными трудовыми ресурсами. Таким путем частично решался вопрос дефицита кадров у геологов, нефтяников, строителей.

При различных формах вахтовой организации труда размещение работников в местах трудовой деятельности предполагалось осуществлять лишь на период, продолжительность которого определялась режимом труда и отдыха. Но в практике освоения нефтегазодобывающих районов Тюменской области нередко бывали случаи, когда поселки, имеющие статус вахтового, «обрастали» постоянным населением.

Вахтовый метод работ в 1970–1980-е годы широко применялся во всех отраслях нефтегазового комплекса: от разведки месторождений нефти и газа до их обустройства, транспортировки и переработки. Масштабы его использования в регионе постоянно возрастали.

Причины широкого использования вахтового метода организации работ были многообразны. Сама специфика нефтегазодобывающей отрасли, когда нецелесообразность строительства населенных пунктов вблизи каждого месторождения была очевидна, предопределяла поиск нетрадиционных форм организации труда.

Обосновывая необходимость применения вахтового метода, ведомства исходили из того, что сроки обустройства, выхода на проектную мощность и сроки эксплуатации месторождений углеводородного сырья зависели как от их запасов, так и заданных объемов

добычи. В связи с внедрением достижений научно-технического прогресса, а также ускоренными методами освоения, сроки эксплуатации месторождений значительно сокращаются. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в ряде случаев населенные пункты, создаваемые и для добычи газа, становятся ограниченно жизнеспособными. В этих условиях создание постоянных поселений вблизи каждого месторождения вряд ли целесообразно. Это неизбежно ведет к распылению материальных, финансовых средств, неэффективному использованию мощностей строительных организаций, рассредоточению их на огромной территории.

Другими объективными факторами, диктующими применение нетрадиционных методов освоения и форм организации труда, являлись природно-климатические условия региона. Это относилось, прежде всего, к районам Приполярья и Заполярья. Промышленное освоение в этой зоне предлагалось вести, «ориентируясь на периодическую смену пришлого населения», поскольку по медико-биологическим показателям территория Крайнего Севера была малопригодна для постоянного проживания.

Наряду с этими объективными факторами, обосновывающими необходимость использования вахтовой организации труда, были и субъективные, чаще всего продиктованные ведомственными интересами. Не случайно большинство исследователей основными причинами широкого применения вахтово-экспедиционного (межрегионального) метода называли большие объемы производства (в условиях ускоренной разработки и обустройства месторождений), для выполнения которых в регионе было недостаточно трудовых ресурсов, а также неразвитость социальной инфраструктуры. По утверждению социологов, зачастую ставка на экспедиционный метод привлечения работников из других регионов страны делалась для того, чтобы получить экономию затрат на жилищно-гражданское строительство в районах Севера ³¹. Эфемерная экономия на вахте через годы оборачивалась неразвитостью городов и рабочих поселков, необходимых для дальнейшего освоения ресурсов северных районов.

Разногласия в оценке вахтового метода вносили значительный разрыв в социальную политику освоения Севера. Это приводило к тому, что при всем размахе использования нетрадиционных методов освоения, они к середине 1980-х годов не вышли еще из стадии эксперимента, поскольку были организованы на основе временных

положений и не имели необходимого медико-биологического и правового обоснования. Отсюда – такой разницей в режимах труда и отдыха вахтовиков: сменность в разных коллективах была от шести дней до двух месяцев³².

В этих условиях вариантом дальнейшего освоения нефтегазодобывающих районов Севера Западной Сибири большинством исследователей был предложен такой метод, в котором бы рационально сочетались традиционный и вахтовый. При этом предпочтение отдавалось межрайонной и внутрирегиональной вахте.

В соответствии с выбранной стратегией промышленного освоения региона должна была создаваться и система расселения, которая включала опорный и базовые города, а также вахтовые поселки. Неоспоримым становилось и убеждение, что вахтовый метод работ северян возможен только при достаточно успешном развитии базовых городов, создания в них всего необходимого комплекса объектов социально-бытового и культурного назначения для организации полноценного труда и отдыха вахтовиков и членов их семей.

Опорными городами при применении внутрирегиональной вахты должны были стать Тюмень, Томск и Тобольск. Базовые города предлагалось располагать непосредственно на территории районов освоения, в зоне, пригодной для проживания. Они должны были стать основой хозяйственного освоения в режиме внутрирайонной вахты, центрами системы «базовый город – вахтовый поселок». Такие города находились в Среднем Приобье (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урай, Нягань, Когалым, Радужный, Лангепас). В Приполярье статус «базовых городов» получали Надым, Новый Уренгой, Лабитнанги, Ноябрьск. Роль последних возрастала по мере продвижения в районы Заполярья.

Вахтовые поселки были предназначены для размещения и социально-бытового обслуживания вахтового персонала на период их работы. Они располагались непосредственно в районах геологоразведки, нефти и газодобычи, т.е. вблизи объектов трудовой деятельности.

Следовательно, предложенная в 1980-е годы модель дальнейшего освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири не исключала использование мобильных форм организации труда. Напротив, она предполагала возрастание значения и более широкое использование внутрирегионального метода работ. В соответствии с

этой концепцией нежелательным становилось и использование межрегиональной вахты. Это мотивировалось разрушающим воздействием на здоровье человека резкой смены природно-климатических условий, связанной со сверхдальними географическими передвижениями и усложнением процессов адаптации и реадаптации (особенно это касалось вахтовиков, постоянно проживающих на Украине, Белоруссии, Поволжье)³³.

Важным компонентом социальной политики государства в районах освоения Севера Западной Сибири являлось обеспечение населению уровня жизни, который бы компенсировал негативные воздействия природно-климатических и экономико-географических факторов. Компенсирующую роль должна была выполнять, с одной стороны, социальная инфраструктура, а с другой – система льгот, которая во многом определяла уровень денежных доходов. Эта система рассматривалась в качестве дополнительного стимула, как для привлечения населения, так и его закрепления в РНПО. Таким стимулирующим фактором становится система районных коэффициентов. Ей отводилась роль компенсатора межрегиональных различий в стоимости жизни.

Уже на начальном этапе формирования Западно-Сибирского комплекса партийно-советские руководители Тюменской области обратились в Совет Министров СССР с просьбой о необходимости сохранения ранее существующих льгот в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, мотивируя необходимость принятия данного решения бурным развитием в крае нефтяной и газовой промышленности. В этих условиях сохранение в районах севера размера ранее предоставленных льгот, по их мнению, приобретало «особо важное значение».

Постановление Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г., определяя перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. о льготах для лиц, работающих в этих местностях и районах, относит к районам Крайнего Севера Ямало-Ненецкий округ, а к местностям, приравненных к ним, Ханты-Мансийский округ³⁴.

В соответствии с этими правительственными решениями стала широко применяться система районных коэффициентов к заработной плате. Если в южных районах Западной Сибири районный ко-

эффициент к основному окладу составлял 1,15, то в нефтегазодобывающих районах – 1,6-1,7 (в зависимости от территории).

Трудовое законодательство СССР (КЗОТ от 9 января 1971 г.) определило систему льгот в области труда для работников, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Она включала в себя надбавку к месячному заработку, размер которой возрастал с увеличением стажа непрерывной работы на Севере; предоставление дополнительного отпуска сверх установленных ежегодных отпусков: в районах Крайнего Севера – продолжительностью 18 рабочих дней, а в местностях, приравненных к ним, – продолжительностью 12 рабочих дней. Работникам, проработавшим в районах Крайнего Севера не менее 15 календарных лет, и в местностях, приравненных к этим районам, давались льготы при назначении пенсий. Пенсия назначалась мужчинам по достижении ими 55 лет, а женщинам – 50 лет³⁵.

Установление поясных коэффициентных надбавок (различных видов), в частности, северных, а также предоставление различных льгот играло, безусловно, позитивную роль в привлечении кадров в труднодоступные и тяжелые по природно-климатическим условиям районы Севера и закреплении их там. Вместе с тем обеспечивая привлечение значительного контингента рабочей силы, эти факторы, по утверждению большинства исследователей и специалистов, не решали проблему в целом и на перспективу. Кроме того, система северных надбавок была довольно сложна, дифференцирована по отдельным категориям работников, отраслям, территориям, что предопределяло объективную потребность в ее дальнейшей разработке.

Решающим фактором закрепления населения в районах промышленного освоения Западной Сибири должна была стать социальная инфраструктура. Именно она могла стать той социальной средой обитания, которая была призвана компенсировать негативные воздействия как внешней среды, так и сложных условий труда работников, занятых в ведущих отраслях нефтегазодобывающего комплекса.

¹ **Нефть и газ** Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т.1. С.199.

² Там же. С.435

-
- ³ Цитируется по: «**Исторический опыт** и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР». М., 1989. С.90.
- ⁴ Об организации подготовительных работ по промышленному освоению нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области: Постановление Совета Министров СССР 4 декабря 1963 г. // **Решения партии и правительства** по хозяйственным вопросам. М., 1965. Т.5. С.430.
- ⁵ **Государственный** архив Тюменской области (**ГАТО**). Ф.814оц. Оп.1. Д.3977. Л.6-10.
- ⁶ **Нефть и газ** Тюмени в документах. Свердловск, 1973. Т.2. С.266.
- ⁷ **Орлов Б.П.** Сибирь сегодня: проблемы и решения. М., С. 114; **Перцик Е.Н.** Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М., 1980. С.35; **Проблемы** развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск, 1983. С.96.
- ⁸ **Нефть и газ** Тюмени в документах. Т.2. С.266.
- ⁹ **Алексеев В.В., Ламин В.А.** Прометей сибирской нефти. Свердловск, 1989. С.194.
- ¹⁰ **Нефть и газ** Тюмени в документах. Т.2. С.52-53.
- ¹¹ **Аганбегян А.Г.** Западная Сибирь на рубеже веков. Свердловск, 1984. С.24; **Орлов Б.П.** Сибирь сегодня. С.115.
- ¹² **Славин С.В.** Освоение Севера. М., 1982. С.11.
- ¹³ **ГАТО**. Ф.814. Оп.1. Д.4153. Л.8; **Пашков Н.М.** Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987. С.163.
- ¹⁴ **Алексеева Г.И.** Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере. М., 1987. С.51; **Градостроительные** аспекты применения вахтового и экспедиционного методов освоения ресурсов в Западной Сибири. Ленинград, 1983. С.17.
- ¹⁵ **ГАТО**. Ф.814оц. Оп.1. Д.3947. Л.106.
- ¹⁶ **Белорусов Д.В.** Эффективность комплексного развития хозяйства в районах нового освоения. // Проблемы Севера. М., 1971. С.68.
- ¹⁷ **Градостроительство** на Крайнем Севере. М., 1969. С.61-62.
- ¹⁸ **Тюменская правда.** 1966. 22 июня, 5 июля; **Тюменская правда.** 1969. 17 апреля.
- ¹⁹ **Перцик Е.Н.** Город в Сибири. С.33.

-
- ²⁰ **Орлов Б.П., Харитонов В.Н.** Формирование пространственной структуры ЗСНГК // Известия СО АН СССР, Серия: Общественные науки. 1983. №11. С.30.
- ²¹ **Отрадно А.Н.** Экспансия социального пространства или опыт застройки Тюменского Севера. // Налоги, инвестиции, капитал. 2000. №5-6. С.59.
- ²² **Варшавский И.П.** Долговременные вахтовые поселки. // ЭКО. 1987. № 3. С.162; **Куцев Г.Ф.** Человек в Северном городе. Свердловск, 1987. С.115.
- ²³ **Варшавский И.П.** Долговременные вахтовые поселки. С.167.
- ²⁴ **Отрадно А.Н.** Экспансия социального пространства... С.59.
- ²⁵ **Орлов Б.П., Харитонов В.Н.** Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс в XI пятилетке. // ЭКО. 1985. №6. С.49.
- ²⁶ **Гаврилова Н.Ю.** Разработка социальной программы развития нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е годы. // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2001. №5. С.119.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ **Нефть и газ** Тюмени в документах. Т.1. С.392; Т.2. С.227.
- ²⁹ **Очерки истории Тюменской области.** Тюмень, 1994. С.226.
- ³⁰ **Аверин А.Н., Антропов Е.П.** Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С.76-77, 79.
- ³¹ **Куцев Г.Ф.** Человек в северном городе.—С.124.
- ³² Там же. С.115-116.
- ³³ **Аверин А.Н., Антропов Е.П.** Западная Сибирь... С.82-84.
- ³⁴ **Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.** М., 1968. Т.6. С.608-610.
- ³⁵ **Кодекс законов о труде РСФСР.** М., 1986. С.85, 250, 251.

**Нефтяной вектор индустриализации Югры:
приобретения и потери Северного округа.**

При всем обилии научных публикаций, посвященных промышленному освоению Тюменского севера, до сих пор остаются мало исследованными отдельные вопросы, без объяснения которых нельзя увидеть полную картину индустриализации северного края. Что и какой ценой приобрели, что потеряли Западная Сибирь, Тюменская область, ее северные округа в результате создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса? В данной статье предпринята попытка дать ответы на эти вопросы. Кроме того, в работе рассмотрена роль нефтяного фактора в развитии экономики и других сфер жизнедеятельности главного нефтедобывающего центра России – Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры.

В «стройке века» как в зеркале отразились сильные и слабые стороны советской экономики, о степени эффективности которой можно спорить, но однозначная оценка вряд ли уместна, учитывая, что «советская действительность была слишком сложна, подвижна и многомерна»¹. Эффективность советской модели во многом зависела от конкретной исторической ситуации и задач, которые из нее вытекали. Кризис научно-технической и экономической политики в 1970–80-е гг. стал следствием не только просчетов политиков, но и был связан с действием объективных факторов, прежде всего, с природой самой командной системы, которая могла эффективно работать только в постоянно напряженном, мобилизационном режиме. Однако в реальности она функционировала иначе, находясь в движении между двумя крайними точками – от стабильного, застойного состояния (1970-е – первую половину 80-х гг., как известно, публицисты называли «эпохой застоя», хотя стремительные темпы формирования ЗСНГК плохо «работают» на такую характеристику) до нестабильного, аварийно-мобилизационного состояния.

Распространение на политику освоения Севера общих приоритетов советской стратегии «строительства социализма», в том числе и такого ее ведущего звена, как индустриализация, происходило с боль-

шим запозданием в силу колоссальных затрат на освоение труднодоступных районов. До открытия промышленной нефти Тюменский север оставался огромным аграрным и слабо заселенным краем. В Ханты-Мансийском округе площадью свыше полумиллиона квадратных километров насчитывалось к 1960 г. всего 124 тыс. человек, практически отсутствовали транспортные коммуникации и городские поселения. Столица Югры – Ханты-Мансийск – оставалась единственным городом в округе. В промышленности ХМАО было занято 37 % трудоспособного населения. Её ведущие отрасли – рыбная и лесная – обеспечивали в начале 60-х гг. 88 % всей промышленной продукции округа².

С технической точки зрения промышленные предприятия отличались крайней отсталостью. Так, валка леса в начале 1960-х гг. была механизирована на 14 %, вывозка – на 9 %³. Среди недостатков в развитии рыбной промышленности округа областное руководство отмечало слабую береговую механизацию работ, перебои в обеспечении рыбаков промышленным снаряжением. Мелкие технические усовершенствования на рыбозаводах и лесопромышленных предприятиях ХМАО нельзя рассматривать как полноценную индустриализацию, так как они не изменяли в качественном отношении тип хозяйственного развития региона, базировавшийся на традиционных промысловых отраслях.

Будущее северного края связывалось с геологоразведочными работами на нефть и газ, которые возобновились после войны. Газовый фонтан в пос. Берёзово, полученный в результате аварии из опорной скважины в сентябре 1953 г., возвестил об открытии крупнейшей (как выяснилось позже) нефтегазоносной провинции СССР, стал началом новой эпохи в развитии северного края и страны в целом. После Березово была осуществлена радикальная перестройка геологоразведочных работ в регионе, многократно увеличены их объемы, что привело к открытию долгожданных нефтяных месторождений (искали именно нефть – значение природного газа долго недооценивалось руководством страны).

Пробная нефтедобыча, организованная в округе в 1964 г., принесла 209 тыс. тонн, вместо плановых 100. Это стало основанием для принятия решения о начале промышленной добычи нефти в Западной Сибири. Тем не менее, по утверждению Б.Е. Щербины, бывшего в 1961–1973 гг. первым секретарем Тюменского обкома КПСС,

«масштабы, темпы, география добычи нефти и газа были неопределенными на всем протяжении 60-х годов»⁴. Сомнения относительно Западной Сибири окончательно отступили только к концу восьмой пятилетки, когда ушли опасения, что для развития нефтедобычи в северном регионе потребуются слишком большие капиталовложения и непосильные объемы строительства.

11 декабря 1969 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». Окончательный выбор в пользу форсированного развития Тюменского севера обусловил стремительную концентрацию огромных ресурсов в новом нефтяном районе. В 8-й пятилетке капиталовложения в область составили 4,8 млрд. руб., в 9-й – 11,6, в 10-й – 23,6, в 11-й – свыше 40 млрд. руб.⁵. Поток финансовых и материальных ресурсов в регион нарастал и в последующий период.

В восьмой пятилетке (1966-70 гг.) в новых нефтегазодобывающих районах Тюменской области (фактически – в ХМАО, т.к. индустриализация Дальнего севера – Ямало-Ненецкого округа – началась в 9-й пятилетке) было построено 20 крупнейших промышленных предприятий, создана база строительной индустрии, опираясь на которую Главтюменнефтегазстрой более чем в 3 раза увеличил объем строительного-монтажных работ. В результате, в 1964–1970 гг. было введено в строй около 80 установок подготовки нефти, кустовых и дожимных насосных станций, 1200 км линий электропередач, 4500 км промысловых трубопроводов, 1000-километровый нефтепровод Усть-Балык – Омск, к которому были подключены 8 месторождений Среднего Приобья, что позволило начать круглогодичную добычу нефти. Природный газ по 735-километровому газопроводу Игрим – Серов стал поступать в промышленные центры Урала⁶.

Так, уже в годы восьмой пятилетки был создан второй по значению после Татарии нефтедобывающий район страны с объемом добычи нефти 31,4 млн. т (в 1970 г.). 28 млн. т обеспечили промыслы Ханты-Мансийского округа. Здесь было открыто 41 нефтяное, 34 газовых и 4 нефтегазовых месторождения с прогнозируемыми запасами в несколько млрд. тонн нефти и около 12 млрд. кубометров газа⁷.

В 1970-е гг. экономика Югры приобретает новые черты: наряду с разведкой, добычей и транспортом начинает осуществляться пере-

работка углеводородов на месте, создается большая электроэнергетика. В 1975 г. сдан в эксплуатацию первый из пяти запроектированных газоперерабатывающих заводов (ГПЗ) – Нижневартовский. В конце 1980 г. к нему добавился второй – Сургутский ГПЗ. Главными потребителями их продукции должны были стать мощные электростанции, работающие на газе. Создание такой технологической цепочки было оправданным и давно назревшим, так как проблема рационального использования попутного газа с нефтяных месторождений ставилась местными органами власти перед Москвой еще в 1960-е годы.

Стартовые условия в развитии региональной электроэнергетики были более чем скромными. В 1950 г. выработка электроэнергии в расчете на одного жителя Тюменской области была в 10 раз меньше, чем в среднем по стране. Основными источниками электроэнергии оставались энергопоезда и маломощные дизельные станции. После принятия директивными органами решения о промышленном освоении новых нефтяных и газовых месторождений перед энергетиками была поставлена задача создать за 5–7 лет надежную систему централизованного электроснабжения нефтегазового комплекса. Решение столь крупномасштабной задачи усложнилось большой удаленностью нефтегазовых районов от источников централизованного электроснабжения (700–1000 км), полным отсутствием транспортных путей круглогодичного действия.

В начальный период пришлось создавать малую энергетику. Как вспоминал главный энергетик объединения «Тюменнефтегаз» В.Г. Гришин, «дизельные электростанции, энергопоезда, первые линии электропередачи, подстанции сами проектировали и монтировали из подручного материала»⁸. Главные надежды связывались со строительством и пуском Сургутской ГРЭС, без которой нельзя было рассчитывать на большую нефть. Опыт энергетического строительства в стране показывал, что сроки сооружения электростанции в Сургуте должны быть увязаны с прокладкой туда железной дороги (Тюмень–Сургут) протяженностью 700 км. Использование водного транспорта считалось возможным лишь для выполнения работ подготовительного периода. Благодаря неординарным решениям сроки электроснабжения нефтегазовых районов были намного сокращены. В решение этой задачи были вовлечены многие институты, специализированные тресты, управления из Свердловска, Челябин-

ска, Перми, Новосибирска, Омска, Ленинграда, Одессы. По их рекомендации было принято смелое решение о сооружении Сургутской ГРЭС задолго до прихода железной дороги в Сургут.

Первый энергоблок электростанции вступил в строй в конце декабря 1971 г. (мощность – 210 тыс. киловатт-час), а в 9-й пятилетке суммарная мощность ГРЭС превысила 1 млн. 200 тыс. киловатт, в 11-й – 2 млн. 825 тыс. киловатт⁹. С созданием мощной Сургутской энергосистемы (ГРЭС-1 и ГРЭС-2 (1985 г.) дефицит энергетической мощности стал быстро снижаться. С середины 1987 г. направление перетока электроэнергии по межсистемным связям с Уралом сменилось на обратное с нарастанием его в последующие годы. Сургутская ГРЭС-2 стала самой мощной электростанцией России и одной из крупнейших в мире.

В середине 1980-х гг. ХМАО обеспечивал около 60 % добычи российской нефти, в 2008 г. выдал 56,8 % всего «черного золота» страны (277,6 млн. т). В целом на Западную Сибирь (ХМАО, ЯНАО (39,2 млн. т), Томская область (10,5 млн. т), Новосибирская (2,1 млн. т), Омская (1,5 млн. т) и юг Тюменской области (1,4 млн. т) пришлось в 2008 г. 68 % российской добычи нефти (332,3 млн. т)¹⁰. В связи со стремительным развитием нефтедобычи в Ханты-Мансийском округе появились нефте- и газоперерабатывающая промышленность, машиностроение, энергетика. Удельный вес ХМАО в общем производстве нефтепромыслового, бурового, геологоразведочного оборудования Тюменской области составил к началу 2000-х гг. почти 40 %.

Таким образом, за два десятилетия в Югре практически «с нуля» был создан гигантский топливно-энергетический комплекс мирового масштаба. Ничего подобного не знала ни одна другая территория бывшего СССР. Однако, отдавая должное стремительным темпам развития производства в районах нового промышленного освоения (РНПО), зарубежные сибиреведы всегда отмечали нерешенность многих социальных и производственных проблем. На процесс индустриализации большое влияние оказал фактор времени и стремление получить максимальный результат «малой кровью», т.е. экономя на всем, кроме основного производства. Никакие партийные постановления и решения о комплексном характере развития территории не могли изменить стойкую тенденцию, восходящую к политике Советского государства 30-х гг.: сначала завод – потом город, дороги, жилье, магазины, поликлиники... Многое делалось в «дого-

няющем» порядке. Интересы развития производства «любой ценой» заступали впереди не только человека, но и любого рационального расчета ¹¹.

Процесс урбанизации северного региона шел намного быстрее, чем планировалось, рост населения в городах, как и в далекие годы форсированной индустриализации СССР, заметно обгонял темпы жилищного строительства, социальной инфраструктуры в целом. В 1970–1990 гг. численность населения в Нефтеюганске увеличилась с 19,6 до 95,3 тыс. чел, в Нижневартовске – с 15,7 до 246 тыс., в Сургуте – с 34,1 до 255,8 тыс. человек. Многократным был рост населения и в других городах нефтяников ¹². К концу XX века в округе выросло 14 городов окружного подчинения (Белоярский, Когалым, Лангепас, Мегион, Нефтеюганск, Нижневартовск, Нягань, Покчи, Пыть-Ях, Радужный, Сургут, Урай, Югорск, Ханты-Мансийск), 2 города районного значения (Лянтор, Советский) и 24 поселка городского типа. Удельный вес городского населения в округе увеличился в 1965–1990 гг. с 27 до 90 %, а население в целом – в 9,2 раза ¹³.

Стремительная урбанизация при «экономии» на непроектированной инфраструктуре ЗСНГК не могла не породить многих социальных проблем. В 11-й пятилетке (1981–85 гг.) в городах ЗСНГК по ведомственным каналам распределялось до 90 % всех ресурсов, предназначенных на социальные нужды. Обеспеченность населения жильем, детскими учреждениями, школами, поликлиниками составляла от 50 до 85 % от нормативной ¹⁴. Не от хорошей жизни значительную долю в структуре потребления северян занимал алкоголь – свыше 19 %. На него тратилось больше, чем на мясные, молочные продукты, обувь и ткани ¹⁵.

Многие проблемы РНПО были порождены не только остаточным принципом финансирования социальной сферы. Были и другие причины. Ведомства не могли в должной мере организовать строительство новых поселений, так как ситуация напрямую зависела от развития производства, а производственные программы часто менялись уже в процессе их реализации. «В 1978 г. предприятиям Тюменской области неоднократно меняли отдельные показатели государственного плана, – говорил на XVII Тюменской областной партконференции первый секретарь обкома Г.П. Богомяков. – Более 10 поправок внес своим коллективам Главтюменнефтегаз, 21 раз ме-

нялся план на предприятиях Главтюменьпромстроя...»¹⁶. Этот же вопрос поднимали партийные руководители Тюменской и Томской областей на совещании партийно-хозяйственного актива (Тюмень, 06.09.1985 г.) в присутствии М.С. Горбачева, В.И. Долгих, Б.Н. Ельцина. «Еще перед началом пятилетки работники нефтяной промышленности ориентировали всех на то, что в Западной Сибири в 1985 г. будет добываться 340 млн. т нефти. Под этот уровень были спланированы объемы строительства, энергоснабжения, выпуска техники, утилизации попутного газа, обеспечения кадрами, социальное развитие, – говорил Г.П. Богомяков, – затем задание по приросту добычи неоднократно увеличивалось и с 40 млн. тонн возросло до 80 млн. т. Планы же смежных отраслей существенно поправлены не были»¹⁷.

Не изменилась ситуация и после 1985 г. «Как планомерно вести обустройство промыслов, – спрашивали в конце 1986 г. корреспонденты газеты «Социалистическая индустрия», – если проекты перекраивают каждый год»? В 1986 г. разработка Варьганского месторождения велась по проекту, рассчитанному на 19 млн. тонн нефти в год. А планом предусмотрено добыть на 3 миллиона тонн больше. Кто будет добывать эти 3 миллиона? Получается, что некая абстрактная рабочая сила, для которой не нужны ни столовая, ни бытовки, ни жилье (проектом они, естественно, не предусматривались)»¹⁸.

Задача взять природные богатства округа быстро, при минимально подготовленных условиях противоречила не только интересам самого производства, работников нефтегазового комплекса, но и интересам территории, народов Севера (к 1960 г. – около 15 % населения ХМАО). Ухудшение экологии и, в частности, загрязнение промысловых рек, сокращение охотничьих угодий и оленьих пастбищ сопровождалось политикой расселения древних северян (выражение Г.А. Аграната) в крупные поселки, ликвидацией сел и стойбищ, расположенных в лучших промысловых угодьях. Игнорировался уникальный многовековой опыт гармоничного сосуществования человека и северной природы. При этом в районы Севера завозилось непомерно большое количество спирта и водки. Их продажа производилась в розлив, без каких-либо ограничений, что вело к алкоголизации населения.

Если учесть экологический ущерб, нанесенный нефтяниками и газовиками Северу, то понятно, почему была неизбежной деграда-

ция уникальных отраслей хозяйства. Больше всего пострадало рыболовство в бассейне Оби. Рыбопромысловое значение потеряли более 30 крупных рек, десятки озер. Уловы рыбы в 1965–1990 гг. упали в Тюменской области более, чем на 40 %. Серьезный урон понесло оленеводство. В 1965–1990 гг. поголовье оленей снизилось по Сургутскому району в 1,5 раза, Нижневартовскому – в 2,1, в целом по Ханты-Мансийскому округу – в 1,4 раза¹⁹. В автономных округах было уничтожено 11 млн. гектаров оленьих пастбищ. Почти вдвое сократились объемы вылова промысловой пушнины²⁰.

Было бы неверно полагать, что разрушение уникальных отраслей Обского Севера связано только с деятельностью газовиков, геологов, нефтяников, однако они внесли решающий вклад в уничтожение рыбопромысловых и охотничьих угодий, оленьих пастбищ, в разгул браконьерства, разрушение всего хозяйственного уклада сибирского Севера. К примеру, геологические организации, при нормах отвода земель под буровые площадки 2,5 гектара, фактически занимали 10–15 га. Там, где раньше была буровая, оставалось выжженное пятно, где проторены тракторные колеи – глубокие овраги. Другой пример – доставка подразделениями Миннефтегазстроя на место строительства суперблоков весом в 300 тонн. После транспортировки водным путем еще несколько километров по тундре их тянули волоком несколько тяжелых тракторов до предстоящей площадки строительства. Ничего живого по трассе такой «дороги» не оставалось.

Сокращение объемов производства традиционных отраслей вынуждало национальное население свертывать промысел. «И дело не только в том, что в результате наступления цивилизации на Север, тундровик теряет свои промысловые угодья – источник его жизни и существования, ему наносится моральная и душевная травма, – говорил на тюменской конференции в 1990 г. секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС Т.Г. Харамзин. – Для северянина тайга и тундра нечто большее, чем место охотничьего и рыбного промысла, место для выпаса оленей»²¹. Комментируя проблему, известный тюменский философ Н.Д. Зотов писал так: «Предположим, я человек «территории», а именно – абориген. Причем абориген, не ослепленный посулами магнатов от ведомства, политиков и народных депутатов, но воспринимающий происходящее трезво. Есть ли у меня надежда на милосердие пришельцев – «покорителей»? Нет. И не потому, что они лично не милосердны, а потому что они часть

той силы, которая может проявить в ее существовании только так: наступая на тундру, на лес, на воду, на оленей, на меня, словом, на мою жизнь. Я не знаю, что эта сила называется «ведомством», я знаю только, что вот она, эта сила, на моей земле, что она не повернет, не отступит, и потому у меня и моих детей нет будущего...»²². Степень остроты конфликта между традиционной и индустриальной культурами свидетельствовала о том, насколько гармонично идет процесс промышленного освоения Севера.

В тени нефтяной осталась и старейшая в округе лесная промышленность. Хотя деревообработка получила новый стимул в связи со строительством железной дороги Ивдель–Обь, вдоль трассы которой были построены крупные леспромхозы, и производство древесины выросло в 1960–1985 гг. в 2,5 раза²³, глубокая переработка древесины так и не была налажена. Нефтяники, газовики, строители предпочитали завозить столярные и другие изделия из древесины со стороны, нежели вложить часть средств в организацию переработки ценнейшего сырья в местах заготовки. Огромная масса леса использовалась незначительно: на строительство лежневых дорог и оснований под буровые установки. После расчистки трасс под нефте- и газопроводы древесина затем гнивала.

Производственные мощности лесной промышленности с годами изнашивались и средства шли не на развитие отрасли, а на возмещение того, что выходило из строя. Необходимо было поддерживать ремонтную базу, дороги, связь, электрические сети, другие объекты. Большие средства требовались для замены устаревающей техники. Необходимость содержания производственной и социальной инфраструктуры при низких закупочных ценах на лес и высоких ценах на технику приводила лесопромышленные предприятия к убыточности. В 1990-е годы леспромхозы ХМАО находились в тяжелом положении, печальную картину представляли горы некогда заготовленного, но не вывезенного леса в районе г. Советского. В 1995 г. стал банкротом крупнейший леспромхоз ХМАО – «Комсомольский».

Динамика развития промышленности региона в 1970–80-е гг. в решающей степени определялась функционированием нефтегазового комплекса, вносившего специфические черты в характер экономического роста. Основные промышленные фонды Тюменской области в 1966–1985 гг. увеличились в 65 раз. В их структуре удельный

вес нефтегазовых отраслей вырос с 5,8 % в 1966 г., до 78 % в 1985 г.²⁴, 84 % – в 1990-м и 87 % – в 2001 г.²⁵. Индустриализация Югры имела еще более ярко выраженный нефтяной профиль. В Ханты-Мансийском округе на долю нефтедобывающего комплекса в структуре промышленности округа сегодня приходится почти 90 %. Поскольку и нефтегазовая, и лесная промышленность ХМАО сохраняют преимущественно сырьевой характер, усилилась зависимость края от поставок извне материалов, техники, оборудования и продовольствия.

При многократном увеличении объемов добычи нефти рост традиционных отраслей промышленности был сравнительно невелик. Надежды на то, что большие доходы от реализации нефти и газа дадут возможность финансировать традиционные отрасли, не оправдались. Центральные партийные и государственные органы, министерства и ведомства не собирались делиться доходами с территорией, располагавшей огромными богатствами.

По мере углубления системного кризиса в СССР все ошутимее становилось давление Москвы на главный нефтедобывающий район страны: нефть и газ должны были компенсировать падение эффективности советской экономики. Планы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) по добыче нефти, как показывали расчеты сибиряков, были невыполнимы. К началу 80-х гг. появились накопленные отставания в обустройстве новых месторождений, проблемы в переходе на механизированную добычу, в строительстве промысловых дорог, жилья, объектов соцкультбыта в районах освоения. Особенно тяжелое положение сложилось в Нижневартовске, Сургуте и Нефтеюганске. Но Москва не принимала никаких возражений территории. «Тюмень оценивают в первую очередь по тому, как добывается здесь нефть... Самая большая просьба и **требование ЦК** партии, Совета Министров СССР – обеспечить бесперебойное снабжение народного хозяйства нефтью...»²⁶. – Так закончил свое выступление перед делегатами XX Тюменской областной организации КПСС в декабре 1985 г. заместитель председателя Совета Министров СССР (в прошлом 1-й секретарь Тюменского обкома КПСС) Б.Е. Щербина.

Отмечая издержки промышленного освоения новых районов Севера, нельзя отрицать, что сделано было очень много. Открытие уникальных нефтяных месторождений в Среднем Приобье имело решающее значение для последующего развития Югры. При моби-

лизирующей роли государства практически «с нуля» создавались города и поселки, в пустынные районы пришла современная жизнь. Новый индустриальный центр значительно улучшил структуру топливно-энергетического баланса страны и самого региона, дал импульс развитию многих производств и технологий, кардинально изменил облик края. Однако, не подготовленное в должной мере освоение открытых богатств, последующая форсированная индустриализация и урбанизация региона имели неожиданные негативные последствия. Обратной стороной триумфальных темпов развития новых отраслей индустрии стало огромное количество нерешенных, затягивавшихся на десятилетия проблем и «узких мест». Пострадали в итоге и участники освоения, и производство, и территория, и коренное население.

-
- ¹ **Парамонов В.Н.** Инструментарий промышленной политики в советский период // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2009. С. 221.
 - ² **История** Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 2000. С. 380, 383
 - ³ Там же. С.410
 - ⁴ **Нефть и газ** Тюмени в документах. Т.2. Свердловск, 1973. С.266.
 - ⁵ **ГАРФ.** Ф. 5587. Оп. 18. Д. 2190. Л. 103.
 - ⁶ **Пашков Н.М.** Деятельность партийных организаций по созданию нефтегазового комплекса Западной Сибири. Томск, 1988. С. 41
 - ⁷ **Нефть Сибири.** М., 1973. С. 134, 139, 141.
 - ⁸ **Соратники:** поколение Виктора Муравленко // Сост. С. Великопольский и Ю. Переплеткин. Тюмень, 2002. С.148.
 - ⁹ **Тюменская область в цифрах за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.):** Стат.сб. Тюмень, 1986. С. 104-105
 - ¹⁰ **Коржубаев А., Эдер Л., Соколова И.** Почему падает добыча? // Нефть России. 2009. № 6. С. 11.
 - ¹¹ **Зубков К.И.** Индустриальное и социокультурное развитие Ямала в XX веке: типология северного освоения в российском преломлении // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С.132.
 - ¹² **Быковский В.А.** Нефть и газ Западной Сибири. Экономика и социальные проблемы. Екатеринбург, 2001. С.53.

-
- ¹³ **Карпов В.П.** История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. С. 309.
- ¹⁴ **Кондаков В.А., Ханыкин В.А.** Эволюция экономической жизни российского общества: социальные утопии и действительность. Тюмень, 1994. С. 92.
- ¹⁵ **Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П.** Уровень жизни населения Тюменской области в 1960-80-е гг. // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2009. С.18.
- ¹⁶ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп.216. Д.1. Л.15.
- ¹⁷ ГАСПИТО. Ф.124. Оп.239. Д.111. Л.15.
- ¹⁸ **Социалистическая** индустрия. 1986. 11 апреля.
- ¹⁹ **Карпов В.П.** Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс и социально-экономическое развитие региона // Западная Сибирь: Проблемы истории и историографии. Тез. докл. регион. научн. конф. Нижневартовск, 2000. С. 53
- ²⁰ **Харамзин Т.Г.** Обуздать экспансию министерств на тюменском Севере // Территория – ведомство – человек в Сибири. Мат. Всерос. научн. конф. Тюмень, 1991. С.3.
- ²¹ Там же. С. 4-5.
- ²² **Судаков А.В.** Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в конце 1950-х –середине 1980-х гг. // Автореф. дисс. канд. истор. наук. Сургут, 2005. С. 265-266.
- ²³ **Пашков Н.М.** Нефтегазовый комплекс Западной Сибири в системе народного хозяйства СССР // Нефть и газ Западной Сибири: Тез. сооб. V обл. научно-практ. конф. Тюмень, 1988. С. 21.
- ²⁴ **Статистический** ежегодник: Тюменская область – 2001. Тюмень, 2002. С. 96.
- ²⁵ **Главтюменнефтегаз:** 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях // Сост. С.Д. Великопольский. Тюмень, 2005, С. 14
- ²⁶ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 239. Д. 14. ЛЛ. 191.

**Роль капитального строительства в формировании
территориально-производственных комплексов.**

Колонизация Сибири русскими началась более 420 лет назад. Она происходила стремительно. Тем не менее, власть русского царя над сибирскими территориями до тех пор, пока она опиралась лишь на служилых и промышленных людей, оставалась не прочной. Даже усиление масштабов государственно-административного, принудительного и вольного заселения огромного пространства не сразу привело в русское подданство многие аборигенные народы. Гораздо большее влияние на них оказали успехи русских в хозяйственном освоении Сибири. Кроме сельского хозяйства со временем здесь все большее развитие получали торговля и промышленность. Сибирские купцы, первоначально разбогатевшие на торговле пушниной, со временем все больше средств инвестировали в различные промышленные промыслы. Кроме земельных ресурсов стали использоваться и многие другие. И все-таки отдаленность от центральной части России, отсутствие надежных транспортных коммуникаций сдерживали экономическое развитие региона. В Сибири так и не появилось предприятий, соответствующих по своим масштабам и техническому уровню лучшим фабрикам, заводам и шахтам Европейской России. Положение изменилось лишь с постройкой на рубеже XIX и XX вв. Транссибирской железнодорожной магистрали.

Инвестиционного проекта такого масштаба до этого никогда не реализовывалось не только в Сибири, но и в России. Он был тщательно проработан. Необходимость сооружения магистрали вызывалась не только задачами экономического развития огромной территории, но и в значительной мере военно-политическими соображениями.

Сооружение Транссиба началось в мае 1891 г. и в основном завершилось в 1905 г. сдачей в эксплуатацию последнего, Кругобайкальского участка. Общая длина железнодорожной линии Челябинск –

Омск–Иркутск–Хабаровск–Владивосток составила около 7 тыс. км. Для магистрали было заготовлено и уложено свыше 12 млн. шпал, около 1 млн. т рельсов и скреплений, до 1 млн. т кирпича и камня, перемещено свыше 100 млн. куб. м земли, построено мостов и тоннелей общей протяженностью до 100 км¹.

На стройке превалировал малоквалифицированный ручной труд. Численность занятых на сооружении магистрали и вспомогательных объектов достигала 84 – 89 тыс. чел.

Одновременно на всем протяжении трассы пришлось воздвигнуть сотни сложных инженерных сооружений. Некоторые из них, прежде всего мосты через крупнейшие сибирские реки Обь, Енисей, Иртыш, многосотметровые тоннели стали образцами инженерной мысли своего времени. Помимо собственно железной дороги потребовалось создать множество вспомогательных предприятий, без которых магистраль не могла функционировать

Постройка Транссиба создала необходимые предпосылки для социально-экономического и демографического развития Сибири. Привлечение рабочей силы на сооружение магистрали с предоставлением строителям немалых льгот заметно увеличило потоки переселенцев из Европейской части страны. Население края, на 3/4 увеличивающееся за счет механического притока, росло намного быстрее, чем в среднем по стране. Здесь в короткий срок возникли десятки новых городских поселений. В Восточной Сибири с 1892 по 1917 гг. сформировалось 10 городов и 18 поселков городского типа². Численность жителей в старооснованных городах, через которые прошла железная дорога, возросла в 1,5 – 3 раза, а то и более. Поистине феноменальные показатели демографического и экономического развития продемонстрировал Новониколаевск, выросший на пересечении Транссиба с Обью. Если в начале 1893 г. здесь насчитывалось чуть больше 100 человек, то в 1917 г. уже 71,7 тыс. чел.³

Еще во время строительства и начального этапа эксплуатации железной дороги произошло ускорение развития всего сибирского хозяйства. Оно охватило и обрабатывающую, и добывающую промышленность, и сельское хозяйство. За годы сооружения дороги крупные заказы получили существовавшие ранее промышленные предприятия. Одновременно создавались сотни новых. Если в 1894 г. в Сибири насчитывалось 143 фабрично-заводских предприятия с

6,5 тыс. рабочих, то к 1908 г. их число выросло до 460, а количество занятых на них рабочих до 18,5 тыс. чел.⁴

Реализация этого грандиозного проекта показала, какую огромную роль в экономическом и социальном развитии слабоосвоенных территорий может играть капитальное строительство. Быстрый рост городов и промышленного потенциала обеспечивали строители, призванные освоить нарастающий приток капиталов в Сибирь. Здесь стало появляться все больше профессионалов, специализирующихся на одном или нескольких видах строительных работ. Хозяйственный способ производства все больше сдавал свои позиции, и наоборот, повсеместно укреплялся подрядный способ. Поначалу большая часть подрядчиков ехала в Сибирь из Европейской части России.

Следующие крупные инвестиционные проекты, имеющие общегосударственное значение были реализованы в Сибири в годы Советской власти. Во время первых пятилеток мощный импульс индустриальному развитию региона придала реализация Урало-Кузбасского проекта. В военный период отраслевая структура промышленности сильно изменилась в связи с эвакуацией и восстановлением в Сибири более трех сотен заводов и фабрик.

Объемы капитальных вложений, вкладываемых государством в экономику региона, неуклонно возрастали. В годы первой пятилетки (1929 – 1932 гг.) их размер в сопоставимых ценах⁵ составил 791 млн. руб. Во второй пятилетке (1933–1937 гг.) и за 3,5 года третьей пятилетки (1938 – 1 полугодие 1941 г.) объемы инвестиций выросли примерно вдвое (1550 и 1528 млн. руб. соответственно)⁶.

Социально-экономическое развитие Сибири происходило в рамках планового социалистического хозяйства. Оно осуществлялось в полном соответствии с экономической политикой Коммунистической партии Советского союза и Советского правительства. При этом от пятилетия к пятилетию усиливалась централизация управления народным хозяйством. Структура экономики отдельных районов формировалась в соответствии с директивными установками центральных властей. Ими выделялись средства на сооружение индустриальных и иных объектов, определялись их параметры. В результате нового строительства и реконструкции особенно быстро росли основные производственные фонды предприятий крупной промышленности. Лишь за две первые пятилетки они возросли в 17 раз⁷. И эта тенденция сохранилась в годы третьей пятилетки.

В 1940 г. в Сибири насчитывалось уже около 119 тыс. предприятий. Большую их часть составляли предприятия мелкой промышленности⁸.

Индустриализация предопределила ускоренное развитие городского населения и, как следствие, большие объемы гражданского строительства. С каждой новой пятилеткой все больше административных, общественных зданий и жилых домов возводилось в каменном исполнении. Эти здания формировали новый облик административных и индустриальных центров Сибири. Однако, по-прежнему, большую часть жилья возводили индивидуальные застройщики.

В военный период в Сибири освоено 1970 млн. руб., а в четвертой пятилетке (1946 – 1950 гг.) – вдвое больше (3990 млн. руб.) В следующей – пятой пятилетке капитальные вложения в регион росли ещё более стремительно (9394 млн. руб.)⁹

В 1941–1945 гг. сибирские строители внесли весомый вклад в быстрый рост производственного потенциала региона, в перестройку экономики на удовлетворение нужд фронта. Финансовые, материальные, трудовые ресурсы, строительные материалы и оборудование концентрировались на восстановлении эвакуированных промышленных предприятий, сооружении и расширении заводов оборонной промышленности, а также на возведении объектов энергетики, черной и цветной металлургии, химической и фармацевтической промышленности, железнодорожного транспорта.

В первое послевоенное десятилетие наиболее крупные ассигнования вкладывались в угольную, металлургическую, химическую и в совершенно новую – атомную промышленность, а также в машиностроение и промышленность строительных материалов. При этом значительные средства были затрачены не на новое строительство, а на реконструктивные работы, достройку объектов начатых строительством во время войны и в довоенные годы, замену временных сооружений капитальными, а также на перестройку производства в связи с реконверсией промышленности. Инвестиции концентрировались на важнейших объектах строительства.

Таким образом, к середине XX в. экономический облик Сибири заметно преобразился. Добывающие отрасли промышленности, как и раньше, занимали ведущее положение. В то же время, здесь более ускоренными темпами развивались машиностроение, приборострое-

ние, радиотехника, различные производства оборонной промышленности, в том числе атомной.

Все это стало возможным благодаря сибирским строителям. Их численность увеличивалась в тесном соответствии с неуклонно возрастающими объемами работ. Одновременно расширялась и сеть государственных строительных и монтажных организаций, укреплялась их производственная база и техническая оснащенность. Уже к концу 1930-х гг. строительство стало самостоятельной отраслью народного хозяйства, имеющее центральные руководящие органы и промежуточные управленческие звенья в виде главных управлений. Строительная отрасль предназначалась для обеспечения потребности общества в разного рода производственных зданиях и сооружениях, жилым фонде, объектах культурно-бытового назначения. Уже в силу этого отрасль заняла важное место в системе общественного производства.

Новое крупномасштабное строительство базировалось на местной промышленности строительных материалов. В районах промышленного строительства сооружены сотни новых кирпичных заводов, введены новые мощности по производству извести, облицовочного материала. Но особенно быстро развивалась цементная промышленность. Лидерами этой отрасли в регионе стали Яшкинский и Чернореченский заводы. Кроме них в Сибири действовали Топкинский, Новокузнецкий, Тимлюйский, Ангарский цементный заводы.

Огромное значение для успешной инвестиционной деятельности в регионе имело нарастание объемов вырубki леса и производства пиломатериалов, поскольку дерево оставалось основным строительным материалом. Наличие практически во всех районах высококачественного леса являлось важным положительным фактором, благоприятствующим развитию капитального строительства.

Успешное решение задач послевоенного восстановления народного хозяйства позволило руководству страны, начиная со второй половины 1950-х годов, взять курс на ускоренное освоение восточных районов страны. В соответствии с ним в государственной политике КПСС и Советского правительства предусматривалось расширение фронта освоения природных ресурсов Сибири.

При этом изменилась стратегия экономического развития новых районов. На относительно компактных территориях реализовывались крупные народнохозяйственные проекты, имеющие общегосу-

дарственное значение. На основе использования основных видов природных ресурсов создавалась совокупность устойчиво взаимосвязанных производств различных отраслей экономики.

Первым опытом практического воплощения идей территориальной организации производства в виде ТПК стало создание Урало-Кузнецкого комбината, приведшее к формированию двух крупнейших территориально-производственных комплексов: Южно-Уральского и Кузнецкого. В последующие годы территориально-производственные комплексы формировались в ходе реализации крупных общегосударственных задач. Практическое воплощение в жизнь идеи создания опорных баз для интенсивного освоения ресурсов Восточной Сибири привело к появлению в 1940-е годы основных промышленных узлов Центрально-Красноярского и Иркутско-Черемховского комплексов.

Однако в их создании было много стихийности. Многие производства возникали в связи с нарастанием в стране потребности в той или иной промышленной продукции. При этом иногда возникали производства, которые уже имелись в соседних районах, а новые не имели никаких преимуществ перед уже существующими.

Положение стало заметно изменяться, в ходе решения Ангаро-Енисейской проблемы. В 1955 г. началось формирование Братско-Усть-Илимского ТПК, а позднее Саянского, Нижне-Ангарского и Верхне-Ленского территориально-производственных комплексов. Их созданию предшествовали многолетние крупномасштабные комплексные проектно-изыскательские и научно-исследовательские работы. На их основе создавались концепции социально-экономического развития отдельных территорий. В соответствии с ними уже в ходе практической реализации крупных проектов общегосударственного значения в хозяйственный оборот стремились вовлечь всю гамму основных природных ресурсов, и создавать лишь такие производства, которые способны функционировать с самой высокой степенью экономической эффективности. Формирование ТПК имело также важное социальное значение, поскольку преследовало цель создания прогрессивных систем расселения, обеспечения высокой культуры труда и быта местного населения.

Начиная со второй половины 1960-х гг. опыт создания территориально-производственных комплексов Ангаро-Енисейского региона был использован в Западной Сибири в процессе организации и раз-

вития основных баз по добычи нефти и газа. При этом шло формирование Средне-Обского, а затем Северо-Тюменского комплексов.

В каждый из вышеперечисленных комплексов государство вложило многомиллиардные инвестиции. В зависимости от того, в какой стадии формирования находились ТПК, какие промышленные и социальные объекты сооружались в них, изменялось соотношение в распределении капитальных вложений между Западной Сибирью и Восточной Сибирью.

В военные годы три четверти эвакуированных в Сибирь предприятий были размещены и восстановлены в западных районах этого региона. Поэтому и доля их в общем объеме капитальных вложений в Сибирь резко возросла по сравнению с предыдущими годами и составила 64 %, против 36 %, направленных в восточную часть. Но уже в трех последующих пятилетиях удельный вес Восточной Сибири в общем объеме инвестиции поднялся до уровня 43–44 %, а наибольшей величины он достиг в 1961–1965 гг. – 46 %.

В эти годы реализация Ангаро-Енисейского проекта шла как никогда интенсивно. Сооружались Братская и Красноярская гидроэлектростанции, несколько тепловых станций, строились Иркутский, Красноярский, Братский алюминиевые заводы, Братский и Красноярский лесопромышленный комплекс, Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, десятки других крупных промышленных предприятий. Но уже в восьмой пятилетке (1966–1970 гг.), с началом формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, соотношение в распределении капитальных вложений между западной и восточной частями сибирского региона стало неуклонно изменяться в пользу первой из них: с 44 % она снизилась до 28 % в 1986–1990 гг.¹⁰

С каждым пятилетием в Сибирь, в том числе в формирование новых территориально-производственных комплексов вкладывалось все больше средств. Для их освоения были организованы сотни строительных организаций. Строительство являлось одной из важнейших, динамично развивающихся подсистем ТПК, которая связывала воедино все составные звенья, предусмотренные программой формирующегося комплекса. От него напрямую зависели темпы и масштабы развития производственной сферы и социально-бытовой инфраструктуры каждого промышленного узла и населенного пункта.

Территориально-производственные комплексы формировались преимущественно на слабо освоенных в хозяйственном отношении

территориях с экстремальными природно-климатическими условиями. Часто они создавались вдали от крупных промышленных центров. Чрезмерно низкой была и плотность населения, что вызывало необходимость привлечения трудовых ресурсов из других районов страны. Всё это определяло особенности развития строительного комплекса, особенно на ранних этапах формирования ТПК. Дополнительные сложности создавала подчиненность новых строительных организаций различным ведомствам. Она существенно затрудняла обеспечение единого руководства инвестиционным процессом в рамках всего территориально-производственного комплекса или отдельного промышленного узла. Попытки местных властных органов скоординировать деятельность различных ведомств на конкретных территориях нередко наталкивалась на откровенное противодействие и в целом не давали заметных позитивных результатов.

Важнейшим условием функционирования строительного комплекса и реализации программ ТПК являлось первоочередное сооружение и развитие производственных баз. Их фундамент, как правило, закладывался в начальный период хозяйственного освоения территории. Эта задача решалась тем успешнее, чем больше согласованности было у различных застройщиков в ходе её развития. Так, основные параметры строительного комплекса в Среднем Приангарье наметились в принятом в 1956 г. специальном постановлении Совета Министров СССР о создании единой производственной базы для строительства Братской ГЭС, промышленных предприятий и гражданских сооружений в районе ее строительства¹¹. Этим постановлением определялось и создание строительного управления Братскгэсстрой (первоначально – Нижнеангаргэсстрой) Минэнерго СССР, ставшего основной общестроительной организацией Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса (БИТПК).

Производственная база стройиндустрии в Братске создавалась как постоянная отрасль промышленности в этом районе. Она включала в себя комплекс крупных предприятий, способных обеспечить всесторонние потребности строительства гидроузла, городов Братска, Железногорска и разнообразных по производственному профилю промышленных предприятий района. В период строительства Братской ГЭС было создано более 30 предприятий стройиндустрии. Среди них были заводы сборного железобетона, домостроения, деревообработки, различных стройматериалов, металлорежущих, сантехни-

ческих изделий¹². В 1964 г. объекты единой базы были в основном введены в эксплуатацию или находились в стадии завершения.

Высокая эффективность многолетнего функционирования единой производственной базы многократно подтвердила преимущества такого подхода. Лишь благодаря её наличию стали возможны высокие темпы капитального строительства в промышленных узлах, своевременный ввод в эксплуатацию крупных производственных объектов. Росту темпов строительства также способствовало постоянное совершенствование структуры управления и форм организации материально-технической базы. Созданная в г. Братске опорно-тыловая строительная база характеризовалась не только широким набором производств, но и обширным радиусом своего непосредственного влияния. Его продукция использовалась не только на территории БИТПК, но и за его пределами. Опорные базы позднее были сформированы в г. Усть-Илимске и Железногорске с учетом удовлетворения потребностей строек, в основном в бетоне и растворе.

Состав и основные параметры производственной базы стройиндустрии Саянского ТПК определило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 февраля 1971 г. «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края». Краевыми партийными и советскими органами был взят курс на разработку программ комплексного развития районных баз на основе их максимальной специализации и кооперирования с учетом полного обеспечения промышленного, городского и сельского строительства в сборных прогрессивных облегченных конструкциях и новейших эффективных строительных материалах. Разработкой таких программ занимались крупнейшие строительные и проектные организации Красноярского края. Однако с самого начала в основу создания и развития строительного комплекса Саянского ТПК был положен ведомственный принцип планирования и управления. Очень часто министерства, руководствуясь лишь своими интересами, сдерживали развитие строительного комплекса в отдельных районах, а вместе с ним и все социально-экономическое развитие отдельных территорий.

Так, в течение 1976–1982 гг. Министерство цветной металлургии СССР выделило по титулу Саянского алюминиевого завода 45 млн. руб. на создание строительной базы. Но большая часть этих средств была использована на возведение объектов стройиндустрии

в Красноярске, Ачинске, Абакане и Черногорске. В результате строители алюминиевого завода и города Саяногорска имели в своем распоряжении лишь один растворобетонный узел и небольшой арматурный цех. Даже такие инертные материалы, как гравий и песок, завозились на саянскую стройку из Ачинска¹³. В то же время, поблизости находилось мощное гравийно-сортировочное хозяйство Красноярскгэсстроя, используемое всего лишь на половину своих мощностей, но находящемся в другом ведомственном подчинении. Практически не велось создание районной базы стройиндустрии в Минусинском промузле, куда многие строительные конструкции и детали домостроения устаревших серий доставлялись из Абакана и Красноярска.

Также ведомственный подход превалировал в процессе создания производственной строительной базы Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Директивно его основы закрепило постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1979 г. «О развертывании работ по созданию КАТЭКа». В нем намечались конкретные меры по развитию мощностей отдельных предприятий с целью полного обеспечения строек КАТЭКа местными стройматериалами¹⁴. Но они выполнялись не полностью и не своевременно. Негативные последствия ведомственности в практике формирования Канско-Ачинского комплекса проявились довольно скоро. В первую очередь это выразилось в несвоевременной плановой и проектной подготовке производственных баз, недостаточном их финансировании. Так, в рамках программы создания строительной базы КАТЭКа с 1979 г. в г. Назарово велось сооружение керамзитового завода для поставок сырья на комбинаты крупнопанельного домостроения. Но лишь на завершающем этапе работ выяснилось, что сырьевая база была уже выработана. Поиск и разработка нового месторождения потребовали не только времени, но и дополнительных капиталовложений. Или другой пример. В 1970 г. красноярский институт ПромстройНИИпроект из-за отсутствия финансирования вынужден был прекратить проектирование базы стройиндустрии в Маклаковском промышленном узле в составе бетонного завода мощностью 150 тыс. куб. м, автобазы, предприятия специальных и монтажных работ¹⁵. Создание строительной базы началось здесь с большим опозданием. С 1979 по 1985 г. из 38 запланированных предприятий строительной индустрии было построено только че-

тыре¹⁶. Ежедневно на строящихся объектах комплекса требовалось не менее 1500 куб. м бетона, тогда как существующие мощности могли выдать только 600 куб. м. В течение первой половины 1980-х гг. не приступили к строительству таких важнейших объектов базы как деревообрабатывающий комбинат, асфальтобетонный и кирпичный заводы. Подобная практика оказывала отрицательное воздействие на темпы строительного-монтажных работ и ввод в действие объектов и предприятий. За первые три года формирования КАТЭКа по его энергетической части было освоено только 70 % выделяемых капиталовложений, по угольной части – 80 %¹⁷.

Повышению эффективности строительного комплекса мешало медленное освоение производственных мощностей предприятий стройиндустрии. Так, в 1982 г. на Красноярском комбинате строительных конструкций они были освоены по производству домостроения на 45 %; пиломатериалам – на 37 %; на Абаканском комбинате – на 49 %; Черногорском заводе железобетонных изделий – на 58 %. Еще более низким оставалось использование введенных мощностей на Шарыповском заводе крупнопанельного домостроения – 12%¹⁸. Основными причинами создавшегося положения являлись серьезные недостатки в организации производства, ввод ряда мощностей в эксплуатацию со строительными и монтажными недоделками, необеспеченность квалифицированными кадрами, низкая производственная и трудовая дисциплина.

Таким образом, весь ход формирования Саянского и Канско-Ачинского комплексов и ряда промышленных узлов сопровождался нарушением концепции опережающего выделения средств и первоочередного сооружения объектов строительной базы, что влияло на своевременное выполнение строительных программ ТПК.

Большое значение вопросам размещения предприятий строительной индустрии и промышленности строительных материалов отводилось в процессе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Первые ориентиры были заданы постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области»¹⁹. Постановление предусматривало опережающее развитие производственных строительных баз. Практически сразу после его принятия стали созда-

ваться строительные организации. Для удовлетворения их потребностей поначалу начали строить небольшие предприятия и полигоны по производству сборных железобетонных изделий и конструкций, столярных изделий, а также мастерских по ремонту строительной техники, гаражей и т.п. Одновременно в районы новостроек в больших объемах везли материалы и конструкции. И даже после того, как в районе были построены крупные предприятия по производству необходимых изделий, поток привозных железобетонных и металлических конструкций и промышленных материалов из других районов страны не уменьшался. Такое положение определялось стремительным, крупномасштабным ростом строительного-монтажных работ, а, следовательно, и столь же быстрым нарастанием потребности в различных материалах. Правительством страны перед министерствами, ведущими инвестиционную деятельность в этом регионе, ставилась задача в оптимальных пропорциях создавать межрайонные, крупные районные и небольшие местного значения предприятия производственной базы строительства в наиболее крупных городах комплекса. Поначалу они возникли в южных городах: Тюмени, Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Тобольске. Затем все больше объектов по производству строительных материалов стало размещаться в северных городах.

Таким образом, ещё на начальных этапах формирования сибирских ТПК создавалась производственная база, позволяющая строительным организациям выполнять возложенные на них задачи. Не менее важным была организация самих таких организаций, обеспечение их необходимой техникой и оборудованием, квалифицированными кадрами. Поскольку в пределах ТПК создавалось одновременно много различных производств, то в районах крупного сосредоточенного строительства действовали строительные организации разной ведомственной подчиненности. Чем больше организаций функционировало, тем сложнее было координировать их деятельность, тем дороже государству обходилось социально-экономическое развитие той, или иной территории. Каждый из трестов создавал свою собственную производственную инфраструктуру, поблизости друг от друга возникали объекты со схожими функциями. В условиях действовавшего в 1950–1980-х гг. хозяйственного механизма лучшие результаты достигались самыми мощными строительными подразделениями. Так, в Братско-Усть-Илимском ТПК более 80 % общего

объёма строительно-монтажных работ выполнял Братскгэсстрой, подчиненный Министерству энергетики СССР.

Сосредоточение в одних руках многопрофильной производственной базы, проектных подразделений, финансовых и других ресурсов позволяло проводить в масштабах комплекса единую строительную политику и обеспечивать более быстрое, чем в других районах сооружение промышленных и гражданских объектов. Наличие такой организации позволяло получить еще больший эффект от комплексной территориальной организации производств. В 1980 г., когда большие объемы работ выполнялись не только на Братской, но и на Усть-Илимской строительной площадках, в Братскгэсстрое трудилось более 62 тыс. работников. Управление было хорошо оснащено современной для того времени техникой. В нем насчитывалось 23 тыс. машин и механизмов, в том числе 446 экскаваторов различных типов и марок, 576 бульдозеров, 800 строительных кранов, 773 трактора, 7227 автомобилей. Уже к этому времени управление превратилось в организацию, умеющую строить все: гидроэлектростанции, линии электропередач, лесопромышленные комплексы, горно-обогатительные комбинаты, алюминиевые заводы, аэро- и речные порты, сельскохозяйственные объекты, современные города. За первую четверть века своего существования организацией выполнено строительно-монтажных работ на 5 млрд. руб.²⁰ Эта сумма составляет около 4 % от общего объема капитальных вложений освоенных в Сибири с 1956 по 1980 г.

Кроме Братскгэсстроя в Среднем Приангарье действовало еще три крупные строительные организации. Управление Ангарстрой специализировалось на сооружении железных дорог. Им построены железнодорожные линии Тайшет – Усть-Кут, Абакан – Тайшет, Хребтовая – Усть-Илимская, имевшие огромное значение для формирования БИГПК, обеспечения его необходимым сырьем, материалами, техникой и оборудованием, а также вывоза готовой продукции за пределы региона. Трест Братсклесстрой вел работы по строительству леспромхозов сначала в зоне Братского водохранилища, а позднее – аналогичных объектов в Усть-Илимском районе. Трест Братскводстрой, в связи с затоплением водохранилищами больших сельскохозяйственных площадей, проводил освоение новых земель, в основном на площадях компенсационного фонда.

Таким образом, в Братско-Усть-Илимском ТПК имелась головная строительная организация, соорудившая основную часть промышленных и гражданских объектов, заказчиками которых являлись самые разные министерства. Она имела возможность маневрировать ресурсами и техникой, и тем самым сохранять опытные квалифицированные кадры. Кроме неё в районе действовало ограниченное количество других, строго специализированных на определенных видах деятельности, организаций. Плановым органам при содействии местных советских и партийных властных структур удавалось увязывать выполняемые этими строительными организациями работы по объемам и срокам ввода в действия. Накопленный в Среднем Приангарье положительный опыт комплексного освоения территории своевременно обобщался и был хорошо известен. Однако в практике создания других комплексов Ангаро-Енисейского региона он использовался слабо.

Так, в Саянском ТПК строительство промышленных и гражданских объектов вело гораздо больше ведомств и подчиненных им подрядных организаций. Здесь действовали управление Красноярскгэстрой Минэнерго СССР, тресты и управления, подчиненные Главкрасноярскстрою Минтяжстроя СССР, а также многие другие. А вот такой координации и разграничения сфер деятельности различных министерств, которые имели место в БИТПК, не наблюдалось. Следствием стали многочисленные неувязки в процессе формирования промышленных узлов ТПК.

Наглядным примером может послужить строительство Саянского алюминиевого завода. Из 58,2 млн. руб., выделенных на сооружение завода, в 1976–1980 гг. было освоено всего лишь 42,2 млн. руб.²¹ Отдельные объекты строились медленно. Сроки их ввода в действие не выдерживались. На сооружение каждого их корпусов электролиза уходило более года, тогда как в Братске в год вводилось по два, а в 1968 г. даже 4 таких корпуса. Одной из основных причин медленных темпов строительства являлось отсутствие централизованного управления в лице специализированного треста, который бы координировал действия многочисленных подрядных организаций. Создание треста Саяналюминтяжстрой преследовало цель покончить с неразберихой, сосредоточив все проблемы стройки в одних руках.

Распоряжением Совета Министров СССР и приказом Минтяжстроя СССР в марте 1977 г. в системе Главкрасноярскстроя был образован комбинат Саянтяжстрой, который объединил шесть управлений и трестов, ведущих промышленное и гражданское строительство в Абакано-Черногорском и, отчасти, в Саяногорском промузлах. Первоначально это позволило улучшить распределение капиталовложений, трудовых и материально-технических ресурсов и ускорить сооружение объектов. Однако уже вскоре проявились и недостатки. Они стали следствием громоздкости созданной структуры управления. Возникшая система управления: комбинат – трест – строительное управление, с централизованными функциями в аппарате треста оказалась неработоспособной. Ликвидация многих хозяйственных функций и самостоятельности стройуправления фактически сняла ответственность с их руководства за экономические показатели работы. С другой стороны, взявший на себя эти функции трест не мог целенаправленно оказывать непосредственное воздействие на исполнителей в направлении повышения эффективности строительства. Все это привело к необходимости организации на базе трестов и комбината единого органа управления в лице производственного строительного-монтажного объединения Саянтяжстрой с сосредоточением у него всех материально-технических ресурсов. В дальнейшем, в целях скорейшего сооружения важнейших объектов ТПК, происходил выход отдельных трестов из объединения с непосредственным подчинением Главкрасноярскстрою.

Заметное воздействие на снижение эффективности строительного комплекса оказывала утвердившаяся в 1970-е гг. порочная практика планирования, финансирования и обеспечения проектно-сметной документацией строек ТПК. Из-за неритмичного финансирования строительство отдельных промышленных объектов периодически замораживалось и растягивалось на долгие годы. Нередко случалось и обратное, когда выделенные капиталовложения не подкреплялись проектно-сметной документацией и графиками поставки материалов и оборудования. Так, растянувшиеся сроки сооружения Абаканского вагоностроительного комплекса стали следствием, прежде всего, серьезных недостатков в практике финансирования. Если в 1971–1975 гг. Министерство тяжелого машиностроения СССР выделяло на его строительство малые объемы капитальных вложений, то в десятой – они увеличились в четыре раза, что создало дополнитель-

ные трудности в освоении средств из-за неподготовленности к этому строительных и монтажных организаций.

Все эти проблемы были заложены еще на рубеже 1950–1960-х гг. Уже в эти годы возобладало мнение, что в Сибири нужно развивать не только те производства, которые имеют здесь все необходимые предпосылки для эффективного функционирования, а практически все. Идеи «комплексности», являвшиеся основой Ангаро-Енисейской программы, усилиями местных партийных и советских властей постепенно заменялись идеями «всесторонности». Со временем происходил отход от стержневой проблемы программы – развития энергетики, как базы комплекса уникальных энергоёмких производств. Красноярский краевой, Хакасский областной комитеты партии, исполкомы местных Советов чрезмерно увлеклись погоней за обилием строительных площадок, не следили за качеством формирования планов по территории, за сроками возведения объектов. Только в первой половине 1980-х гг. на КАТЭЖе велось одновременное строительство от 140 до 230 больших и малых объектов²².

В планы капитального строительства включались стройки, не обеспеченные проектно-сметной документацией и пусковыми комплексами. Помимо несбалансированного планирования и инвестиционной политики, расширению «долгостроя» способствовала и неудовлетворительная работа строительных организаций. Систематически в течение 1975–1985 гг. не выполняла плановые задания крупнейшая организация региона – Главкрасноярскстрой. На ряде строек постоянно ощущался большой недостаток квалифицированной рабочей силы.

С середины 1960 гг. основным инвестиционным проектом стал нефтегазовый комплекс Западной Сибири. В экономической политике КПСС и Советского правительства он оказался приоритетным на долгие годы. Создание сети строительных организаций в этом регионе сочеталось с привлечением в него управлений и трестов из других районов страны, из уже сложившихся индустриальных центров. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. об освоении открытых нефтяных и газовых месторождений свои строительные подразделения в Тюменской области начали создавать Государственные производственные комитеты по газовой промышленности СССР, энергетики и электрификации СССР, по транспортному строительству СССР, а также Министерство свя-

зи СССР. Их основой становились отдельные подразделения, дислоцированные в других районах страны. Так Газпром СССР организовал в Тюмени, Сургуте, Усть-Балыке, Мегионе, Урае строительные управления и хозрасчетные специализированные участки от трестов Татнефтепроводстрой и Нефтепроводмонтаж, которые ранее дислоцировались в нефтяных районах Татарии и Башкирии. Кроме них свои подразделения перевел в Тюменскую область московский трест Союзпроводмонтаж²³.

Предстояло в короткие сроки пополнить их материально-техническую базу, резко увеличить кадровый потенциал. С целью привлечения и закрепления новичков в новых трестах, на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов для работников нефтяной и газовой промышленности и строительства установили высокий районный коэффициент к заработной плате в размере 1,7, предусмотрели и иные финансовые льготы.

Предварительно укрепив свои строительные подразделения техникой, оборудованием и кадрами, в феврале 1965 г. Газпром СССР организовал на их основе Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности – Главтюменнефтегазстрой. Уже в течение первых двух лет главк превратился в одну из крупнейших строительных организаций страны. К концу 1966 г. в нем насчитывалось почти 20 тыс. работников. В два следующих пятилетия прирост численности составлял примерно по 5 тыс. чел., а десятой пятилетке (1976–1980 гг.) прирост равнялся 12 тыс. чел., а общая численность производственного коллектива достигла 42, 6 тыс. чел.²⁴

Одновременно увеличивали мощности своих организаций и другие министерства. В 1966 г. началось сооружение железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут протяженностью более 700 км. Без налаживания надежной транспортной связи было немыслимо успешное освоение нефтяных и газовых месторождений. Министерство транспортного строительства взяло за основу будущего коллектива крупное подразделение Ангарстроя, ранее занятое прокладкой железнодорожной магистрали Абакан – Тайшет. Таким образом, в данном случае проявилась некая преемственность. Организация, которая до этого внесла большой вклад в развитие транспортных коммуникаций Ангаро-Енисейских ТПК, теперь помогала сооружению дороги в формирующиеся центры добычи нефти и газа в Западной Сибири.

Сюда же свои строительные подразделения направили организации Минтранса СССР, расположенные в Свердловске, Новосибирске, Москве²⁵. На их основе и возникла новая крупная организация – Тюменстройпуть. Для сооружения автомобильных дорог в районах нефтяных месторождений был образован трест Тюмендорстрой.

Весомый вклад в решение задачи формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса внес Главсибтрубопроводстрой, ведущий в условиях Крайнего Севера сооружение магистральных газо- и нефтепроводов и строительство мощных компрессорных станций. Поначалу трубопроводное строительство в Западной Сибири велось в основном экспедиционным методом трестами, базирующимися в других районах страны. Они перевозили в районы строительства технику, командировали работников, которые часто менялись. С ростом масштабов сооружения объектов по транспортировке углеводородов такой способ строительства стал чрезмерно затратным.

Созданный в июле 1973 г. Главсибтрубопроводстрой, объединил около 20 первичных строительных организаций, и за короткие сроки сформировал десятки новых. Таким образом, у трассовиков появился территориальный орган, который координировал работу всех трестов. Кроме этого он обеспечивал рост их производственной базы, снабжал необходимой строительной техникой и оборудованием, способствовал комплектованию трудовых коллективов кадрами, помогал решению социальных проблем и закреплению работников в подразделениях.

С появлением главка объемы строительного-монтажных работ стали расти еще более стремительно. В 1986–1990 гг. было введено в действие более 13 тыс. км трубопроводов, 35 новых компрессорных станций. Это, в свою очередь, потребовало соответствующего роста численности производственных коллективов. На начало 1987 г. функционировало уже 137 организаций. Количество работающих в них достигло 36,3 тыс. чел., в том числе – 28,5 тыс. рабочих и 4,6 тыс. высококвалифицированных инженерно-технических работников²⁶.

Также на базе разрозненных строительных подразделений Министрство промышленного строительства СССР создало строительного-монтажное объединение Тюменпромстрой. Фронт промышленного строительства в осваиваемых районах Западной Сибири нарастал. Поэтому позднее и эта строительная организация, была преобразована в Главное управление, ведущее в городах ЗСНГК не только

индустриальное, но и гражданское строительство. В качестве суб-подрядчиков на стройках комплекса использовались многочисленные организации Минмонтажспецстроя СССР. Их сеть в регионе также стремительно расширялась.

Как показала многолетняя практика социально-экономического развития Сибири, формирование новых территориально-производственных комплексов очень сильно сказывалось на развитии строительной отрасли в регионе, на изменении численности производственных подразделений, на географии их размещения. С 1956 по 1965 г. более высокими темпами росла сеть строительных организаций в Восточной Сибири, когда шло интенсивное формирование Ангаро-Енисейских ТПК. При среднем увеличении количества первичных подрядных организаций в Сибири на 39 %, в Восточной Сибири рост составил 62 %. Однако, уже в годы восьмой пятилетки ситуация коренным образом изменилась. И это произошло в связи с началом создания ЗСНГК. При среднем росте количества первичных организаций по Сибири в 1966–1970 гг. в полтора раза, в Тюменской области их число увеличилось в 2,7 раза, а в Томской области в 2,4 раза²⁷.

Каждая новая строительная организация создавалась для решения каких-либо созидательных задач, предусмотренных государственными планами и обеспеченных инвестициями, что определяло стабильность в развитии всей отрасли. По сравнению с пятой пятилеткой в шестой (1956–1960 гг.) капитальные вложения в Сибирь выросли вдвое и составили 19,2 млрд. руб., в седьмой пятилетке (1961–1965 гг.) в 1,5 раза и равнялись 29,3 млрд. руб. В это десятилетие их объемы росли более высокими темпами в Восточной Сибири. Доля этой части сибирского региона достигла, как уже отмечалось, максимальной величины – 46 %, а затем вновь начала неуклонно сокращаться. В каждом из последующих десятилетий в Сибирь вкладывалось все больше средств. В 1966–1970 гг. их размер составлял 40,8 млрд. руб., в 1971–1975 гг. – 62,1, в 1976–1980 гг. – 91,4, в 1981–1985 гг. – 126,1 и в 1986–1990 гг. – около 160 млрд. руб.²⁸

Большая часть из этих средств направлялась на создание в Западной Сибири нефтегазового комплекса. В СССР в 1980-х гг. одновременно реализовывалось несколько крупных народнохозяйственных проектов. Однако приоритет отдавался ЗСНГК. Как отмечал академик А.Г. Аганбегян, инвестиции в Западно-Сибирский нефте-

газодобывающий комплекс были эквивалентны Волжскому и Камскому автозаводам, Байкало-Амурской магистрали, «Атоммашу» вместе взятым. Такое финансирование позволяло сибирякам наращивать добычу органического топлива с такой скоростью, какой не знала мировая практика²⁹.

Чтобы выйти на уровень добычи нефти в 100 млн. т, Татарии понадобилось 25 лет. Западная Сибирь подошла к этому рубежу за 11 лет. В 1964 г. здесь был добыт 1 млрд. кубометров газа, а в 1980 г. – уже 155 миллиардов. Средства в ЗСНГК вкладывались огромные, но и отдача была фантастической. За 1976–1980 гг. государство вложило в этот комплекс 25 млрд. руб., а получило эффект близкий к 250 млрд. За 1981–1985 гг. инвестиции достигли 50 млрд., а отдача выросла до 450 млрд. руб.³⁰. Такая эффективность капитальных вложений позволяла правительству закрывать многие бреши в госбюджете. Вырученные от продажи нефти и газа средства позволяли поддерживать народное хозяйство в очень сложный для страны период, когда во многих отраслях промышленности зримо проявились застойные явления.

К сожалению, в финансировании «стройки века» явный приоритет отдавался производственной сфере в ущерб созданию нормальных условий жизни для тех, кто ее вёл. Ведомства зачастую рассматривали города и поселки как дорогое приложение к газо- и нефтепромыслам. Капиталовложения в строительство городов составляли лишь десятую часть от общего объема затрат на освоение крупных месторождений³¹. Таким образом, как и в ходе реализации других сибирских ТПК, здесь проявились те пороки государственной политики советского правительства и КПСС, которые роднят её с колониальной политикой. Центральная власть использовала уникальные ресурсы Сибири для решения общегосударственных проблем, мало заботясь об обустройстве региона, о создании достойных, благоприятных условий для проживания людей в районах нового промышленного освоения.

В целом с 1930 г. по настоящее время в Сибири и на Дальнем Востоке создано десять территориально-производственных комплексов (с северо-запада на юго-восток): Северо-Тюменский, Средне-Обский, Кузбасский, Норильский, Центрально-Красноярский (Канско-Ачинский), Саянский, Братско-Усть-Илимский, Иркутско-Черемховский, Западно-Якутский (Мирнинский), Южно-Якутский³².

Вклад сибирских ТПК особенно весом в общероссийское производство стратегических топливно-энергетических ресурсов, таких как природный газ (свыше 90 %), уголь (почти 3/4), нефть (70 %), электроэнергия (около 1/4), а также в выпуске важнейших видов энергоёмкой продукции: никеля и платиноидов (около 90 %), алюминия (свыше 80 %), кобальта и меди (более 60 %), целлюлозы, синтетических смол и пластмасс (свыше 1/4) и т.д.³³.

В течение двадцати последних десятилетий произошло изменение роли и значения отдельных комплексов в целом для народного хозяйства страны. Они во многом обусловлены глубочайшим, системным кризисом 1990-х годов. Экономика России стала в значительно большей степени зависеть от конъюнктуры мирового рынка. Резкое падение производства в обрабатывающих отраслях промышленности, и, в то же время, рост потребности мировой экономики в энергоносителях, привели к возрастанию спроса на нефть и газ и соответствующее увеличению цен. По этой причине более «молодой» Средне-Обский ТПК, благодаря огромным экспортным поставкам углеводородов намного превзошел по стоимости своей продукции аналогичные показатели уже относительно давно сформировавшихся Центрально-Красноярского (в 3,1 раза) и Иркутско-Черемховского (в 5,7 раза) комплексов (2002 г.). Значение Ангаро-Енисейских ТПК в хозяйственном комплексе России заметно снизилось.

Следует заметить, что нынешняя официальная статистика учета объемов промышленной продукции и экспорта очень сильно занижает показатели Сибири, вследствие учета значительной их части по месту регистрации компаний, добывающих сибирские ресурсы, а также по ряду других причин. Если же учесть действие этих факторов, то получится, что производительность труда в промышленности сибирских ТПК была в 2002 г. выше аналогичного среднесибирского показателя в 1,8 раза, общероссийского – в 4,3 раза³⁴.

Фактически Сибирь и, в первую очередь, её территориально-производственные комплексы, «кормят» страну. Самыми крупными донорами федерального бюджета являются Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский край, Кемеровская и Иркутская области. Это те субъекты, экономика которых составляют предприятия территориально-производственных комплексов. Общий объём доходов, перечисленных сибирскими регионами в 2002 г. в федеральный бюджет в 4,4 раза превышал сумму, выде-

ленную им из этого бюджета в качестве финансовой помощи (дотаций, субсидий и субвенций). Как уже отмечалось, сибирские ТПК в значительной мере специализируются на производстве сырья и полуфабрикатов, которые оцениваются недостаточно высоко. В них же ввозится дорогая готовая промышленная продукция и продовольствие. В результате происходит неэквивалентный обмен, который особо зримо проявился в постсоветское время.

Подводя некоторые итоги создания и деятельности строительного комплекса в районах формирования сибирских территориально-производственных комплексов, отметим, что по своему производственному потенциалу и вкладу в хозяйственное развитие огромного региона он стал одним из ведущих в стране. Накопленный производственный потенциал позволял строительным организациям осваивать многомиллиардные инвестиции, сооружать самые сложные производственные объекты, возводить новые города и поселки. К сожалению, в постсоветское время полностью его сохранить не удалось. В частности, в условиях экономического кризиса, потеряв крупные заказы, прекратила своё существование одна из лучших строительных организаций Сибири – строительное специальное управление Братскгэсстрой.

Но и в советское время возникало немало проблем в деле организации и функционирования подрядных управлений и трестов. Одной из главных причин неэффективной работы отдельных звеньев строительного комплекса сибирских ТПК являлась ведомственная разобщенность, которая не позволяла привести в соответствие районирование деятельности строительных организаций с социально-экономическими тенденциями развития конкретных территорий. Эти проблемы стали быстро нарастать со второй половины 1970-х гг., но особо зримо проявились в следующем десятилетии. В этот период показатели эффективности использования капитальных вложений и других ресурсов заметно снизились. Сказалось отставание в развитии вспомогательных и обслуживающих производств, а также социальной инфраструктуры. В территориально-производственных комплексах Восточной Сибири произошел разрыв в завершающемся и вновь начинающемся строительстве. Следствием стало падение общих темпов роста общественного производства и строительства в частности.

И, тем не менее, за несколько послевоенных десятилетий трудом сибиряков, и в первую очередь, строителей на ранее слабоосвоенных территориях построены новые города и поселки, созданы высокоэффективные многопрофильные производства, являющиеся основой экономики не только сибирского региона, но и всей России.

-
- ¹ **Рабочий** класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 172.
 - ² **Воробьев В.В.** Города южной части Восточной Сибири. Иркутск, 1959. С. 147.
 - ³ **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С. 281, 282.
 - ⁴ **Рабочий** класс Сибири в дооктябрьский период. С. 175.
 - ⁵ В качестве сопоставимых цен приняты цены на 1 января 1984 г.
 - ⁶ **Капитальное** строительство в СССР. Стат. сб. М., 1986. С.235-237.
 - ⁷ **Рабочий** класс Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1982. С. 219
 - ⁸ **Рабочий** класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 22.
 - ⁹ **Капитальное** строительство в СССР. Стат. сб. М., 1986. С.235-237.
 - ¹⁰ Рассчитано по данным: **Капитальное** строительство в СССР. Стат. сб. М., 1986. С.235-237; **Российский** статистический ежегодник. М., 1994. С. 723.
 - ¹¹ **Братская ГЭС.** Сборник документов и материалов. Т. 1. Иркутск, 1964. С. 116-119.
 - ¹² **Гидроэнергетика** и комплексное использование водных ресурсов СССР. М., 1982. С. 164.
 - ¹³ **Красноярский** рабочий. 1983. 14 мая.
 - ¹⁴ **Цыкунов Г.А.** Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991. С. 15.
 - ¹⁵ **Российский** государственный архив экономики (**РГАЭ**). Ф. 63. Оп. 1. Д. 1244. Л. 45.
 - ¹⁶ **Красноярский** рабочий. 1986. 13 окт.
 - ¹⁷ **Центр** хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (**ЦХИДНИКК**). Ф. 26. Оп. 75. Д. 34. Л. 137.
 - ¹⁸ **Цыкунов Г.А.** Ангаро-Енисейские ТПК. С. 19.
 - ¹⁹ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. М., 1968. С. 432-433.

-
- ²⁰ Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988. С. 56, 106.
- ²¹ Советская Хакасия. 1981. 22 янв.
- ²² Красноярский рабочий. 1986. 13 окт.
- ²³ Возняк В.Я. Проблемы экономики строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. М., 1983. С.28.
- ²⁴ Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С.122.
- ²⁵ Возняк В.Я. Проблемы экономики строительства ... С. 31.
- ²⁶ Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1987. С.11, 15, 74.
- ²⁷ Долголюк А.А. Численность строительных организаций Сибири и их мощность в период 1946–1970 гг. // Архитектура и строительство Сибири. 2003, № 12. С. 18-19.
- ²⁸ Рассчитано по данным: Капитальное строительство в СССР. Стат. сб. М., 1981. С. 235-237; Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 723. (В сопоставимых ценах на 1 января 1984 г.).
- ²⁹ Аганбегян А., Ибрагимова З. Сибирь не понаслышке. М., 1984. С. 59.
- ³⁰ Там же. С. 60.
- ³¹ Карпов В.П. Стратегия освоения нефтегазовых ресурсов Ямала в 1960–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Вып. 2. 2009. С.67.
- ³² Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны. Новосибирск, 2008. С.71.
- ³³ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М., 2003. С. 487; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. М., 2003. С. 216.
- ³⁴ Азиатская часть России... С. 74.

**Советский опыт изучения и освоения Арктики
в разработке современной стратегии.**

Арктика в XXI в. стала одним из центров притяжения мировой политики и экономики. Происходящие там процессы интересуют всё большее число стран и не только приарктических. В значительной степени это создаёт угрозу национальным интересам России, которая за последние десятилетия ослабила внимание к своим северным территориям и теперь ей необходимо доказывать свои предыдущие достижения. Поэтому изучение исторического опыта государственной деятельности в Арктике представляет несомненный интерес.

Раздел Арктики на национальные сектора стал происходить сто лет назад. В начале XX в. Канада и Дания заявили о своих претензиях на территории к северу от национальных границ. Российская империя объявила о принадлежности земель и островов в районе, прилегающем к её арктическому побережью, в ноте Министерства иностранных дел 20 сентября 1916 г., которой в начале своей государственной деятельности руководствовалось и правительство СССР. 15 апреля 1926 г. границы были уточнены принятием постановления Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», в котором обозначалось, что все земли и острова, открытые и ещё не открытые в секторе, прилегающем к северному побережью страны до Северного полюса, принадлежат СССР. С запада и востока границами являются меридиальные линии, проведенные к точке Северного полюса от крайней северо-западной точки тогдашней материковой территории СССР (полуостров Рыбачий) и от линии разграничения между Россией и США в Беринговом проливе. Во времена СССР так называемый «русский треугольник» в Арктике занимал около 7 млн. кв. км, не считая материковой части арктической зоны, находящейся к северу от Полярного круга.

До сих пор данные принципы открыто практически никем не оспаривались. Но с 1990-х гг., с ослаблением внимания России к сво-

им арктическим владениям, постоянно предпринимались попытки со стороны других государств пересмотреть уже сложившуюся картину взаимоотношений в Арктике: изменить границы, добиться расширения своего экономического присутствия в районах Севера, интернационализировать Северный морской путь и в конечном итоге потеснить Россию в регионе.

Со стороны стран, входящих в НАТО, проявлялась активность в усилении своего военного присутствия. В частности в США принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны на Аляске в Барроу и в Номе, рассматривались возможности обеспечения постоянного присутствия в Арктике авианосной группы и выделения дополнительных патрульных кораблей. Пентагон наращивает усилия по противолодочной обороне и обеспечению глубоких десантных операций. В войска стали поступать специальные адаптированные для действий в суровых климатических условиях вертолеты «Блэк Хок». В арктическом секторе государственной границы и на приграничной территории Российской Федерации отмечается активизация деятельности спецслужб США и их союзников по НАТО с использованием многоцелевых подводных лодок и разведывательных самолётов, оснащенных новейшими радиотехническими средствами.

К ведению разведки привлекаются научно-исследовательские суда Норвегии, используются различные международные неправительственные организации, в особенности экологические. Присутствие иностранных исследователей отмечается в районах архипелага Новая Земля и в Белом море. В Норвегии пытаются изменить демилитаризованный статус Шпицбергена, заявлено о разработке концепции применения национальных вооруженных сил в Арктическом регионе. Евросоюз в целом наращивает военное присутствие в Арктике, объясняя это необходимостью совершенствования европейской политики безопасности, в том числе и на северном направлении. Канада объявила о своих планах создания к 2012 г. арктических военно-морских сил, включающих 6–8 кораблей ледового класса. Годовой военный бюджет, где арктическая часть названа приоритетной, планируется увеличить с 18 до 36 миллиардов канадских долларов.

Можно ещё перечислить множество подобных действий различных стран, делающих попытки обозначить свои интересы в Арк-

тике. Россия обязана адекватно реагировать на ситуацию, усиливать свои позиции. По крайней мере, постараться не утратить того, что имелось во времена СССР. По сути дела это является достижением многих поколений россиян за несколько столетий.

Некоторые действия и решения российского правительства в 1990-е гг. уже породили противоречия, которые необходимо преодолевать. Например, присоединение России в 1997 г. к Конвенции ООН по морскому праву, согласно которой Россия может претендовать в Арктике лишь на 200-мильную экономическую зону. В 2001 г. российское правительство попыталось доказать своё владение более значительными территориями в Арктике, обратилось в комиссию ООН по границам континентального шельфа с предложением закрепить за ней арктические пространства, которые числились российскими с 1926 г. Но для доказательства этого положения необходимы дорогостоящие исследования, подтверждающие то, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением и составной частью шельфа евразийского материка, на котором расположена Россия.

Все чаще высказываются мнения о том, что транспортные пути в Арктике в рамках всех национальных секторов должны иметь интернациональный характер эксплуатации. Идёт подготовка к созданию международных консорциумов по управлению движением по морским и воздушным трассам с преобладанием иностранного капитала, что делает проблематичным российский контроль в Арктике, в том числе и в районах исторически национальной принадлежности, богатых нефтью, газом и газовым конденсатом, а также рыбой и морепродуктами. В 1990-е гг., открыв Северный морской путь для иностранных судов, Россия ослабила контроль за происходящим в Арктике. Теперь необходимо возвращать утраченные позиции.

Это, по-видимому, в достаточной мере осознается российским правительством. На укрепление позиций Российской Федерации в Арктике направлено в первую очередь возрождение Русского географического общества, которое планирует проводить крупные международные мероприятия различного ранга, которые могли бы на общественно-политическом уровне обозначать стратегические и практические действия России в арктической зоне.

Активное обсуждение проблем Арктики и Северного морского пути происходило в последнее десятилетие на заседаниях Совета Безопасности Российской Федерации. 17–18 сентября 2008 г. с участием Президента страны Д.А. Медведева был принят и утвержден важный стратегический документ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу», в котором намечены ключевые направления обеспечения национальных интересов и безопасности России со стороны северных границ. В нем говорилось, что приоритетами Российской Федерации в арктическом регионе являются активное освоение природных ресурсов, развитие транспортной и пограничной инфраструктуры, а также информационно-телекоммуникационной среды¹.

Таким образом, в государственной политике России обозначается, что Арктика по-прежнему важна для страны и должна стать со временем её основной стратегической и ресурсной базой. Для этого необходимо уже сейчас обеспечивать защиту национальных интересов на континентальном шельфе и на просторах океана, снизить диспропорции в уровне развития арктических территорий по сравнению с другими регионами России, учитывать при этом интересы коренных народов Севера и требования экологической безопасности. Концентрация внимания на комплексе приоритетных направлений сможет обеспечить быструю и ощутимую экономическую и социальную отдачу, укрепить национальную безопасность государства в Арктике.

Советом Безопасности с участием многих министерств и ведомств, аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, Российской академии наук уже к концу 2009 г. был разработан план мероприятий по реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу», в котором на основе принципов стратегического планирования определены направления, важные для развития страны, запланированы серьезные финансовые ресурсы для выполнения государственной программы освоения региона, в рамках которой будут координироваться уже действующие целевые программы.

В плане мероприятий намечены также этапы реализации масштабной арктической программы. В 2010 г. планируется проведе-

ние геолого-геофизических, картографических и других исследований по подготовке материалов для обоснования внешней границы Арктической зоны России. Необходимо доказать, что, в частности, подводные хребты Ломоносова и Менделеева – это продолжение российского континентального шельфа, а значит и территории России. До 2015 г. планируется завершить международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны РФ, что обеспечит конкурентные преимущества России по добыче и транспортировке энергетических ресурсов. На третьем этапе до 2020 г. арктическая зона превратится в ведущую стратегическую ресурсную базу страны.

Реализация данной государственной программы вполне может позволить России сохранить роль ведущей арктической державы. Однако в связи с проблемами международного экономического кризиса сроки уже стали корректироваться. Окончание работ, намеченных в рамках первого этапа, пришлось сдвинуть на два года. Вместе с тем, промедление может очень дорого стоить.

Исторический опыт свидетельствует: чтобы добиться успехов в Арктике, надо там присутствовать, сконцентрировать усилия на главных стратегических направлениях, как было сделано в 1920-е – 1930-е гг. Возможно принять мобилизационное решение, подобное постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 17 декабря 1932 г. «Об организации Главного управления Северного морского пути», в котором ставилась конкретная задача: «Проложить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути»².

Этим решением не только намечалась цель, но и обеспечивалось её достижение. Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть) в 1930–1950-е гг. стало многофункциональной государственной организацией в Арктике, которая осуществляла плановое руководство хозяйственным освоением обширной территории заполярных районов СССР. Особенностью деятельности Главсевморпути как органа государственного управления являлся его комплексный характер, выражающийся в соединении в одной системе научных, транспортных, промышленных и торговых функций, а также специфических задач по развитию традиционных отраслей

хозяйства и социально-культурному строительству в районах расселения коренных народов Севера.

Конечно, нельзя слепо копировать опыт почти восьмидесятилетней давности, но без сомнения, решение крупной национальной задачи, каковой и является освоение российской Арктики, требует больших средств и усилий, а также концентрации внимания государственной власти в выделении приоритетов. Вполне реальным действием может оцениваться проект создания государственных координационных органов управления развитием арктических территорий, которые смогут объединить усилия различных субъектов в решении северных проблем.

В советский период организовывались широкие мероприятия по гидрографическому изучению морей Арктики, развитию плаваний во льдах, строительству портов и полярных станций, проведению ледовых экспедиций. Развивалась полярная авиация и создавался мощный ледокольный флот. Целый комплекс государственных мероприятий, проведенный в рамках мобилизационной политики, в короткие сроки дал масштабные результаты. Уже к 1940 г. Северный морской путь превратился в водную магистраль страны, плавание по которой перестало иметь экспедиционный характер.

Активная деятельность советского государства на Севере способствовала его социально-экономическому развитию. Уже в конце 1930-х гг. здесь появились «очаги» индустрии, которые создавались, во-первых, в портовых городах, требовавших соответствующей промышленной инфраструктуры. Возможность сбыта продукции диктовала здесь строительство перерабатывающих предприятий: лесопильных и рыбоконсервных заводов, горнодобывающих и лесоперерабатывающих комбинатов. Во-вторых, открытие месторождений полезных ископаемых, представляющих ценность для народнохозяйственного комплекса СССР, так же могло быть основанием для рождения индустриального «очага». В этом отношении наглядным примером является создание Норильского промышленного комплекса и города Норильска, которое началось в 1935 г. в связи с разработкой открытых на Таймыре месторождений полиметаллических руд.

Геологические изыскания в районе Норильска уже в конце 1920-х гг. подтверждали его большую промышленную значимость. Здесь крупные угольные месторождения, открытые экспедициями 1922–1924 гг., соседствовали с залежами полиметаллических руд. Это

делало район Норильска с промышленной точки зрения очень перспективным. С организацией Главсевморпути Норильская геологоразведочная экспедиция стала получать большую помощь и поддержку. В частности в навигацию 1933 г. в Норильскую тундру Южно-Таймырской речной экспедицией были доставлены тракторы, тягачи, вездеходы. Это намного облегчило буровые работы и в целом геологоразведку. Например, за лето 1933 г. вездеходы уже смогли перевезти около трёх тысяч тонн грузов и прошли около семи тысяч километров по северной части Таймырского полуострова, заминив 243 оленей и 442 собак³.

К 1934 г. геологи, возглавляемые Н.Н. Урванцевым, произвели первый ориентировочный подсчет полезных ископаемых по никелю, кобальту, углю. Этот подсчет утвердила Центральная комиссия по запасам полезных ископаемых при ВСНХ СССР. Начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт, придавая решению Норильской проблемы большое значение, 17 апреля 1935 г. подготовил докладную записку в ЦК ВКП(б), в которой писал, что Норильское месторождение по мощности запасов никеля и платины является столь же важным, как и Колыма для золотопромышленности, «с теми же преимуществами по насыщенности ценными металлами (никель, платина, кобальт, палладий) и такими же трудностями по их освоению»⁴.

О.Ю. Шмидт утверждал, что, несмотря на трудности северного освоения, для развития Норильского промышленного района есть и целый ряд экономически благоприятных факторов, не говоря уже о политических. Здесь на небольшой площади сконцентрированы высококачественные руды полиметаллов, уголь, большое количество проточной пресной воды, стройматериалы (известь, песок, глина) и флюсы (кварцевые песчаники). Кроме того, природные условия месторождений и высокая концентрация в них нужных элементов дают возможность применять самые эффективные методы и технологии разработок. Предлагалось начать сооружение горнометаллургического комбината в Норильске с весны 1936 г. в три очереди с окончанием в 1940 г. Предложения начальника Главсевморпути были приняты. Вскоре последовало решение правительства о начале строительства в Норильске.

Важное место в народнохозяйственном комплексе СССР в 1930-е гг. занимало развитие золотодобывающей промышленности на азиат-

ском Севере. Вначале ведущая роль принадлежала золотым приискам Якутии, затем золотоносные месторождения стали разрабатываться в Колымо-Индигирском районе. Здесь в 1928–1934 гг. работали около 75 геологических экспедиций и партий, которые выявили свыше 200 золотоносных ключей и речек, до 20 крупных месторождений золота и олова, а также угля и других полезных ископаемых. Первенцами золотодобывающей промышленности на Колыме стали построенные к 1937 г. рудник «Кинжал» и Утинская опытная обогатительная фабрика. В 1940 г. в бассейне Колымы было добыто 80 т химически чистого золота, удельный вес его в общей золотодобыче СССР составил 46,3 %. Колыма уверенно вошла в число крупнейших золотодобывающих районов не только страны, но и мира. Общая добыча золота на Северо-Востоке СССР за 1932–1940 гг. составила 314,2 т⁵.

Значительное развитие получила угольная промышленность. Кроме разработок угля на Таймыре крупные угледобывающие предприятия были созданы в Печорском бассейне, более мелкие на Лене и Колыме. Шахты Шпицбергена обеспечивали не только морской флот, но и города Мурманск и Архангельск. Шпицбергенский уголь использовался на Новой Земле и даже в порту Диксон.

В крупный индустриальный район в годы первых пятилеток превратился Европейский Север. Здесь стали развиваться такие новые отрасли промышленности, как целлюлозно-бумажная, картонная, фанерная, мебельная, лесохимическая, лесные и рыбные промыслы получили новые импульсы развития. Только на Кольском полуострове за 1926–1937 гг. было построено 39 предприятий, в том числе горно-химический трест «Апатит», Мурманский рыбокомбинат, Нивская и Нижне-Тулумская гидроэлектростанции. В 1939 г. вступило в строй действующих крупное предприятие союзного значения «Североникель», которое стало раньше Норильского комбината обеспечивать страну никелем, кобальтом, медью и другими цветными металлами. Европейский Север являлся главным лесоэкспортным районом СССР в предвоенные годы⁶.

Эффективность северной политики советского правительства была доказана в годы Великой Отечественной войны, когда промышленные предприятия, построенные в предвоенные годы, смогли внести весомый вклад в победу над врагом, а Северный морской путь,

как транспортная магистраль, стал ещё более востребованным, чем в мирное время.

В послевоенные годы главным событием в советской Арктике стало открытие в 1950–1960-е гг. на севере Западной Сибири крупнейшей в мире нефтегазоносной провинции, которое беспрецедентно повысило экономическую значимость российского Севера не только для СССР, но и в значительной мере для мирового сообщества. В 1970-е гг. в условиях мирового энергетического кризиса советские углеводороды сыграли главную роль в пополнении энергоресурсов многих стран.

Однако не все из советского опыта может быть востребовано в современной жизни. Вряд ли в условиях рыночной экономики полезен опыт жесткого централизованно-административного управления, связанный с насильственно-принудительными методами обеспечения кадрами предприятий и строек, часто совершенно ущербным решением социальных и экологических проблем. Вместе с тем опыт системной планово-стратегической подготовки крупного народнохозяйственного строительства может быть полезным. Наиболее ярким примером может служить стремление к комплексному социально-экономическому развитию северных районов, как на региональном уровне, так и в рамках решения общих для страны народнохозяйственных проблем. Это стремление было заложено практически во всех советских перспективных планах, хотя данные идеи на практике, надо признать, реализовывались с большим трудом. В лучшем случае успех достигался на уровне производственно-экономического развития и очень редко социально-демографического.

Однако это не умаляет значимости для современного социально-экономического развития страны теории комплексного и системного развития, рационального и планового использования природных богатств, которые должны служить не обогащению отдельных кланов ловких и беспринципных дельцов, а росту благосостояния всего российского общества. Исторический опыт подсказывает, что важнейшую роль в управлении данными процессами должно играть государство как координатор и организатор деятельности всех участников событий.

Для Арктики советский опыт стремления к комплексному развитию имеет определяющее значение. В 1930-е гг. на вооружение

приняли концепцию «очагового» освоения северных районов, которая была единственно возможной в условиях ограниченных материально-финансовых возможностей государства. Для получения в короткие сроки результатов требовалось обращать внимание только на самые эффективные и необходимые народнохозяйственному комплексу природные ресурсы. Соответственно строились планы материально-финансового, транспортного и прочего обеспечения данного «очагового» развития, которое просматривалось совершенно определенно и в 1960-е – 1970-е гг., хотя ученые высказывали мнение, что оно исчерпало себя и пора постепенно переходить от «очагового» к более обширному освоению северных территорий, их комплексному социально-экономическому развитию.

Мощным фактором для реализации данной идеи стало создание высокоэффективных предприятий на Европейском Севере, в Норильске, а также открытие крупных нефтегазовых месторождений на российском Севере. В Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП АН СССР) разрабатывались конкретные проекты формирования территориально-производственных комплексов в Западно-Сибирском нефтегазовом районе, в Якутии, в зоне БАМ, которые рассматривались в самом широком смысле данного понятия. Производственный комплекс на определенной территории обозначался как масштабное и всеохватывающее социально-экономическое явление, включающее в единой системе производственное, социальное и экологическое развитие.

В 1980 г. академик А.Г. Аганбегян возглавил специальную экономическую экспедицию в Арктику, которая на судах по морям Северного Ледовитого океана, на вертолетах и вездеходах наездила более 18 тыс. км, побывала в городах и экспедиционных населенных пунктах, на предприятиях и стройках, в партиях геологов и метеорологических пунктах. Ученые пришли к выводу, что стратегия «очагового» развития Севера СССР, характерная для предыдущего исторического периода, вполне может быть заменена иным подходом, который обеспечит более масштабное и комплексное развитие северных территорий, охватывающее не только сферу производства и освоения конкретных природных ресурсов, а в целом жизнедеятельность человека на Севере. Научные и технико-экономические возможности государства в 1980-е гг. уже могут позволить обеспечить полноценную жизнь северян, как постоянно живущих за По-

лярным кругом, так и прибывающих по договорам на временные работы. При должной организации со стороны государственного управления деятельности многочисленных ведомств, участвующих в хозяйственном освоении арктических районов, вполне возможно решить социальные и экологические вопросы без ущерба для наращивания производства.

Участниками экспедиции на основе сложных расчетов, сделанных в результате исследования конкретных ситуаций, было высказано мнение, что в экономическом смысле добыча природных ископаемых на Севере с каждым годом может становиться всё более рентабельной. Это связано с тем, что происходит истощение запасов, находящихся в более южных районах, развивается техническое оснащение добычи. Большие резервы таит в себе транспортное обеспечение на Крайнем Севере, на долю которого приходится 60–80 % всех затрат. Снижение этих затрат можно обеспечить решением вопроса круглогодичного плавания по Северному морскому пути за счет создания мощного ледокольного флота, а также строительством железнодорожных, автомобильных и трубопроводных путей ⁷.

Экспедиция сделала предложения в Госплан о формировании в Арктике в перспективе целого ряда территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, объединенных крупной региональной программой национального значения. Отмечалось, что основа комплексного развития в Арктике уже заложена. Например, в Европейской части страны складывается Мурманский ТПК, разрабатывается проект Тимано-Печорского. Крупным территориально-производственным образованием арктической зоны считается Северо-Обской ТПК – главная газодобывающая база страны. Границы его будут расширяться от Уральских гор до Енисея. Крупнейшим территориально-производственным объединением является Северо-Енисейский ТПК с центром в г. Норильске. Со временем, по определению участников экспедиции, он может слиться с севером Якутии, где до 2000 г. предполагается дальнейшее развитие алмазодобывающей и золотосурьмяной промышленности, оловорудного горно-обогатительного комбината ⁸.

Крупным опорным пунктом на северном побережье СССР участники экспедиции называли порт Тикси в устье Лены, значение которого может резко возрасти после прихода в Якутск железной до-

роги. Благодаря переходу к круглогодичной навигации по Северному морскому пути и наличию до Дудинки глубоководного пути, строительство предприятий в этих районах может быть организовано путем монтажа крупноблочных конструкций, производимых дешевым способом в обжитых районах страны и доставляемых на судах. Северо-Енисейский ТПК к 2000 г. охватит своей хозяйственной деятельностью огромную территорию, простирающуюся от Турханска на юге до мыса Челюскин и архипелага Северная Земля на севере, от Мессояхи на западе до Хатанги на востоке.

Проект комплексного развития советской Арктики, разработанный под руководством академика А.Г. Аганбегяна, включал в единой программе пропорциональное соотношение производственной и социальной инфраструктур, решение проблем экологической безопасности человеческого вмешательства в природную среду, что оценивалось теоретически очень высоко. На практике же он не был реализован. Государственная политика в Арктике по-прежнему основывалась на преобладании производственных приоритетов. Главное внимание участников хозяйственной деятельности сосредотачивалось на росте производственных показателей, который сопровождался не всегда выгодным и рациональным экспортом сырых продуктов. За счет углеводородов, добытых в арктических районах, в 1980-е гг. решались вопросы элементарного обеспечения населения СССР продовольствием, одеждой, обувью и другими бытовыми товарами, которые в принципе могли быть произведены в стране. По-видимому, данный проект в тот период несколько опережал своё время.

Через несколько десятилетий идеи комплексного развития арктических районов России снова оказались востребованными. В июне-августе 2000 г. была проведена новая арктическая экспедиция академиком А.Г. Гранбергом – одним из участников первой экспедиции СО РАН. Он через двадцать лет подтвердил необходимость и социально-экономическую целесообразность комплексного развития Арктики, ценность которой для настоящего и будущего государства в условиях распада СССР ещё более возросла.

Исторический опыт и стратегические идеи из прошлой жизни могут быть полезными в современной практике управления. В последние годы стала традицией разработка самых различных стратегий, касающихся как территорий, так и отдельных городов, пред-

приятий, производственных комплексов и отраслей. Что касается Арктики, то здесь могут преследоваться вполне прагматичные цели: Россия – северная страна и ей нельзя пренебрегать освоением своих северных территорий. Необходимо на практике, наконец, перейти от «очагового» развития к по-настоящему комплексному, которое в виде идей, научных гипотез и теорий уже давно разрабатывалось. Время для этого наступило, нужна политическая воля для реализации уже подготовленных проектов.

¹ **Российская** газета. № 4877. 2009. 30 марта.

² **Известия**. 1932. 21 декабря.

³ **Щеглов С., Бондарев А.** Город Норильск. Красноярск, 1958. С.18.

⁴ Цит. по: **Белов М.И.** Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933–1945 гг. Ленинград, 1969. С.62-63.

⁵ **Колымский** гуманитарный альманах. Выпуск. Магадан, 2006. С.86.

⁶ **Киселев А.А.** Родное Заполярье. Мурманск, 1974. С.305.

⁷ **Аганбегян А.Г.** Освоение природных богатств Арктической зоны СССР // Известия Сибирского Отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Выпуск 2. 1984. № 9. С.9-10.

⁸ Там же. С.12-13.

Промышленная политика в Бурятии в 1994–2000 гг.

Исследуемый период оказался крайне сложным в истории России. Деформации подверглись все сферы общественной жизни, в том числе основные отрасли материального производства. Заметно изменилась и промышленная политика, которую проводили государственные органы, в том числе и на региональном уровне. В советское время, несмотря на недостаточное финансирование, уровень жизни и благосостояние тружеников индустриальных отраслей экономики постепенно росли. В 1990-е гг. основной задачей руководства страны стал перевод предприятий и отраслей народного хозяйства на рыночные рельсы. В условиях либерализации цен и торговли, приватизации собственности финансовые возможности государства и предприятий по решению комплекса социальных проблем существенно сократились. В этой связи деятельность органов власти была направлена на то, чтобы обеспечить минимум социальных гарантий ограниченному кругу малоимущего населения.

Социально-экономическое развитие Бурятии в 1992–1994 гг. и переход к рыночным отношениям происходили в крайне трудных условиях. Либеральные реформы привели к сокращению объемов промышленного производства. Многие хозяйственные организации в условиях распада союзного государства потеряли партнеров по поставкам сырья, комплектующих изделий и постоянных потребителей своей продукции. Товары отечественного производства оказались неконкурентоспособными по сравнению с иностранными и вытеснялись с рынков. Узкоспециализированные предприятия, преобладавшие в промышленности, были не в состоянии оперативно адаптироваться к изменившейся внешней среде. Отсутствие подготовленных кадров, ограниченность инвестиционных ресурсов, рост цен и тарифов на электроэнергию и перевозки грузов железнодорожным транспортом усугубили кризис. Приватизация из стимула экономического развития превратилась в способ раздела и передела собственности, что также способствовало нарастанию негативных

явлений. В результате разгосударствления объектов промышленности Бурятии значительно ухудшилось положение большинства хозяйствующих субъектов. В этой связи представляется интересным изучение деятельности региональных государственных органов, направленной на улучшение положения в индустриальных отраслях экономики республики.

Проблема изучения промышленной политики, проводимой регионами России в 1990-е гг., при всей ее актуальности практически не затрагивалась в работах отечественных историков, внимание которых было приковано, прежде всего, к генезису политических процессов этого периода. При рассмотрении территориальных аспектов реформ исследователи отмечали различия в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, которые углублялись на протяжении 1990-х гг., не вдаваясь в детальное изучение механизмов преодоления кризиса на региональном уровне¹. Хозяйственное развитие различных частей страны изучалось учеными-экономистами, в частности, А.Г. Гранбергом, М.К. Бандманом, В.В. Кулешовым, Н.И. Лариной, П.А. Минакиром и Р.И. Шнипером. Однако эти исследователи, хорошо рассмотрев основные этапы и характер федеральной экономической политики в 1990-е гг., практически не уделили внимания методам и способам повышения эффективности деятельности предприятий, применявшимся региональными государственными органами. В данной работе на примере Республики Бурятия автор попытался частично восполнить существующий пробел, рассмотрев промышленную политику ее органов власти.

Индекс физических объемов производства в индустриальных отраслях народного хозяйства в 1994 г. к уровню 1990 г. по республике составил 54,9 %. Наибольший спад произошел в машиностроении (42,1 %), лесной и деревообрабатывающей (39,2 %), легкой (43,5 %) и пищевой (42,3 %) промышленности. Относительно небольшое уменьшение производства наблюдалось в топливно-энергетическом комплексе. Неэффективная налоговая политика сдерживала развитие предприятий и способствовала их разорению. К марту 1994 г. дебиторская задолженность хозяйствующих субъектов всех форм собственности по Республике Бурятия составила 136 млрд. руб., а кредиторская 134 млрд. руб. Долги по выплате заработной платы превысили 50 млрд. руб.²

К началу 1994 г. становится очевидной необходимость принятия конкретных шагов по улучшению дел в индустриальных отраслях народного хозяйства. Дальнейшее ухудшение экономического положения в промышленности могло привести не только к снижению размеров налоговых выплат, но и к всплеску социального недовольства в республике. В октябре 1994 г. в своем послании Народному Хуралу первый Президент Бурятии Л.В. Потапов наметил первоочередные меры по стабилизации положения в народном хозяйстве. Впервые промышленной политике была посвящен отдельный раздел доклада. Однако недостаток практического опыта разработки программ развития экономики в условиях рынка привел к тому, что правительство подготовило документ, в котором не были должным образом отражены дальнейшие перспективы индустриальных отраслей³.

В нем в целом подтверждалось, что крупное, современное и высококонкурентное производство является основной движущей экономической силой республики, но при этом уточнялось, что структурно-инвестиционная политика не может осуществляться республикой самостоятельно. В программе основным способом стабилизации ситуации в производящих отраслях народного хозяйства называлась активизация инвестиционной деятельности. В связи с тем, что приватизация и слом командно-административной системы привели к острому недостатку финансовых и материальных ресурсов не только для развития предприятий, но и для простого воспроизводства, предполагалось ввести дополнительные налоговые льготы для потенциальных инвесторов, стимулировать спрос на продукцию, выпускаемую в республике, формировать систему государственных закупок техники, оборудования и прочих основных средств производства для их последующей передачи в лизинг.

Кроме того, стала очевидной необходимость хотя бы частично преодолеть кризис неплатежей, действуя такими методами, как зачеты взаимной задолженности предприятий, расширение вексельного обращения и пр. Для обеспечения эффективности производства требовалось создать структуры, охватывающие банковскую, снабженческую, сбытовую, производственную сферы, объединяющие на взаимовыгодных условиях предприятия и организации нескольких регионов, т.е. финансово-промышленных групп⁴.

В целом у правительства не было реальных рычагов реализовать данную программу на практике в полном объеме. В ней не нашли должного отражения вопросы ее финансового обеспечения. Интересно то, что органы власти не уделили внимания разработке наиболее перспективных, способных заинтересовать федеральный центр проектов, например, таких, как возведение Озерного горнометаллургического комбината. В тоже время в отдельных пунктах этого документа предлагалось развивать экологически чистую энергетику и метрологию⁵. В связи с возникшими сложностями по наполнению доходной части бюджета не было смягчено и налоговое бремя, хотя на этом настаивали руководители практически всех промышленных предприятий.

Однако все эти меры при всей их важности носили вспомогательный характер. В условиях экономического кризиса, внутривнутриполитической нестабильности, слабой разработанности нормативно-правовой базы рассчитывать на приток как отечественных, так и иностранных инвестиций не приходилось. В связи с этим стала очевидной необходимость материальной и финансовой поддержки федерального центра, и руководство республики стало действовать в этом направлении, добиваясь принятия отдельной программы социально-экономического развития по Бурятии⁶.

По результатам работы с федеральными министерствами и ведомствами в апреле 1994 г. было принято постановление «Об основных мерах государственной поддержки экономики Республики Бурятия в 1994–1995 гг.». Согласно этому нормативному акту в 1994 г. из российского бюджета выделялись средства на строительство объектов Гусиноозерской ГРЭС, электрической линии ВЛ-500 Иркутск – Гусиноозерская ГРЭС и ТЭЦ-2. Частично профинансированы конверсионные программы оборонной промышленности⁷. В результате предпринятых мер за 11 месяцев 1995 г. индекс физического объема производства в сравнении с соответствующим периодом 1994 г. составил 97,7 %. В то время как в 1994 г. к уровню 1993 г. – 80,5 % (табл. 1). Таким образом, в 1995 г. в индустриальных отраслях обозначилось некоторое замедление спада.

В целом деятельность правительства Бурятии в этот период носила в основном организационный и нормотворческий характер, что способствовало некоторому оживлению экономики, развитию и расширению производства, прежде всего, на средних и малых предпри-

ятиях. Доля расходов республиканского бюджета направляемых на нужды промышленности за период с 1994 по 1996 гг. составляла не более 1–2 % от его объема. Основную долю затрат по возведению или реконструкции крупных объектов нес российский бюджет. Создание же эффективных финансово-промышленных групп тормозилось отсутствием крупных банков, способных осуществлять значительные инвестиции.

Таблица 1

**Основные показатели развития промышленности
в Республики Бурятия в 1990–2000 гг. ***

	Число предприятий, ед.	Объем промышленной продукции		Индекс производства продукции в %		Численность промышленно-производственного персонала (тыс. чел.):		Уровень рентабельности продукции в %
		в фактически действующих ценах	в ценах 1990 г.	к предыдущему году,	к 1990 г.	всего	в т. ч. рабочих	
1990	2229	2,42	2,42	95,6	100	110,6	91,8	8,9
1991	2147	5,77	2,14	88,2	88,2	105,2	87,0	36,4
1992	2047	57	1,82	85,6	75,5	107,7	88,9	21,8
1993	2153	459	1,83	100,4	75,8	97,8	80,5	17,1
1994	2125	1477	1,32	75,2	54,9	88,8	72,9	10,2
1995	2273	4085	1,26	94,7	52,0	82,3	67,5	13,9
1996	2205	5320	1,26	100,3	52,2	75,2	61,7	8,0
1997	2059	5976	1,26	100,1	52,2	70,6	55,9	9,8
1998	1691	5330	1,23	97,1	50,7	64,6	51,6	5,3
1999	1758	8682	1,37	111,5	56,5	62,9	50,4	8,4
2000	1854	11496	1,46	107,4	60,7	58,2	-	7,1

* Государственный комитет по статистике (Госкомстат РБ). Статистический ежегодник. Ч. 2. Улан-Удэ, 2000. С. 9.

В 1996 г. была принята федеральная программа социально-экономического развития Республики Бурятия на 1996–2005 гг. К ее разработке правительство приступило еще в 1994 г. в сотрудничестве

со специалистами Бурятского научного центра и Московского института макроэкономических исследований, проведя согласования с 39 министерствами и ведомствами Российской Федерации. Программа получила статус федеральной и в соответствии с Указом Президента России была утверждена постановлением правительства⁸. Аналогичные программы были приняты в отношении целого ряда регионов страны. Они должны были стать инструментами стабилизации и развития территориальных народнохозяйственных комплексов в условиях, когда прежняя стратегия реформ, основанная на радикальных и ускоренных преобразованиях, продемонстрировала свою низкую эффективность.

Доля федеральных средств в общем объеме финансирования Программы должна была составить около 27 %. Она была разработана на долгосрочную перспективу с выделением трех основных этапов. На первом (1996–1997 гг.) предполагалось израсходовать 5,45 трлн. руб. При этом из общего объема инвестиций на 1996 г. 1,89 трлн. руб. должно было быть перечислено из федерального центра в основном на финансирование мероприятий общероссийской значимости. На втором этапе (1998–2000 гг.) капиталовложения были определены в размере 8,64 трлн. руб.

На третьем этапе (2001–2005 гг.), когда предполагалось, что российская экономика вступит в фазу подъема, было необходимо завершить наиболее крупномасштабные инвестиционные проекты. В этот период планировалось осуществить строительство Черемшанского кварцитового рудника и Хиагдинского ГОКа, освоение Озерного и Назаровского месторождений полиметаллов, расширение мощностей Тугнуйского угольного разреза, возведение Улан-Удэнской ТЭЦ-2 и пр. Общий объем запланированных капитальных вложений составил 6,43 трлн. руб. В целом на реализацию всех инвестиционных и научно-технических мероприятий в рамках Программы предполагалось направить около 20,6 трлн. руб.

Однако в условиях углубления кризиса и роста бюджетного дефицита поиск источников ее финансирования стал основной проблемой. Для этого были сформированы специальный фонд и администрация Программы, которые создавались правительствами России и Бурятии на паритетных условиях с внесением учредительных взносов в уставной капитал (по 10 млрд. руб.) и равным представительством⁹. Хронический недостаток средств привел к тому, что

выделение необходимых сумм из республиканского бюджета началось только с 1998 г. и в ограниченных объемах (25,5 млн. руб.). В целом итоги реализации Программы оказались не совсем такими, какие планировались первоначально. Как и следовало ожидать, ее финансовое обеспечение оказалось неудовлетворительным. Из-за недостаточных капиталовложений ее выполнение составило, например, от плана 1996–1998 гг. только 38 %¹⁰. Вместе с тем к 2005 г. удалось осуществить ряд проектов, например, достроить БАМ, начать разработку Хиагдинского месторождения урана. Однако многие из запланированных мероприятий так и не удалось в полной мере реализовать.

Одной из наиболее острых проблем промышленных предприятий являлся недостаток собственных оборотных средств. Это вынуждало хозяйствующие субъекты активно заниматься поиском финансовых ресурсов на стороне и брать кредиты. В этих условиях правительство стало предпринимать меры, целью которых стало повышение инвестиционных возможностей предприятий и организаций. Руководством республики в июне 1996 г. был предложен проект закона, разрешающий хозяйствующим субъектам создавать фонды для пополнения оборотных средств. Предлагалось, что их формирование будет происходить за счет 50 % налога на прибыль, отчисляемого в бюджет Республики Бурятия. В результате государственная льгота могла бы составить около 42 млрд. руб. Закон был в целом одобрен и принят. Но еще в ходе его обсуждения большинство экспертов республики были единодушны в том, что он не сможет способствовать кардинальному улучшению экономической ситуации.

Правительство придавало большое значение созданию благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций в экономику. В условиях кризиса и неопределенности организация совместных предприятий (СП) являлась одним из наименее рискованных и, соответственно, наиболее оптимальных вариантов вложения капиталов зарубежных фирм, банков и компаний. Несмотря на увеличивающееся количество СП, объемы привлеченных капиталов и их отраслевая структура были неудовлетворительны. Доля производимых ими работ, товаров и услуг была ничтожной. В 1994 г. размеры налоговых сборов с совместных СП составили 669,8 млн. руб., в т.ч. налога на прибыль в части, направляемой в бюджет Бурятии – 591 млн. руб., что составило 0,36 % от общей суммы, уплаченной все-

ми хозяйствующими субъектами в казну республики. Сумма налога на имущество соответственно – 47,8 млн. руб. (0,03 %).

В связи с этим к лету 1996 г. был подготовлен специальный проект закона «О стимулировании привлечения иностранных инвестиций в экономику Республики Бурятия». Наиболее важными в нем оказались положения, которые уточняли круг предприятий с иностранными инвестициями, претендующий на право получения налоговых льгот, и определялись условия их предоставления. Данные преференции предусматривались за счет республиканского и местного бюджетов. Например, хозяйствующие субъекты, осуществляющие производство продукции, работ и услуг освобождались от уплаты налога на прибыль в бюджет Бурятии сроком на два года, а в третий и четвертый выплачивали его в размерах соответственно 25 % и 50 % от основной ставки. Предприятия, зарегистрированные в приоритетных отраслях экономики, освобождались от соответствующего налога на три года¹¹.

Для загрузки мощностей бездействующих предприятий и для производства продукции, пользующейся спросом, правительством было принято решение о создании территориально-производственных зон (ТПЗ) свободного предпринимательства. По сути, они являлись малыми оффшорными зонами безналоговой деятельности (на республиканские и местные налоги), ограниченные территориями предприятий. Первыми на новых условиях стали функционировать акционерные общества «Улан-Удэнский судостроительный завод» и «Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение». Эти выгодные условия привлекли внимание других хозяйствующих субъектов и в течение 1998 г. в органы власти поступило ряд заявок на образование ТПЗ.

К 1999 г. на территории республики функционировало семь предприятий, на которых распространились условия льготного налогообложения. В результате за 1998 г. выручка от реализации продукции на приборостроительном объединении выросла до 14,2 млн. руб., составив 108,5 % от уровня 1997 г. На судостроительном заводе соответственно до 7,2 млн. руб. (106,0 %), впервые за последние годы здесь увеличилась численность рабочих. Общая сумма налоговых освобождений на приборостроительном объединении достигла 2,5 млн. руб., на судостроительном заводе – 1,4 млн. руб. Однако с вступлением с первого января 1999 г. в действие первой части На-

логового кодекса и изменениями в налоговой системе Российской Федерации предприятия – участники ТПЗ утратили большинство из своих прежних привилегий¹².

Таким образом, в условиях ухудшения макроэкономической ситуации в стране, снижения платежеспособного спроса и роста дефицита финансовых ресурсов, предпринятые меры оказались малоэффективными. Основную часть оборотных средств на протяжении всего изучаемого периода предприятия пополняли за счет собственных возможностей. Иностранцы инвесторы не спешили с вложением своих капиталов в условиях экономической, политической нестабильности и непрозрачной правовой ситуации в России и Бурятии. В 1990-х гг. средства даже на теоретически рентабельные проекты выделялись с большим трудом, в недостаточных объемах и несвоевременно. В результате вложения в основной капитал в течение данного периода сократились в несколько раз (табл. 2).

Таблица 2.

Инвестиции в основной капитал в отрасли, производящие товары и оказывающие рыночные и нерыночные услуги. *

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
В ценах 1990 г. (млн. руб.)	0,89	0,73	0,28	0,23	0,15	0,11	0,09	0,09	0,08	0,08
В % к 1990 г.	100,0	82,6	32,0	25,5	17,1	13,0	9,9	10,5	9,0	9,3

* Государственный комитет по статистике (Госкомстат РБ). Статистический ежегодник. Ч. 2. Улан-Удэ, 2000. С. 156.

Продолжающийся спад производства, рост безработицы и хронический недостаток финансовых средств на выплату заработной платы привели к тому, что Президент Л.В. Потапов был вынужден ввести Особый режим управления экономикой и социальной сферой. Это было сделано, прежде всего, для того, чтобы приковать внимание руководства страны к проблемам республики и вызвать соответствующий резонанс в федеральных структурах, т.к. центр не выполнял своих обязательств перед нижестоящими бюджетами (задолженность только по Бурятии составила 155 млрд. руб.) и не уделял должного внимания ситуации, складывающейся в депрессивных

регионах. Второй целью являлась мобилизация населения на решение наиболее важных проблем, в частности, подготовка его к переходу к строжайшей экономии государственных расходов¹³.

Важнейшей проблемой являлось стимулирование совокупного внутреннего спроса. Для этого руководство республики стало изыскивать возможности для товарного производства на месте той продукции, которые предприятия Бурятии могли выпускать самостоятельно, например, узлов и запасных частей для сельскохозяйственной техники, продовольственных и вино-водочных изделий. Особое значение правительство придавало решению проблемы неплатежей и выработке мероприятий по экономии топлива и тепла. Хозяйствующим субъектам рекомендовалось по мере возможности снижать издержки. Для стимулирования совокупного внутреннего спроса на продукцию местных предприятий предполагалось активно внедрять систему государственных заказов¹⁴.

В целом по Особому режиму управления было принято более тридцати указов Президента и постановлений правительства, целью которых являлась стабилизация материального производства. В ряде нормативных актов были предприняты меры по замедлению роста цен и тарифов на электроэнергию, связь, коммунальные услуги и по экономии государственных средств. Руководство республики рассчитывало, что за счет их выполнения в 1997 г. будут получены прирост товарной продукции на 140 млрд. руб., дополнительная прибыль в размере 60 млрд. руб. и сэкономлено более 10 млрд. руб.¹⁵

В результате предпринятых правительством Бурятии шагов и некоторого улучшения экономической ситуации в Российской Федерации в 1997 г. проявились признаки стабилизации. Впервые за семь лет приостановлен спад промышленного производства (100,1 %) и инвестиционной активности (98 %). Если в 1996 г. величина валового регионального продукта (ВРП) составила 92 % по отношению к 1995 г., то в 1997 г. темпы снижения заметно уменьшились (98 % к 1996 г.). Стабилизация динамики ВРП была обусловлена улучшением ситуации в цветной металлургии, целлюлозно-бумажной, мукомольно-крупяной, комбикормовой и легкой промышленности, машиностроении. Некоторый оптимизм вызывали основные показатели, полученные по итогам года в пищевой отрасли и в производстве строительных материалов. Вместе с тем, в 1997 г. продолжали дей-

ствовать факторы, осложняющие ход экономических реформ. Не был полностью преодолен бюджетный кризис. Велико оставалось количество убыточных предприятий (табл. 3).

Таблица 3.

**Удельный вес убыточных предприятий
(в % от общего числа предприятий и организаций).***

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего - убыточных предприятий	-	-	27,1	30,3	55,8	54,8	71,1	71,4	70,1	61,0	60,3
Из них в промышлен- ности	-	-	-	-	48,4	48,1	70,7	71,1	75,1	68,6	63,7

* Государственный комитет по статистике (Госкомстат РБ). Статистический ежегодник. Ч. 2. Улан-Удэ, 2000. С. 142.

Реализация плана действий правительства в 1997 г. позволила дать экономии государственных расходов на сумму свыше 60 млрд. руб. Проведено шесть внутриреспубликанских зачетов по погашению взаимной задолженности на 81 млрд. руб. Льготные условия налогообложения использовали свыше 50 предприятий, в т.ч. Улан-Удэнский авиазавод, ЛВРЗ, «Теплоприбор», судостроительный завод и др. Инвестиционная поддержка правительством Селенгинского ЦКК позволила ему наладить производство бумажных мешков, имеющих практически неограниченный спрос в стране¹⁶. Вместе с тем, по-прежнему сложная обстановка сохранялась в машиностроительном комплексе, в первую очередь на конверсионных предприятиях¹⁷.

Кризис 1998 г. в России прервал процесс постепенной стабилизации ситуации в народном хозяйстве республики. На ухудшение социально-экономического положения повлиял обвал на мировых финансовых рынках, в результате чего возросли неплатежи, сократились поступления от экспорта, обострился бюджетный дефицит, задержки по выплатам заработной платы достигали по разным отраслям от четырех месяцев до года. По итогам трех кварталов 1998 г. в индустрии Бурятии объемы производства уменьшились на 7,7%. Августовские события особенно сильно отразились на топливно-энергетическом комплексе: снижение в электроэнергетике составило 14%, в топливной промышленности – 12%. Задолженность феде-

ральной казны перед консолидированным бюджетом республики достигла 201 млн. руб.¹⁸.

В январе 1999 г. в своем послании Народному Хуралу в разделе, посвященном промышленной политике Президент Бурятии главным условием устойчивого экономического роста назвал приоритетное развитие перспективных конкурентоспособных наукоемких отраслей. Вместе с тем на первых порах особый приоритет должен был быть уделен, как и прежде, лесопромышленному и строительному комплексам, золотодобыче. Стратегия развития ТЭК должна была быть направлена с одной стороны, на увеличение продаж электроэнергии за пределы республики на основе ввода новых и модернизации действующих предприятий, а с другой на всемерное энергосбережение. Для этого было необходимо решить задачу максимального использования местного топлива, определить возможности для расширения использования возобновляемых ресурсов, сократить все виды потерь¹⁹.

Однако некоторые из вышеуказанных ориентиров были определены на перспективу. Среди них наиболее выполнимым, не требующим значительных финансовых вложений, являлось предложение по повышению эффективности ТЭК. Однако для его реализации в качестве первоочередной меры было необходимо провести соответствующую организационную перестройку, объединив в одной структуре энергетические и добывающие предприятия республики.

Содействие промышленным предприятиям по снижению производственных издержек являлось одним из главных направлений повседневной работы республиканских органов власти. Стремление уменьшить расходы на производство единицы продукции совпало с желанием РАО ЕЭС России повысить эффективность энергетического комплекса в стране, в том числе и в ее восточных регионах. В этой связи руководством РАО была предложена идея создания электроугольных объединений в сотрудничестве с Сибирской угольно-энергетической компанией, которая являлась владельцем акций многих угледобывающих предприятий за Уралом. Создание подобных организационных структур на базе тепловых электростанций и угольных разрезов позволило бы снизить расходы при выработке электроэнергии. В 1999 г. были разработаны и представлены проекты создания 11 подобных объединений. На первом этапе предполагалось объединить Рефтинскую, Троицкую и Верхнетагильскую

ГРЭС с казахскими добывающими предприятиями «Северный» и «Богатырь», под уголь которых они были спроектированы. Создание «УралТЭКа» позволило бы сократить себестоимость угля на 7,5 %, а электроэнергии на 8,6 %.

Другой аналогичный проект предполагал создание электроугольного объединения в Бурятии. В составе «БурТЭКа» планировалось объединить Гусиноозерскую ГРЭС и добывающие активы АО «Востсибуголь» (41 % акций находились в доверительном управлении «Промторгбанка»), в которое входили Тугнуйский и Холбольджинский угольные разрезы республики. Правительство Бурятии энергично поддержало данную инициативу руководства РАО ЕЭС, рассчитывая таким образом решить три основные цели. Во-первых, обеспечить энергетику республики углем в достаточном количестве, т.к. учитывая низкую платежеспособность населения и предприятий, добывающим предприятиям было выгоднее экспортировать его за границу. С созданием же «БурТЭКа» без согласия руководства последнего отгружать топливо для его вывоза за пределы республики стало бы значительно труднее. Во-вторых, таким образом удалось бы упорядочить налогообложение. И, в-третьих, объединение двух разрезов позволяло обеспечить необходимый положительный финансовый баланс, т.к. себестоимость тугнуйского угля была низкой в силу благоприятных горно-геологических условий, а холбольджинского очень высокой. В результате можно было бы предотвратить банкротство одного из разрезов путем перераспределения прибыли. Очень важным обстоятельством для республики являлось то, что налоги, полученные по итогам производственной деятельности созданной компании, перечислялись бы в республиканский бюджет, в то время как АО «Востсибуголь» передавало их в казну Иркутской области²⁰.

Однако реализация данного проекта на практике столкнулась с многочисленными трудностями. Прежде всего, против создания нового объединения выступили органы власти Иркутской области, т.к. при этом непосредственно затрагивались ее интересы. Против разработанной с участием правительства республики, РАО ЕЭС и «Промторгбанка» схемы создания компании выступили работники угольных разрезов республики, которые предложили свои альтернативные варианты. В конечном итоге положительного решения по данному вопросу так и не было принято. Столкновение групп

интересов привело к тому, что реальная возможность повышения эффективности экономики республики без существенных финансовых и материальных вливаний была упущена.

Результаты промышленной политики органов власти Бурятии оказались в целом неоднозначны. С одной стороны произошел существенный спад производства на многих предприятиях и снижение инвестиционной активности (табл. 1). С другой, деятельность правительства позволила в определенной степени улучшить финансовое положение некоторых хозяйствующих субъектов, было снижено налоговое бремя, поддержан инвестиционный процесс и облегчены выплаты по задолженностям в бюджеты всех уровней. Вместе с тем преодолевать негативные тенденции общероссийского характера приходилось в условиях хронического дефицита финансовых ресурсов, разрыва единого экономического пространства страны, существенной трансформации управленческих структур на российском и региональном уровнях. Разработать и реализовать адекватные меры по борьбе трудностями, постигшими страну в 1990-е гг. и вызванными не только экономическими, но и политическими факторами, на республиканском уровне было крайне сложно. По результатам исследования промышленной политики руководства Бурятии вполне обоснованным представляется вывод, согласно которому дальнейшее развитие индустриальных отраслей республики может происходить только при активном участии федерального центра с привлечением средств из российских инвестиционных программ.

¹ См. напр.: **Разуваева Н.Н.** Россия на рубеже XXI века: политические потрясения и эволюция власти. Уфа–Москва, 2003; **Буянов Е.В.** Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.). Благовещенск, 2001.

² **Национальные** архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 475. Оп. 1. Д. 3882. Л. 11.

³ **Вторая сессия** Народного Хурала (НХ) Республики Бурятия (РБ) (первый созыв) 24–27 октября 1994 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1994. С. 30-31.

⁴ **НАРБ. ФР.** 2028. Оп. 1. Д. 99. Л. 30.

⁵ Там же. Д. 18. Л. 224.

-
- ⁶ **Восьмая сессия** НХ РБ (первый созыв) 29 января – 1 февраля 1996 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1996. С. 14.
- ⁷ **Собрание** законодательства РФ. 1994. №12. С. 137-138.
- ⁸ <http://www.bestpravo.ru>. Постановление правительства РФ от 15.04.96 г. №442 «О Федеральной программе социально – экономического развития Республики Бурятия».
- ⁹ **НАРБ. ФР.** 2028. Оп. 1. Д. 201. Л. 151-153.
- ¹⁰ <http://www.registr.bcpi.ru>. Постановление правительства РБ от 29.12.98 № 445 «О программе действий правительства Республики Бурятия на 1999–2002 гг.».
- ¹¹ Там же. С. 57.
- ¹² **Первая часть** шестой сессии НХ РБ (второй созыв) 25 августа 1999 г. Стенограф. отчет. Ч. 3. Улан-Удэ, 1999. С. 19.
- ¹³ **НАРБ ФР.** 2028. Оп. 1. Д. 213. Л. 18-45.
- ¹⁴ **НАРБ. ФР.** 2028. Оп. 1. Д. 203. Л. 46-53.
- ¹⁵ **Двенадцатая сессия** НХ РБ (первый созыв) 25–26 ноября 1996 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1996. С. 14-20.
- ¹⁶ **НАРБ. ФР.** 2028. Оп. 1. Д. 398. Л. 92-94.
- ¹⁷ **Семнадцатая сессия** НХ РБ (первый созыв) 2–3 марта 1998 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1998.
- ¹⁸ С учетом деноминации.
- ¹⁹ **Третья сессия** НХ РБ (второй созыв) 25–26 января 1999 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1999. С. 8-9.
- ²⁰ **Третья сессия** НХ РБ (второй созыв) 26–27 января 1999 г. Стенограф. отчет. Ч. 2. Улан-Удэ, 1999. С. 26-27.

С.С.Букин, Д.В.Чернов

**Организация социокультурного обслуживания населения
Новосибирска в условиях макроэкономической стабильности
(2001–2008 гг.)**

Своеобразным периодом в социально-экономическом развитии России и повседневной жизни населения стали первые годы нового тысячелетия, до развернувшегося в конце 2008 г. финансово-экономического кризиса. Это время характеризовалось нарастающей позитивной динамикой основных показателей экономики и социальной сферы Российской Федерации в целом, укреплением её финансового потенциала. По темпам экономического роста, которые оказались гораздо выше прогнозируемых, Россия опережала развитые страны мира. Однако этот прогресс определялся, прежде всего, неожиданно высокими ценами на нефть и газ, что способствовало дополнительному увеличению стоимости объемов экспорта, росту государственного бюджета, стабилизации социально-экономической ситуации в стране. Возрастающие макроэкономические показатели опосредованно отражались на доходах и быте населения, хотя и в разной степени в различных городах и регионах.

Позитивные тенденции отчетливо проявились в Новосибирске – столице Сибирского федерального округа. Увеличилось промышленное производство, возрос оборот розничной торговли, улучшился инвестиционный климат. Экономические факторы, хотя и не прямолинейно, сказались на решении социальных задач.

В настоящей статье комплексно рассматриваются две важнейших сферы социокультурного обслуживания – социальная работа и система дополнительного образования. Безусловно, каждой из них присуща своя существенная специфика. Вместе с тем их сближают целевые установки, общая направленность на обеспечение благополучия людей, организацию их досуга.

Основным инструментом оказания социальной помощи новосибирцам, как и в 1990-е гг., являлась городская программа социальной поддержки населения, которая представляет собой комплекс мероприятий социально-бытового обслуживания малоимущих жителей.

В реализации программы участвуют все департаменты мэрии и социальные партнеры: промышленные предприятия и учреждения, общественные организации, благотворительные фонды.

Объём программы в Новосибирске существенно вырос. Её фактическое финансирование в 2002 г. составило 1126,9 млн. руб., в том числе 1088,6 млн. из бюджета города, в 2006 г. соответственно 1388,7 млн. и 1254,5 млн., в 2007 г. – 1638,3 млн. и 1498,2 млн. руб. Однако расходы на социальные цели все же «урезались». Средства, выделенные на реализацию программы в 2006 г., составили только 92,9 % от запланированных, в 2007 г. – 93,8 %¹.

Основную работу по социальной поддержке граждан осуществляют районные отделения муниципального учреждения «Комплексный центр социального обслуживания населения». Во всех районах города действуют 167 отделений КЦСОН. Кроме того, функционируют 7 специальных социальных учреждений. Они обслуживают свыше 170 тыс. чел. Заметные перемены произошли в оказании адресной социальной помощи. Сократилось количество горожан, получивших её. Если в 2000 г. их число составило 227,5 тыс. чел., то в 2004 г. – 118,5 тыс. Одновременно объём финансирования адресной социальной помощи увеличился с 90,4 млн. руб. до 154,2 млн., а сумма на одного получателя в год возросла с 397 руб. до 1301 руб.

Численность работников в центрах социального обслуживания населения в 2005 г. составила 2438 чел., в 2006 г. – 2693, а в 2007 г. – 2163. Отток кадров из этой важнейшей социальной сферы определялся, прежде всего, низкой оплатой труда, которая, несмотря на номинальный рост, вдвое уступала среднегородскому уровню. В 2005 г. среднемесячная заработная плата социальных работников равнялась 4107 руб., в 2006 г. – 5366, в 2007 г. – 7280 руб.² Эти денежные средства не соответствовали продолжительности рабочего времени, физическим и психическим нагрузкам.

Крупные мероприятия по оказанию помощи людям с ограниченными возможностями, их социальной адаптации проводились в рамках городской целевой программы «Формирование доступной среды жизнедеятельности для инвалидов и маломобильных групп населения в г. Новосибирске на 2004–2006 годы». Финансирование на эти цели из бюджета города только за 2005 г. составило 10 млн. руб. Специалисты администраций районов, совместно с организациями инвалидов, проанализировали состояние и приспособленность раз-

личных учреждений с точки зрения доступности их инвалидам, определили объекты для первоочередного обустройства. В течение 2005 г. более 400 зданий и сооружений в Новосибирске были оборудованы приспособлениями для беспрепятственного передвижения инвалидов, в том числе прилегающие участки улиц. Все проекты строящихся и реконструируемых зданий стали согласовываться с Управлением социальной поддержки населения мэрии на предмет доступности маломобильным группам населения. Специалисты управления участвуют в государственной приемке построенных и реконструированных сооружений общественного пользования.

В 2006 г. было оборудовано пандусами более 500 различных объектов социальной сферы, в том числе жилые дома, лечебно-профилактические учреждения, аптеки, предприятия торговли, учреждения культуры и образования, районные организации инвалидов, кредитные учреждения, почтовые отделения, районные управления Пенсионного фонда и др. Построены съезды и пандусы на дорожных перекрестках, тротуарах и транспортных магистралях. Продолжена работа по оборудованию троллейбусов и автобусов специальными устройствами для объявления остановок. В 10 троллейбусах появились специальные трафареты: бегущая строка и звуковое сопровождение. На многих автостоянках города определены бесплатные места для парковки автомобилей инвалидов. Приобретены 34 низкопольных автобуса для обслуживания людей с ограниченными возможностями, в том числе один специальный автобус для инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Управлением социальной поддержки населения совместно с Новосибирским областным отделением общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» организовано сервисное транспортное обслуживание тяжело больных граждан и инвалидов на базе реомобиля «Мерседес-Бенц». В конце 2006 г. создана служба «Социальное такси» на базе муниципального учреждения «Ветеран». В 2007 г. этой услугой воспользовались 5300 граждан.

В Новосибирской областной специальной библиотеке для незрячих и слабовидящих активно внедрялись новые информационные технологии не только для инвалидов по зрению, но и для других категорий лиц с ограниченными возможностями. Наряду с развитием издательско-полиграфического комплекса, библиотекой орга-

низуются занятия по изучению информатики, адаптивной техники, ведется банк данных нормативно-правовой, методической литературы, в том числе изданий по доступной среде жизнедеятельности инвалидов. По инициативе библиотеки и при поддержке мэрии внедрена система ориентирования для инвалидов по зрению в Новосибирском краеведческом музее. Разрабатывается проект использования аналогичных систем в специальной коррекционной школе № 39 и в Новосибирской областной общественной организации Всероссийского общества слепых³.

Отличительной особенностью 2005 г. стало празднование 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим службы социальной поддержки населения и общественные организации проводили разнообразные мероприятия, чествования ветеранов. Сформирована база данных участников боевых действий и тружеников тыла. В апреле в Новосибирске накануне юбилея Победы проживали 54792 ветерана войны и труженика тыла. Все они к 9 мая получили медали, а 7915 ветеранов Великой Отечественной войны – именные памятные знаки и денежное вознаграждение в размере 3 тыс. руб.

Проводилось обследование жилищных условий всех участников и инвалидов Великой Отечественной войны. По его результатам мэрия выделила 3,27 млн. руб., что позволило отремонтировать 271 квартиру. В жилищах 158 участников и инвалидов установили телефоны, газифицировали 52 частных дома. Всего из бюджета города на социальную поддержку ветеранов было израсходовано 32,5 млн. руб.

Лечебно-профилактическими учреждениями осуществлялись диспансерное наблюдение и профилактический медицинский осмотр участников войны. Для них организовывались специальные оздоровительные заезды в отделения дневного пребывания комплексных центров социального обслуживания, в социально-оздоровительный центр для граждан пожилого возраста и инвалидов «Лунный камень», центр социальной помощи семье и детям «Заря». Участники и инвалиды Великой Отечественной войны, обратившиеся в службы социальной поддержки населения за помощью на лечение, получали её безотлагательно.

В год празднования 60-летия Победы многими предприятиями бытового обслуживания для ветеранов войны предоставлялась скидка

от 10 до 50 % на бытовые услуги. Они получили возможность совершать покупки в магазинах и аптеках по муниципальным дисконтным картам. Мэрия выделила свыше 1 млн. руб. Новосибирской городской организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов на социальные цели ⁴.

С ноября 2003 г. в Новосибирске начала реализовываться новая программа торгового обслуживания социально незащищенных граждан, стержнем которой явилось введение муниципальных дисконтных карт (МДК), дающих право на приобретение товаров продовольственного ассортимента (исключая алкогольную продукцию) с 7 % торговой скидкой. Для этой цели сформирована торговая сеть, состоящая из 107 магазинов, расположенных во всех районах города. На конец 2004 г. новосибирцы имели 41 тыс. таких карт. С момента начала обслуживания они совершили покупок на сумму 95,0 млн. руб., при этом сумма дисконта составила 7,0 млн. Для удобства маломобильных граждан во всех магазинах, обслуживающих пользователей муниципальных дисконтных карт, проведена реконструкция и оборудованы подходы к ним. Эта программа имела несомненный социальный эффект, расширялась сеть торговых учреждений, привлеченных к её осуществлению. К январю 2007 г. обслуживание обладателей МДК производили 123 магазина, в том числе торговые сети «Сибириада», «Квартал», «Восход», «Столичный», «Новосибирский дом хлеба», «Триада», «Бегом к нам» и др. За 2006 г. приобретено товаров с применением МДК на сумму 270,2 млн. руб., при этом дисконтная экономия составила 18,9 млн.

Новые черты социальный проект «Муниципальная дисконтная карта» приобрел в 2007 г. Для обеспечения доступного уровня цен на продукты первой необходимости с 1 сентября 2007 г. в предприятиях торговли – участниках проекта введена скидка на хлеб 1 и 2 сортов в размере 10 %. В целом социальный товарооборот за 2007 г. составил 250,0 млн. руб., сумма предоставленного дисконта – 17,8 млн. руб. В начале 2008 г. обслуживание держателей 71 тыс. муниципальных дисконтных карт осуществляли 123 магазина. Основная доля принадлежала сетевым торговым предприятиям: ТД «Сибириада» (57,0 %), «СМ Квартал» (27,3 %), ООО «АБК Новая Сибирь» (5,7 %), «Русская сеть магазинов» (2,5 %), «Новосибирский дом хлеба» (1,8 %), «Светогор» (1,4 %), «Триада» (1,0 %). В целях соблюдения условий торгового обслуживания держателей муници-

пальных дисконтных карт специалистами мэрии осуществлялись проверки предприятий торговли на предмет качества оказываемых услуг, полноты представленного ассортимента товаров первой необходимости, уровня розничных цен, оснащения магазинов соответствующими подходами и другими средствами для маломобильных групп населения (пандусы, поручни, кнопки вызова и др.). Проводился ежемесячный мониторинг розничных цен по 25 наименованиям товаров первой необходимости в сравнении с ценами на ООО «Центральный рынок», рекомендованных для расчета в торговых предприятиях. В связи с истечением срока технической эксплуатации муниципальных дисконтных карт, находившихся в пользовании, из бюджета города профинансировано изготовление новых карт в количестве 91850 для замены выданных в 2003 г. и обеспечения ими горожан, вновь зарегистрированных в органах социальной поддержки населения.

Накопленный опыт пригодился для удешевления услуг, оказываемых учащейся молодежи предприятиями общественного питания. В начале 2008 г. студентам предоставляли скидку в размере 15 % 76 организаций общепита – участников проекта, в том числе – столовые (11,0 %), кафе (26,0 %), бары (11,0 %), предприятия быстрого обслуживания (11,0 %), рестораны (17,0 %) и мелкорозничные учреждения быстрого питания (24,0 %). За 2007 г. социальный товарооборот составил 22,0 млн. руб., дисконт в сумме 3,4 млн. руб. получили 131,7 тыс. студентов. Самые высокие показатели по посещаемости ими предприятий питания оказались в Ленинском (38,9 тыс.), Центральном (30,8 тыс.) и Советском (22,2 тыс. чел.) районах ⁵.

Одним из основных направлений социальной политики в городе является поддержка семей с детьми. На учете в органах соцзащиты на 1 января 2008 г. состояло 20250 семей, в них 29369 детей. Из этого общего количества многодетных семей – 1733, неполных – 10963. Особенно нуждаются в социальной поддержке семьи, воспитывающие детей-инвалидов. В целях обеспечения социальной защищенности, дополнительно к мерам, установленным федеральным законодательством и законами Новосибирской области, семьям с детьми предоставлялись также виды помощи, предусмотренные программой социальной поддержки населения. В 2007 г. материальная помощь на жизненно необходимое лечение оказана 432 детям, дотацию на питание ежемесячно получали 262 ребенка-инвалида с

онкологическими, гематологическими заболеваниями и с инсулинозависимой формой сахарного диабета, горячее питание в школах города организовано для 14038 учащихся из малообеспеченных семей, продукты, одежда, обувь выдавались 2077 детям-сиротам или оставшимся без попечения родителей. Регулярно обеспечивались детским питанием 5124 семей, имеющих детей в возрасте до двух лет, проездными билетами на городской муниципальный транспорт пользовались 519 детей-сирот, оставшихся без попечения родителей и находящихся в приютах. Все малоимущие семьи с детьми обслуживались в специализированных магазинах и аптеках по муниципальным дисконтным картам. Именные стипендии в размере 300 руб. в месяц выплачивались 267 студентам-инвалидам, обучающимся в высших и средних специальных учебных заведениях. Традиционно проводились культурно-массовые мероприятия, посвященные Дню семьи, Дню защиты детей, Дню знаний, Дню матери, Новому году.

Большую помощь семьям с детьми-инвалидами оказывали центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Олеся», соответствующие отделения комплексных центров социального обслуживания населения, а также городская общественная организация детей-инвалидов с онкогематологическими заболеваниями «Надежда» и Центр адаптации детей-инвалидов и инвалидов с детства с церебральным параличом «ЦАДИ». В них только в 2007 г. 1392 ребенка получили медицинскую, психолого-педагогическую помощь, приобрели навыки индивидуального обучения. В приюте «Материнская обитель «Голубка» размещались 11 одиноких матерей с грудными детьми.

Интересный опыт появился в Железнодорожном и Ленинском районах. Здесь внедрена новая форма социального обслуживания – работа с неполными семьями, в которых воспитанием детей занимаются одинокие отцы. Таким семьям, нуждающимся в помощи, соцработниками был предоставлен комплекс услуг, помогающий выйти из трудной жизненной ситуации.

Серьезное внимание уделяется профилактике социального сиротства. В городе создана система выявления, учета и устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Внедрена компьютерная программа базы семей «группы риска», состоящих на учете в учреждениях социального обслуживания населения,

которая позволяет оперативно принимать решения по проблемам каждого члена семьи, фиксировать сроки и результаты реабилитационных мероприятий.

В Ленинском и Первомайском районах образованы экспериментальные площадки для отработки новых технологий по профилактике социального сиротства. Организованы межведомственные рабочие группы с целью управления деятельностью экспериментальных площадок, выявления и решения наиболее актуальных проблем профилактики социального сиротства, изучения имеющихся ресурсов районов для внедрения новых форм работы в этом направлении.

В Первомайском районе реализуется проект «Крепкая семья» с участием специалистов отделов образования, здравоохранения, по делам молодежи, культуры и спорта мэрии и районной администрации, социальной службы центра психолого-педагогической помощи семьям «Ассоль». Целью проекта является формирование крепкой и здоровой семьи. Участвуют в нем 85 семей, в которых имеется 169 детей.

В Ленинском районе в рамках пилотного проекта открыты организационно-методическое отделение по раннему выявлению семей «группы риска», служба постинтернатного сопровождения выпускников детского дома № 6, детская общественная приемная (в здании промышленно-экономического колледжа), клуб молодой семьи для выпускников интернатных учреждений, клуб приемных семей «Ковчег», клуб опекунских семей «Семейный очаг», предприятие инвалидов по ремонту одежды, детская игровая комната в общежитии по ул. Титова, 7, интернатная группа (пятидневка) для детей из семей группы риска в детском саду № 196, служба ранней помощи семьям, имеющим детей-инвалидов с синдромом Дауна.

Для поддержки родителей, воспитывающих детей-инвалидов, в комплексном центре социального обслуживания населения Советского района организована школа «Культура здоровья». Здесь же открыта группа социально-бытовой адаптации «Луч надежды», целью которой является формирование практических умений и навыков у детей с ограниченными возможностями. В комплексном центре социального обслуживания населения Октябрьского района организована «Психологическая гостиная», где родителям оказывается психологическая поддержка, проводятся психологические тренинги, тематические лекции. Сформирована команда детей-инвалидов для

участия в спортивных состязаниях «СпартиАнские игры 2007 года», проводимых в селе Боровое. Ребята выступили успешно и заняли несколько призовых мест. В городском центре социальной помощи семье и детям «Заря» с 2007 г. осуществляется проект «Особое детство». Его цель – разработка и внедрение новых услуг и технологий для оказания поддержки семьям, имеющим детей с синдромом Дауна ⁶.

В целях укрепления института семьи использовалась методико-просветительная работа. Преподавателями Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ) с 2005 г. проводятся информационно-просветительские курсы «Школа для родителей», которые выполняют образовательные, воспитательные и мировоззренческие задачи, формируют и укрепляют семейный образ жизни. Социальным результатом является коррекция системы ценностей, смещение акцентов в сознании и мышлении, изменение поведения и образа жизни участников проекта.

В профессиональном училище № 1 организован лекторий для педагогов по социально-психологическому сопровождению и психолого-педагогической поддержке семей, находящихся в кризисной ситуации, методам работы с детьми «группы риска», влиянию социальной и культурной среды на личность ребенка. В процессе сотрудничества педагогов НГПУ и профессионального училища № 1 подготовлен ряд методических материалов, которые вошли в экспозицию, представленную на Сибирской Ярмарке «Учсиб – 2006». Работа удостоена малой золотой медали в номинации «Электронный учебник» – уроки и воспитание в семье.

В рамках проекта «Семейно-ориентированное воспитание молодежи» преподаватели НГПУ провели занятия с детьми-сиротами детского дома № 7 в летнем оздоровительном лагере «Держинец». Содержание занятий – формирование базовых навыков семейной жизни: устройство дома, быта, организация домашнего питания, семейный бюджет и т.д. Прошел видеолекторий с последующим обсуждением. С детьми-сиротами дошкольного возраста проводилась коррекционная работа средствами традиционной народной игры, чтения сказок. Всего приняли участие в проекте около 500 детей ⁷.

Однако кризис семьи как ячейки общества не терял своей остроты, число беспризорных и безнадзорных детей оставалось очень высоким. Продолжало распространяться социальное сиротство. Их

обустройство являлось одной из самых болезненных социальных задач. В начале 2008 г. в Новосибирске действовали 11 муниципальных детских домов, епархиальный «Приют Св. Николая», 2 школы-интерната, имеющие сиротские группы, Сибирский кадетский корпус, принимающий осиротевших детей. Всего в этих учреждениях размещалось 783 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них 649 – в детских домах.

В 2007 г. ушли в «большую жизнь» 133 воспитанника. Каждому из них выплатили единовременное пособие. Но особенно важным является решение проблем постинтернатного сопровождения выпускников: профессиональное обучение, трудоустройство, обеспечение жильем.

Наряду с детскими домами развивались семейные формы жизнеустройства детей-сирот. Увеличилось число приемных семей с 42 (в них детей – 103) в 2006 г. до 73 (153 ребенка) в конце 2007 г.

В октябре 2006 г. в Новосибирске открылся Городской центр по профилактике социального сиротства. Его основными задачами являются разработка и реализация профилактических мероприятий, популяризация семейных форм жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, юридическое сопровождение и мониторинг решения этих проблем⁸.

Большое социальное значение имеет организация летнего отдыха детей и подростков. По сравнению с советским временем число лагерей и спортивных баз значительно сократилось. Часть из них пришла в полное запустение, территория других была использована под коттеджную и иную застройку. В 2006 г. работали 35 загородных оздоровительных лагерей, в которых отдохнули 19,8 тыс. учащихся, в 2007 г. действовал только 31 лагерь, в них побывали около 12 тыс. детей и подростков.

Вместе с тем расширилась сеть лагерей дневного пребывания учащихся, которые во время летних каникул открывались на базе новосибирских школ. В 2006 г. они работали при 201 образовательном учреждении, в 2007 г. – при 209, в них отдохнули соответственно 24875 и 26604 школьников.

Часть несовершеннолетних получила возможность сочетать отдых с трудовой деятельностью и заработать деньги на личные расходы. Особенностью летней оздоровительной кампании 2006 г. стала организация районных ремонтных бригад, в которых было за-

нято 500 учащихся и трудовых отрядов по месту жительства для 884 обучающихся, организованных ГОСами. Впервые управление образования мэрии совместно с Центром занятости населения Новосибирска провели индивидуальное трудоустройство 1317 несовершеннолетних. Эти начинания получили развитие в 2007 г. В трудовых отрядах, организованных органами территориального общественного самоуправления, работали 2349 учащихся. Индивидуально трудоустроили, в основном для ремонта школ, 1585 подростков. Всего организованными формами отдыха и труда в Новосибирске было охвачено летом 2006 г. 99125 учащихся 1–8-х классов, в 2007 г. – 99799 чел.⁹

Расширялась и приобретала новые черты профилактика наркомании среди подрастающего поколения. Управлением Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков совместно с Департаментом образования РФ по Новосибирской области проводились антинаркотические акции. В 2006 г. были организованы массовые мероприятия «Родительский урок», «Здоровье молодежи – богатство России», в 2007 г. прошли фестиваль-марафон «Стоп наркотик», акция «Здоровая молодежь – счастливая нация» и многие другие. В рамках Национальной программы «Неприкосновенный запас – дети Отечества», направленной на патриотическое, физическое, духовное и нравственное воспитание молодежи, в 2008 г. подготовлены и проведены выезды в военно-спортивные, детские спортивно-оздоровительные лагеря.

К участию в акциях постоянно привлекались муниципальные и общественные организации, такие как муниципальный информационно-методический центр по пропаганде здорового образа жизни в подростковой и молодежной среде «Ювентус-Н», Новосибирская региональная общественная организация «Новые горизонты», городской центр образования и здоровья «Магистр», молодежный клуб «Новый век», сотрудники областного государственного учреждения «Областной центр мониторинга образования», специалисты центра наркологической помощи детям и подросткам, инспектора инспекций по делам несовершеннолетних г. Новосибирска и Новосибирской области, совместно с Департаментом управления образованием администрации Новосибирской области и Управлением здравоохранения мэрии г. Новосибирска.

Все мероприятия направлялись на формирование у детей и молодежи осознанного отношения к здоровью, а также чувства личной ответственности за свое поведение. Однако работа с учащимися и студентами не ограничивалась только разъяснением правовых, медицинских, социальных аспектов проблемы наркомании. Профилактические мероприятия были также направлены на изменение ценностного отношения подрастающего поколения к наркотикам, людям, осуществляющим те или иные противоправные действия в сфере незаконного оборота психотропных веществ, формирование личной ответственности за своё поведение, пропаганду здорового образа жизни, формирование позитивных жизненных установок.

Продолжала оказываться помощь и такой довольно обширной категории населения как бездомные. В сентябре 2008 г. в городе появилась социальная гостиница для лиц без определенного места жительства. Двухэтажное здание бывшего наркологического корпуса больницы № 8 уже приняло 20 первых постояльцев. Со временем здесь планируется привечать до 150 человек. Свой новый дом жильцы будут обустраивать собственными силами и в скором времени там разместятся спортивный зал, душевые кабины, медицинский кабинет и кухня. «Появление социальной гостиницы в городе позволит решить проблемы с проживанием, питанием, оказанием санитарной и медицинской помощи бездомным людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, – рассказывает заместитель руководителя общественной организации «Преображение» Борис Кислый. – А вернуться к нормальной жизни им поможет работа, которую предоставит наша организация. Они могут убирать улицы, благоустраивать территории кладбищ, перевозить грузы и оказывать благотворительную помощь одиноким пожилым людям»¹⁰.

Очень болезненным для многих новосибирцев стал осуществленный в соответствии с действующим законодательством переход с 1 января 2006 г. на стопроцентную оплату жилищно-коммунальных услуг населением. Постановлением мэра от 20 декабря 2005 г. № 1464 «О тарифах и мерах социальной поддержки населения при оплате жилищно-коммунальных услуг» устанавливались тарифы, стоимость которых из расчета на 1 кв. м составила 33,0 руб., что соответствовало региональному стандарту и было на 10 % ниже федерального стандарта. Одновременно с повышением тарифов в городе вводилась система социальной защиты малообеспеченных

граждан, которая позволила несколько ограничить рост оплаты жилищно-коммунальных услуг для них в строгом соответствии с размерами доходов. При этом максимально допустимая доля расходов составляла 14 % от совокупного дохода семьи. Правда, для его исчисления и получения субсидии требовалось предоставление многочисленных справок. Постановлением мэра от 21 декабря 2006 г. № 1307 «О плате за жилищные и коммунальные услуги для населения» устанавливались новые тарифы, стоимость которых из расчета на 1 кв. м составила уже 35,7 руб., что все же оказалось на 15 % ниже федерального стандарта (41,2 руб./кв. м)¹¹. Для значительной части жителей города, особенно пожилых и страдающих различными заболеваниями, оплата жилищно-коммунальных услуг является одной из основных расходных статей личного бюджета, наряду с покупкой продуктов питания и приобретением лекарств.

В начале XXI столетия в Новосибирске обозначился интерес к новой форме социального обслуживания малообеспеченных одиноких горожан – пожизненной ренте. Соответствующий договор, который им предлагали заключать с мэрией, давал определенную надежду на спокойную, безопасную и обеспеченную старость, а в работе Новосибирского управления социальной поддержки населения началась реализация проекта «*Пожизненная рента*». Положение «О пожизненной ренте в городе Новосибирске» было утверждено постановлением мэра № 1275 от 30 июня 2000 г. «О мерах дополнительной социальной поддержки пожилых граждан и инвалидов»¹². Заключив официальный юридический договор о том, что после их смерти квартира, единоличными собственниками которой они являются, будет передана муниципалитету, эти категории горожан получали право на пожизненное регулярное пособие, которое выплачивалось наряду с пенсией и другими социальными выплатами. Гражданин, заключивший договор, определялся как получатель ренты. В роли её плательщика выступала мэрия г. Новосибирска. Детально регламентировались условия предоставления и величина пожизненной ренты. Получать её могли горожане, имеющие в собственности квартиру или комнату и достигшие 65-летнего возраста. В отдельных случаях договор мог заключаться с инвалидами, не достигшими установленной возрастной границы. Приказом директора департамента по социальной политике № 156 от 28 августа 2001 г. одинокие престарелые граждане и инвалиды, получающие

пожизненную ренту, прикреплялись к социальным учреждениям города для обслуживания на дому, им предоставлялись разнообразные социальные услуги: доставка продуктов на дом, помощь в приобретении лекарств, промышленных товаров первой необходимости, уборка квартиры и др. Закрепленный за таким горожанином социальный работник посещал его не менее двух раз в неделю, а нередко ежедневно, в зависимости от состояния здоровья. К тем, кто не нуждался в обслуживании на дому, сотрудники социальной службы приходили обычно раз в месяц. Фонд социальной поддержки населения города организовывал ремонт квартир получателей ренты¹³.

На 2006 г. заключено 123 договора. Средний размер ежемесячной ренты за время её существования в Новосибирске составляет около 1000 руб. Кроме того, мэрия выплачивает получателям ренты единовременную денежную выплату: 18 тыс. руб. – за однокомнатную квартиру, 21 тыс. – за двухкомнатную и 24 тыс. руб. – за трехкомнатную квартиру.

В Положение об установлении пожизненной ренты, которое действует в Новосибирске с 2001 г., продолжают вноситься существенные изменения, направленные на усиление социальной защищенности одиноко проживающих пенсионеров и инвалидов. Учитывая, что большинство из них находится в крайне тяжелом материальном положении, мэрия ввела дополнительные коэффициенты кратности рентных платежей относительно минимального размера оплаты труда. Так, для рентополучателей старше 80 лет установлена ежемесячная компенсация в сумме 7 минимальных размеров оплаты труда, для инвалидов I группы старше 70 лет и для инвалидов II и III групп старше 75 лет – 7,5¹⁴.

В очень острую проблему превратилась нехватка мест в детских учреждениях, которых в советское время в Новосибирске имелось достаточное количество. Однако многие из них были затем проданы или переданы в аренду коммерческим организациям, подверглись коренной перепланировке и перестройке в связи с новыми функциями. За 15 лет рыночных реформ в городе не было построено ни одного детского сада.

В начале 2005 г. в Новосибирске действовали 270 детских дошкольных учреждений, из них 227 муниципальных. С большим трудом происходило высвобождение площадей, ранее переданных в аренду. На базе общеобразовательных школ открывались подготовительные

группы, что позволяло привлечь детей старшего дошкольного возраста. Но очередь в детсады не сокращалась и достигла только по официальным данным 11 тыс. чел. По оценке комиссии Горсовета по социальному развитию – «это настоящая беда Новосибирска». На 2008–2010 гг. планировалось выделить 3,5 млрд. руб. для строительства дошкольных учреждений¹⁵.

В организации свободного времени и досуга детей и подростков большую роль играют учреждения дополнительного образования – дома и центры творчества, станция юных техников, клуб юных речников, клуб юных моряков «Каравелла», художественно-эстетическая школа «Весна», детская музыкальная школа духового мастерства, детская телестудия, 20 детско-юношеских спортивных школ, 10 детско-юношеских клубов физической подготовки и др.

В 2004 г. в 56 внешкольных учреждениях дополнительного образования занимались 87 тыс. учащихся, или более 60 % школьников. Для удовлетворения потребностей и интересов детей, их гармоничного развития открыто 85 различных направлений деятельности. В 2004 г. 519 воспитанников учреждений дополнительного образования стали победителями и лауреатами международных и всероссийских конкурсов. В 2005 г. в этой системе 11 объединений имели статус «Образцовый коллектив», 4754 воспитанника учреждений дополнительного образования стали победителями соревнований, конкурсов, фестивалей различных уровней.

Реализовывалась городская целевая программа «Патриотическое воспитание молодежи г. Новосибирска на 2003–2005 годы». Увеличилось число подростков, занимающихся в патриотических клубах. Молодежные команды и творческие коллективы участвовали в патриотических конкурсах «Богатыри земли сибирской», «День защитника Отечества», городском финале военно-патриотического конкурса «Победа», фестивале патриотической песни. Проводились концерты для призывников на областном сборном пункте. Поисковая экспедиция «Поиск – МгиВ» дважды выезжала на территорию Ленинградской области. За время поисковых работ были подняты и захоронены останки более 500 павших воинов, обнаружено 19 медалей, по данным четырех найдены родные погибших. Проводились общегородские молодежные акции «Память» по уходу за городскими памятниками и местами захоронения воинов-сибиряков.

В 2006 г. в системе дополнительного образования открылись 60 новых творческих объединений. В целях развития художественного детского творчества проводились выставки-конкурсы «Мир без атомных катастроф» и «Дикие животные родного края», конкурсы «Дворец для скворца» и «Животный мир и зоопарки», городской театральный фестиваль «Времен связующая нить», фестивали «По-ем о славе России» и юных исполнителей на электронных музыкальных инструментах, городской этап областного фестиваля детских хоровых коллективов «Поющая школа», концерт стипендиатов «Веселые нотки» ООО «Азия трейд мьюзик Новосибирск».

Осуществлялись мероприятия в рамках городской целевой программы «Дети и город». Учащиеся детских музыкальных школ участвовали в областном конкурсе фортепианных ансамблей и городском конкурсе исполнителей на народных инструментах на базе Новосибирского музыкального колледжа, в конкурсе хоров «Сибирский», концерте Новосибирского государственного оркестра русских народных инструментов. Проведены Неделя детской книги, городской конкурс детского литературного творчества «Золотое перышко», интересно работала городская студия детского литературного творчества «Планета открытий» на базе Центральной районной библиотеки им. Н.К. Крупской.

В начале 2008 г. в муниципальных учреждениях дополнительного образования занималось 96115 детей и подростков, что составляло 85 % от общего числа обучающихся ¹⁶.

Таким образом, в новом столетии сеть социально-культурных учреждений в Новосибирске существенно расширилась, наряду с действовавшими создавались новые структуры, увеличился спектр социокультурных услуг. В каждом районе города отделения комплексных центров социального обслуживания оказывают разноплановую помощь практически всем категориям нуждающихся новосибирцев, заметно снижают степень социальной напряженности на своих участках. Важно отметить такой социально-психологический аспект современного развития как преодоление стереотипов среди населения, заключавшихся в том, что лишь государство может решить их многочисленные социальные проблемы. Более того, новосибирцы, нуждающиеся в поддержке, стали понимать и принимать необходимость самостоятельно заботиться о себе, приходить на помощь своим близким и другим людям, о чем свидетельствует воз-

никновение групп самопомощи и общественных объединений, проявление гражданских инициатив.

Позитивные тенденции в социокультурном обслуживании, безусловно, сказались на повседневной жизни и организации досуга горожан. Однако возможности, созданные благоприятной экономической конъюнктурой, реализовывались далеко не в полной мере. Социальные проблемы «приглушались», но не теряли своей остроты.

¹ **Букин С.С., Чернов Д.В.** Соцзащита. Помощь новосибирцам в годы реформ (1992–2002). Новосибирск, 2003. С. 32-37; **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. Приложение к решению городского Совета от 27.06.2007 № 631. Новосибирск, 2007. С. 70 // www.novo-sibirsk.ru; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 74.

² **Итоги** социально-экономического развития г. Новосибирска в 2004 году и основные задачи на период до 2008. Департамент экономики и финансов мэрии. Отдел экономического анализа и прогнозирования. Новосибирск, 2005. С. 7, 12; **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 21; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. Приложение к решению Совета депутатов города Новосибирска от 21.05.2008 № 976. Новосибирск, 2008. С. 21 // www.novo-sibirsk.ru

³ **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2005 г. С. 61; **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 70-71; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 78.

⁴ **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2005 г. С. 62-63.

⁵ **Итоги** социально-экономического развития г. Новосибирска в 2004 г. С. 95; **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического

-
- развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 42; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С.43-44.
- ⁶ **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 74-76.
- ⁷ **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2005 г. С. 74; **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 84.
- ⁸ **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 97.
- ⁹ **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 90; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 96-97.
- ¹⁰ **Аргументы** и факты на Оби. 2008. № 40. С. 5.
- ¹¹ **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 23; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 22.
- ¹² **Отчет** Управления социальной поддержки населения за 2000 г. Текущий архив мэрии г. Новосибирска.
- ¹³ **Отчет** Управления социальной поддержки населения за 2001 г. Текущий архив мэрии г. Новосибирска.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ **Итоги** социально-экономического развития г. Новосибирска в 2004 г. С. 25; **Аргументы** и факты на Оби. 2007. № 48, С. 11.
- ¹⁶ **Итоги** социально-экономического развития г. Новосибирска в 2004 г. С. 25; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2005 г. С. 84, 89; **Отчет** об итогах выполнения плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2006 г. С. 91; **Отчет** об исполнении плана социально-экономического развития г. Новосибирска на 2007 г. С. 98.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тимошенко А.И.</i> Проблемы формирования населения и индустриальных кадров для районов нового промышленного освоения Сибири в государственной политике СССР	3
<i>Исаев В.И.</i> Вовлечение женщин в общественную жизнь и промышленное производство в условиях индустриального освоения Сибири (1920-е – 1930-е гг.)	46
<i>Куперитох Н.А.</i> Деятельность КЕПС и СОПС в восточных регионах России в первой половине XX в.	64
<i>Романов Р.Е.</i> Деятельность государственных органов власти и организаций по мобилизации трудоспособного населения на предприятия сибирского тыла в начальный период Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 – 1942 г.)	91
<i>Букин С.С.</i> Государственные социальные акции послевоенной эпохи в сибирском измерении (1946–1953 гг.)	109
<i>Ефимкин М.М.</i> Государственное решение проблемы формирования трудового потенциала Сибири: опыт и преемственность	120
<i>Гаврилова Н.Ю.</i> Особенности социальной политики освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири	130
<i>Карпов В.П.</i> Нефтяной вектор индустриализации Югры: приобретения и потери Северного округа	147
<i>Долголюк А.А., Цыкунов Г.А.</i> Роль капитального строительства в формировании территориально-производственных комплексов	159
<i>Тимошенко А.И.</i> Советский опыт изучения и освоения Арктики в разработке современной стратегии	183
<i>Дашинамжилов О.Б.</i> Промышленная политика в Бурятии в 1994–2000 гг.	196
<i>Букин С.С., Чернов Д.В.</i> Организация социокультурного обслуживания населения Новосибирска в условиях макроэкономической стабильности (2001–2008 гг.)	211

Научное издание

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОСВОЕНИЮ СИБИРИ
В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Сборник научных трудов

Вып. 2

Оператор электронной верстки Букина Т.Д

Сдано в набор 20.04.2010. Подписано в печать 25.05.2010. Бумага офсетная
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 12,23. Усл. п.л. 13,8. Тираж 100 экз. Заказ
№ 0525

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090 Новосибирск, ул. Институтская, 4/1